

Анне-Кам.
Вестли

ГЮРО И СКРИПКА

Анне-Кат.
Вестли

ГЮРО И СКРИПКА

Повести

Перевод с норвежского *И. П. Стребловой*

Художник
Надежда Бугославская

Москва
«Махаон»
2017

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)
В38

Anne-Cath.Vestly

GURO ALENE HJEMME
GURO OG FIOLINEN

Перевод с норвежского
И.П. Стребловой

Вестли А.-К.

В38 Гюро и скрипка : повести / пер. с норв. И.П. Стребловой ; ил. Н.В. Бугославской. –
М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. 192 с.: ил.

ISBN 978-5-389-09104-7

Вы, наверное, уже успели познакомиться с Гюро и её мамой Эрле. Из этой книги вы узнаете, что случилось с Гюро, когда она осталась вечером дома одна, как Гюро и Сократ скатили палубу, что водяной подарил Гюро на Рождество, как Гюро и Сократ давали скрипичный концерт и многое другое.

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

Guro alene hjemme and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1977 [All rights reserved.]
Guro og fiolinen and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1978 [All rights reserved.]
© Стреблова И.П., 2016
Бугославская Н.В., иллюстрации, 2016

ISBN978-5-389-09104-7

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Machaon ©

ГЮРО ОДНА ДОМА

Огна дома

Поблизости от большого города есть городок, который называется Тириллтопен. Тириллтопен хоть и невелик, но он самый настоящий город. Это вам не посёлок с маленькими, невысокими домиками и крошечными магазинчиками. Нет, он почти весь состоит из больших, многоэтажных корпусов, хотя есть и немного низких, длинных домов с отдельными подъездами для каждой квартиры. Просторную площадь окружают большие магазины. Площадь с магазинами называется Центром, там есть и доктор, и зубной врач, и парикмахерская, и банк, и почта. Но красивее всего большие корпуса, они тянутся к небу, как башни. В таком корпусе и жила Гюро. Она жила на первом этаже корпуса «Ц» со своей мамой Эрле. Эрле работала дворником и следила за порядком во всём корпусе «Ц».

Гюро и Эрле прожили тут несколько месяцев, и мама узнала здесь почти всех жильцов, а Гюро ещё не успела, потому что в корпусе было тринадцать этажей, а Гюро не была дворником и не могла побывать во всех квартирах. Мама брала её с собой на вызовы только несколько раз. Но в лицо Гюро знала уже почти всех, кто тут жил, и совершенно точно всех детей из своего дома. Среди них были и совсем малявки, были и такие, как Гюро, и много совсем больших мальчиков и девочек. Знала Гюро и некоторых взрослых: знала женщину, которую звали Эви и у которой была дочка Нюсси, знала и Эдварда. Эдвард был папой Авроры и Сократа. Их маму Гюро тоже немножко знала, её звали Мари.

Ещё в доме жил мальчик Кнут. И Нюсси говорила, что в него влюблена Аврора, но Аврора говорила, что это полная ерунда, потому что Кнут уже большой, он ездит на мопеде и вообще.

Рядом был корпус «Ю». Там она знала Тюлиньку. Тюлинька была не девочка, а взрослая женщина. Она уже вышла на пенсию, а теперь стала дневной мамой для Гюро и Сократа и для собаки, которую звали Индивид. Ещё Гюро знала человека, которого звали Бьёрн, и он работал дворником в корпусе «Ю». Теперь же она познакомилась и с его сыном Лилле-Бьёрном, но с ним она встречалась уже раньше, только сначала сама об этом не догадывалась, потому что сын Бьёрна оказался тем самым Лилле-Бьёрном, который жил в Гампетрефе у тётушки Заботы, и это он научил Гюро играть в самолётики, и они много раз играли вместе, когда Гюро была маленькая. Но только этим летом она узнала, что Лилле-Бьёрн – сын Бьёрна. Он приезжал к отцу два раза в месяц на субботу и воскресенье, а иногда бывал и в будние дни. А один раз Бьёрн и Лилле-Бьёрн приходили к Гюро и Эрле в гости, но Лилле-Бьёрн больше помалкивал и только читал в углу газету, но Гюро его всё равно узнала. И ещё она знала маленького мальчика Ларса и большую девочку Грю, ну вот, кажется, и всё. Больше Гюро ещё ни с кем не успела познакомиться в Тириллоппене. Но она знала, что в лесу живёт одна бабушка, и ещё знала старика Андерсена из пансионата в городе, и подругу Тюлиньки, которую звали Лиллен, а может быть, и ещё кого-то. Гюро хотела познакомиться со всеми людьми на свете, так что очень хорошо, что у неё уже вон сколько знакомых!

Но хотя у неё было так много знакомых, однажды вечером она осталась совсем одна. Дело было осенью, и она сидела одна в дворницкой квартире.

Такое уже бывало, и не раз. Но раньше так случалось, только когда маму вызывали зайти что-нибудь починить, и Гюро знала, что мама скоро вернётся. Другое дело сегодня: Эрле уехала в город, она там ходила на курсы и училась всяким вещам, которые надо знать, чтобы ещё лучше выполнять работу дворника.

– Сама знаешь, Гюро, что я недостаточно разбираюсь в том, как устроена котельная, – сказала Эрле. – А раз уж я стала дворником и мы живём в этой квартире, я хочу как следует выполнять свою работу и потому мне надо два раза в неделю ходить на курсы.

Эрле хотела попросить Тюлиньку, чтобы та побыла с Гюро вечером, но не успела она об этом заговорить, как Тюлинька сказала:

– Представляешь себе, я сегодня приглашена и иду развлекаться.

– Идёшь развлекаться? – переспросила Эрле.

– Да, мы с Андерсеном идём в кино. Он уже столько раз меня звал, и вот сегодня я согласилась. А сначала поедим где-нибудь.

– Сегодня же холодно! – сказала Гюро.

– Мы пойдём в ресторан, – объяснила Тюлинька. – Андерсен угощает, и я закажу себе бифштекс. По-моему, нет ничего вкуснее бифштекса.

– Очень приятное приглашение! – сказала Эрле.

– Моей Лиллен я не буду ничего говорить, – сказала Тюлинька. – А то она сразу начнёт пугать, как это я решилась отправиться в город в вечернее время и так далее и что ездить на поезде – дело небезопасное. Но Андерсен сказал, что отправит меня домой на такси, так что всё будет очень шикарно. Хотя, по-моему, в этом нет никакой необходимости, я люблю ездить в поезде, где много народу.

– Сегодня какая-нибудь особенная дата, что вы её решили отпраздновать? – спросила Эрле.

– Да. У Андерсена день рождения, и он решил сделать себе такой подарок – пригласить меня в кино. Немножко странно, конечно. Разумеется, я тоже припасла для него подарок. Я купила тапочки, на его старых совсем стоптанные задники.

– Ну что ж! Остаётся только пожелать тебе приятно провести время, – сказала Эрле. – Передай Андерсену от нас привет и поздравление с днём рождения.

Тюлинька ушла, и Эрле сказала:

– Теперь я вообще не знаю, что и делать. Мне так хочется пойти на курсы, а с тобой некому посидеть. Как ты думаешь, ты могла бы побыть дома одна?

– А Бьёрн дома? – спросила Гюро.

– Нет, он тоже ездит на курсы, – сказала Эрле. – Понимаешь, нам там расскажут про совершенно новую вещь – полностью автоматизированную отопительную систему. Она работает сама, без посторонней помощи, но кое-что всё-таки мы должны о ней знать.

– Понятно, – вздохнула Гюро.

– Если будет звонить телефон, можешь не снимать трубку, – сказала Эрле. – Но если решишь ответить, то просто скажи, что я буду попозже. А если позвонят в дверь, то никому не открывай. Сделаем вид, как будто мы обе ушли и никого нет дома. Я оставлю тебе приготовленный ужин и постараюсь вернуться как можно скорей. Обещаю!

Когда мама это сказала, было ещё светло, они сидели за столом и обедали, так что Гюро на всё ответила: «Хорошо».

Она даже немножко гордилась собой, что так хорошо помогает маме и что она такая молодец – не боится оставаться дома одна.

Мама сказала:

– Ты у меня молодец, Гюро. Но в следующий раз я с кем-нибудь договорюсь, чтобы с тобой посидела Тюлинька или Грю.

На улице начинало темнеть, но было ещё не совсем темно, и Гюро пошла с мамой в последний обход. Мама везде проверила, всё ли в порядке в прачечной и в котельной, а затем подобрала валяющиеся бумажки, которые кто-то набросал.

– Ты поедешь на поезде, а Лиллен говорит: это дело небезопасное. Помнишь, что рассказывала Тюлинька?

– Ну что ты, ничего в этом нет опасного, – сказала мама. – А сегодня я еду с Бьёрном на машине, и это очень удачно, потому что так мне не надо спешить и выходить из дому заранее.

– А-а, – сказала Гюро.

Когда подъехал Бьёрн, она стояла у окна. Мама уже собралась и даже надела пальто, чтобы Бьёрну не надо было выходить из машины и звонить

к ним в дверь. Гюро махала и махала им из окна. Мама и Бьёрн тоже помахали ей и уехали.

И вот Гюро осталась одна. Сначала это было даже интересно. Она пошла на кухню и посмотрела, что мама приготовила ей на ужин. Мама завернула еду в бумагу. Гюро отвернула бумагу и посмотрела, что под ней лежит. Там было три бутерброда. Один с сервелатом, другой с кружочками нарезанного яйца, а третий с мёдом, а ещё рядом с тарелкой лежала маленькая шоколадка в красном фантике и большое яблоко. Но Гюро ещё не очень проголодалась и решила подождать с ужином.

Она вернулась в гостиную, но там было как-то очень уж пусто. И чересчур тихо — так тихо, что Гюро захотелось включить радио: может быть, там будет музыка, и тогда музыка составит ей компанию. Она включила радио, но там передавали не музыку. Какой-то дядечка читал лекцию про нефть. Он говорил непонятными словами, и по его голосу казалось, что он на нефть сердится. Как-то уж очень строго он разговаривал. Гюро тоже рассердилась на нефть, ведь и мама ушла из-за этой нефти. Ушла на курсы для того, чтобы узнать, как топят этой нефтью дома, а Гюро из-за этого осталась одна. Уж лучше бы у них были такие печки, как в Гампетрефе. Там они с мамой садились возле печки и смотрели, как в ней горит огонь, и им было тепло и хорошо. И папа был рядом. Папа шёл в дровяной сарай и приносил оттуда дрова и укладывал их в печку, дрова весело трещали, а по радио передавали музыку, а папа щепал лучину про запас, чтобы у Эрле и Гюро назавтра была растопка, а однажды взял и выстругал ей петушка с роскошным

хвостом. Хвост был из маленьких лучинок, похожих на перья, и торчал веером. Когда мама увидела петушка, она тоже захотела попробовать и сделала собачку, а потом и Гюро дали построгать, и она порезала палец, и его пришлось перевязывать, было не очень больно, и на следующий день ей тоже разрешили строгать, и ещё на следующий, и у неё стало уже хорошо получаться.

Гюро выключила радио и подумала, что пора покушать, но решила, пускай рядом будет папа. Папин портрет стоит на столе в гостиной, а теперь они пойдут с ним на кухню.

Нет, ужинать в кухне что-то не хочется, и она решила поесть в гостиной и заодно поиграть в гости. Гостями будут Вальдемар и Кристина, две куколки, которых ей подарила Тюлинька, а ещё тут понарошку соберутся мама, и папа, и Тюлинька. Мало ли, что она ушла в кино! А ещё будут Бьёрн, и Лилле-Бьёрн, и тётушка Забота из Гампетрефа! Вальдемара и Кристину Гюро усадила вдвоём на один стул, и вокруг стола осталось ещё много стульев для других гостей. Но стулья выглядели такими пустыми! Можно взять подушку с кровати, как будто это сидит папа, и подушки с дивана – это как будто Тюлинька и тётушка. Но этого ещё не хватит. Можно взять подушки с маминой кровати. У мамы их две – одна маленькая и одна большая. Это будут Бьёрн и Лилле-Бьёрн. Ну, вот теперь, кажется, достаточно!

Ой, как же холодно в маминой спальне! Любит мама спать в холодной комнате. Окно у неё приоткрыто, а батарея отключена. Должно быть, мама забыла закрыть окошко. Мама часто напоминала Гюро, что нельзя оставлять окна открытыми, когда уходишь из дома: «Ведь мы с тобой живём на первом этаже – вдруг кто-нибудь вздумает без нас забраться в квартиру!» Что, если кто-нибудь возьмёт и украдёт папину скрипку, которую мама теперь отдала Гюро. Скрипка висела в её комнате. Сейчас квартира не стояла пустая, потому что Гюро-то была дома, но она решила всё же на всякий случай закрыть окно и быстренько закрыла. Затем схватила подушки с маминой кровати, затворила за собой дверь, вернулась в гостиную и поставила подушки на стулья.

– Давайте ужинать, угощайтесь, пожалуйста! – сказала Гюро не очень громко, потому что, хотя за столом и сидело много гостей, ей всё равно было

как-то одиноко на душе. Она принесла из кухни еду, всех угостила и тут почувствовала, что ужасно проголодалась. Гюро начала с бутерброда с яйцом.

И тут она услышала какой-то звук: что-то зашумело, и шум шёл из маминой спальни. Вот снова! Как будто что-то бухнуло. В комнате кто-то есть! Мама ведь, уходя, забыла закрыть окно. Наверное, кто-то туда забрался до того, как Гюро его закрыла, и прятался в шкафу, когда она вошла в спальню! Гюро тихонько сползла со стула, на цыпочках вышла в переднюю, оттуда на лестницу и захлопнула за собой дверь.

И только тут она вспомнила, что у неё нет с собой ключа. Ключ лежал в уличных брюках, а они сушились на верёвке в ванной, потому что промокли, когда Гюро и Сократ во время утренней прогулки с Тюлинькой и Индивидом посидели на сыром мху.

Гюро не было страшно, когда она оказалась на лестничной площадке, но она бегом побежала вверх по лестнице, чтобы тот, кто прятался в маминой комнате, не успел бы её догнать, если выскочит. Гюро взлетела наверх и, только очутившись на третьем этаже, замедлила шаг. Она ступала медленно и старалась не шуметь. Она уже точно знала, куда ей идти. Она шла к дяде Эдварду. Там она будет в безопасности дожидаться маминого возвращения. Дядя Эдвард точно позволит ей остаться, даже если Сократ уже спит.

К дяде Эдварду нужно было подняться на девятый этаж. Она знала дорогу, потому что много раз там бывала, и ноги сами несли её куда нужно. Даже хорошо, что до девятого этажа так много пролётов, потому что Гюро уже как будто перестала бояться. Она шла не спеша, даже попробовала подпрыгивать со ступеньки на ступеньку и радовалась, когда у неё получалось. Жаль только, что она не захватила с собой вкусные бутерброды, приготовленные мамой! Надо было взять их с собой. Тогда она позвонила бы в квартиру Сократа и сказала: «Можно я у вас съем свой ужин?» Они бы все вместе сидели за кухонным столом, а папа Сократа рассказал бы что-нибудь интересное, у него всегда было что рассказать.

Но могло случиться и так, что его не будет дома. Сократ говорил, что его папа иногда уходит к кому-то играть на пианино. Но тётя Мари наверняка сейчас дома. Мари – это была мама Сократа, она очень хорошая и никогда не задаёт дурацких вопросов, вроде того, каково тебе живётся при маме-дворнике, как спрашивали другие женщины из их дома.

Но с этими женщинами Гюро была не очень знакома, и её маму они тоже не очень хорошо знали.

А тётя Мари, та говорила: «Передай привет Эрле!» или «Как Эрле поживает?». Один раз у них с Гюро был очень серьёзный разговор, и тётя Мари сказала: «Как хорошо, Гюро, что Сократ познакомился с тобой. Он у нас немножко робеет с другими детьми, но мы надеемся, что это у него пройдёт. Ты приходи к нам почаще, когда захочешь. Мы любим гостей».

И вот Гюро добралась до девятого этажа и пошла по коридору. Еду она, правда, не захватила и не могла сказать, что хочет у них съесть свой ужин.

Тут из одной двери вышли какие-то люди. Наверное, они собирались куда-то пойти. Они кивнули девочке и сказали:

– Добрый вечер, Гюро! Никак ты тут одна бродишь по дому?

– Да, – ответила Гюро, но больше ничего не сказала.

Вот она уже почти дошла до двери Сократа. Она не собиралась говорить, что в маминой спальне кто-то есть, что она испугалась и всё такое. Не так уж она и боится, немножко только разволновалась. Гюро наконец придумала, что сказать, когда ей откроют: «Здравствуйте! А Сократ дома?»

Так будет лучше всего.

Она подошла к двери и позвонила.

Нечаянный переполох

Гюро ждала, но никто не открывал. Наконец за дверью послышались шаги. Дверь отворилась, и она увидела незнакомую пожилую женщину.

– Здравствуйте! А Сократ дома? – спросила Гюро.

– Дома, – ответила женщина, – но он уже спит, и я думаю, нам не стоит его будить, мы с Авророй собираемся отдохнуть в тишине. Когда Сократ не спит, мне, знаешь, даже некогда с ней поговорить. Их родители ушли в гости. А как тебя зовут, девочка?

– Меня зовут Гюро, – ответила Гюро.

– Ах, так это ты подружка Сократа! Приходи поиграть завтра. Я не стану говорить Авроре, что ты приходила, она сейчас укладывается. Я ку-

пила интересную книжку, и мы с ней собираемся почитать. По-моему, и тебе сейчас лучше пойти домой и лечь в кровать.

– Хорошо, – сказала Гюро.

Она повернулась и спокойно пошла по коридору. Женщина затворила дверь, и вокруг стало тихо.

«Я могу пойти к Эви, – подумала Гюро. – Может быть, Нюсси ещё не ложилась и можно будет побыть у них».

Эви и Нюсси жили на одиннадцатом этаже, и Гюро вышла на лестницу и стала подниматься дальше – сначала на десятый, потом на одиннадцатый этаж. Где живёт Нюсси, она тоже хорошо знала, но теперь она передумала говорить «Здрасьте! А Нюсси дома?», а решила, что лучше будет сказать: «Можно мне побыть у вас? Мама ушла, а в квартире у нас кто-то есть».

Она подошла к двери и позвонила. Внутри кто-то говорил громким голосом, словно это работало радио или, может быть, телевизор. У Нюсси был телевизор. Потом заиграла музыка, но затем наступила полная тишина. Может быть, они не расслышали звонка? Может быть, она так осторожно нажала на кнопку, что её не услышали? Гюро позвонила ещё раз, и теперь она хорошенько нажала на кнопку и держала долго, но никто не вышел и не открыл дверь.

Но в это время из квартиры по соседству вышли какие-то люди, и один из них посмотрел на Гюро и сказал:

– Что это ты до сих пор не спишь? Мне кажется, пора бы тебе бежать домой к маме.

– Хорошо, – сказала Гюро.

Она пошла прочь по коридору и услышала, как за спиной у неё кто-то сказал:

– Это дочка дворника. У нас женщина–дворник. С работой она неплохо справляется, но за счёт времени на воспитание ребёнка.

Гюро стала спускаться по лестнице, но на первый этаж побоялась возвращаться.

Она дошла только до второго этажа, а там повернула и снова стала подниматься наверх. Люди, которые заговорили с ней наверху, спустились на лифте, и она не боялась опять с ними встретиться.

Гюро всё шагала и шагала. На ходу почему-то было не так страшно и одиноко. Теперь она уже совсем медленно поднималась на тринадцатый

этаж и, когда дошла, почувствовала, что ноги у неё очень устали, и она пошла по коридору. За дверями квартир слышались голоса, и от этого ей было как-то спокойнее, но все голоса были незнакомые, и она не звонила ни в одну дверь. Когда кто-нибудь выходил, Гюро нарочно прибавляла шаг, как будто куда-то спешит. Поэтому никто не удивлялся, почему это она так поздно не спит, а бродит по дому. Одежда на ней была домашняя, так что люди могли подумать, что девочка возвращается домой из гостей.

Теперь она стала делать так: поднимется на один этаж и идёт по коридору до самого конца, чтобы слышать голоса и звуки, несущиеся из квартир.

Так она обошла все этажи. Ножки у неё страшно устали, и она присела отдохнуть на ступеньке. Услышав приближающиеся шаги, Гюро сразу вскакивала и уходила. К счастью, это случалось редко, так как в большинстве случаев люди поднимались на лифте.

У Эрле и Бьёрна закончились занятия на курсах. Они пошли к машине, и по пути Бьёрн сказал:

– Мы ведь оба устали и проголодались. Не хотела бы ты зайти со мной в какое-нибудь кафе подкрепиться вкусным бутербродом? Я знаю поблизости симпатичную кафешку.

– Ох, я бы с удовольствием, если бы Гюро у меня оставалась дома под присмотром, но сегодня она одна. Думаю, что с ней всё хорошо, но всё-таки хочу поскорее домой.

– Как скажешь, – ответил Бьёрн. – Жаль, у меня сегодня не было Лилле-Бьёрна, а то он бы побыл с Гюро. Он бы с радостью с ней остался.

– Да, жаль, что его не было, – сказала Эрле. – Вдвоём им было бы лучше.

– Ну ничего. Отложим бутерброды до другого раза, – сказал Бьёрн. – А сейчас едем домой!

– Может быть, ты зайдёшь к нам покушать? – спросила Эрле. – Сегодня ради особого случая я купила вкусных вещей, чтобы Гюро в одиночестве было чем утешиться. Если к нашему приходу она ещё не будет спать, то очень тебе обрадуется.

– Я вовсе не хотел напрашиваться, – сказал Бьёрн. – Я сам собирался тебя угостить. Но я страшно проголодался и, раз так, принимаю приглашение.

Они поехали домой, но, подъехав к Тириллтопену, Бьёрн вместо привычной дороги свернул на другую. Остановившись на минутку, он сказал:

– Здесь строится новая школа, большая. Может быть, Гюро, когда подрастёт, будет в ней учиться.

Сейчас это была ещё только строительная площадка, и со всех сторон её освещали яркие прожектора.

– А что это за маленький домик строится возле неё? -- спросила Эрле.

– Это домик для дворника, -- сказал Бьёрн. – По-моему, выглядит очень приятно.

– Ты хочешь поступить туда работать? – спросила Эрле.

– Ещё не знаю, – сказал Бьёрн и тронулся дальше.

Дальше они ехали без остановок, пока не подъехали к корпусу «Ц».

– Спасибо, что подвёз, – поблагодарила Эрле, – а теперь пойдём к нам.

Она осторожно отперла замок и тихонько вошла, чтобы не разбудить Гюро, если та уже спит.

Увидев в гостиной подушки на стульях вокруг стола, она удивилась.

– Ну и зрелище! – сказала Эрле. – Во что это она тут играла?

– Наверное, в гости, – сказал Бьёрн. – Вон Вальдемар и Кристина сидят, как в гостях, а на столе стоит еда.

– Ой, она же совсем мало поела! – сказала Эрле. – погоди, я сейчас всё приберу и загляну к Гюро посмотреть, спит ли она. Бедняжка даже не забрала свою подушку.

Мама взяла со стула подушку Гюро и осторожно-осторожно открыла дверь в её комнату. Потом она заглянула в кроватку и увидела, что Гюро там нет.

– Ничего не понимаю! Её нет в кроватке, – сказала она Бьёрну. – Должно быть, устроилась в моей. Так ей показалось спокойнее. Вот мои подушки. Сейчас отнесу их на место.

Эрле отворила дверь, да так и отшатнулась от испуга, потому что из её комнаты пулей выскочила ей под ноги большая серая кошка.

– Ну и перепугалась же я! – сказала Эрле. – Откуда там взялась эта кошка? Неужели я забыла закрыть окно в своей спальне?

– Наверное, Гюро её впустила, чтобы не сидеть в одиночестве, – сказал Бьёрн. – Давай-ка я её вынесу на улицу.

Он подхватил кошку и вынес её из подъезда.

– Иди домой, киска, – сказал Бьёрн.

Но, вернувшись, понял, что в доме случилась беда.

– В моей постели её тоже нет, – сказала Эрле. – Бьёрн, Гюро пропала!

– Не надо сразу пугаться, – сказал Бьёрн. – Может быть, она ушла к кому-нибудь из знакомых.

– К Сократу! – догадалась Эрле. – Я сейчас позвоню и спрошу у Эдварда. Но трубку взяла бабушка Сократа.

– Алло, – сказала она. – У телефона мать Эдварда. Я сегодня приехала из Бесбю. Сейчас я одна дома. Все ушли в гости. Гюро? Да, она заходила уже довольно давно и спрашивала, дома ли Сократ, но он тогда уже лёг, и я сказала ей, что он спит. Я сказала, чтобы она приходила к нам завтра.

– Спасибо. Извините, пожалуйста, – сказала Эрле. – Должно быть, она ушла к кому-то ещё. Понимаете, она у меня оставалась одна дома.

– Если б я только знала! – сказала бабушка Сократа. – Но она ничего об этом не говорила.

– Понятно, – сказала Эрле. – Я позвоню другим. Извините меня за такой поздний звонок.

– Ничего, – сказала бабушка. – Но меня теперь совесть мучит, что я её не впустила.

– Попробую позвонить Эви, – сказала Эрле. – Наверное, Гюро к ней пошла.

Она позвонила и туда и очень долго ждала, когда там возьмут трубку. Наконец ответила Нюсси.

– Я спала, – сказала она. – Но сейчас уже проснулась. Гюро? Нет. Вечером я была в квартире одна, и мама и папа сказали, чтобы я никому не открывала. Тут кто-то приходил и звонил несколько раз. Я немножко испугалась, но не очень сильно, и дверь не открыла. Я часто остаюсь одна, но люди в соседней квартире об этом знают, так что в случае чего я могу пойти к ним. Но я не пошла, а легла в кровать. Если б я знала, что это Гюро, я бы ей сразу открыла, вместе было бы лучше и веселей.

– Неужели она тёмной ночью ушла из дома? – сказала Эрле, положив трубку.

– Сначала посмотрим в доме, – сказал Бьёрн. – Я проверю верхние этажи, а ты – нижние. Загляни во все коридоры!

Пропавшую Гюро нашёл Бьёрн. Она сидела на ступеньке между десятым и одиннадцатым этажами и чуть не засыпала от усталости, но, едва услышав чьи-то шаги, вскочила и стала подниматься вверх.

– Привет, Гюро, – сказал Бьёрн. – Не бойся, это я.

Гюро обернулась на его голос, и Бьёрн увидел, что она еле держится на ногах. Он мигом взбежал вверх, перепрыгивая через ступеньки, и подхватил её на руки.

– Ого, какая ты стала тяжёлая! – сказал он. – И к тому же совсем сонная. Ну, разговаривать будем потом. Вот уж Эрле обрадуется!

По пути они заглянули во все коридоры и на пятом этаже наконец встретили Эрле. Она внимательно всматривалась во все углы, не спряталась ли там девочка.

– Вот она! – крикнул ей Бьёрн. – Цела и здорова, только ужасно усталая, так что отложим пока разговоры, а завтра она всё нам расскажет.

Он нёс Гюро на руках, а Гюро клевала носом и заснула прежде, чем они дошли до первого этажа.

Эрле уложила её в кроватку и растёрла замёрзшие ножки шерстяным шарфом, чтобы они согрелись.

Гюро почувствовала это сквозь сон, но у неё не было сил заговорить, ей казалось, что она куда-то погружается, а затем она поняла, что погрузилась в свои перинки.

Наконец Эрле и Бьёрн сели ужинать.

– Как ты думаешь, она нечаянно захлопнула дверь? – спросила Эрле. – Она ушла без ключа. Я поискала у неё в кармане, там его не было.

– Кто знает, – сказал Бьёрн. – Может быть, она просто решила пойти к Сократу.

- Ну, завтра спросим и узнаем.

- Мне тоже хочется знать, в чём тут дело, – сказал Бьёрн. – А теперь спасибо за угощение. Ты тоже сегодня, наверное, очень устала.

- Хорошо, что ты был рядом, – сказала Эрле. – Без тебя я бы так быстро её не нашла.

- Передай ей от меня завтра привет, когда проснётся, – сказал Бьёрн.

Эрле и Бьёрн ещё не знали, почему Гюро ушла из квартиры, и сама Гюро тоже не знала, что у неё побывала серая кошка, а очень жаль! Потому что с кошкой ей было бы веселее. Тогда бы она не чувствовала себя так одиноко и знала, что шум в маминой комнате не означал ничего страшного.

А сама кошка, из-за которой случился такой переполох, и тем более ничегошеньки не знала. Она просто отправилась вечером погулять, выскочила на улицу, побегала там и потом прилегла под кустиком. Но на улице было холодно, и тут вдруг она заметила приоткрытое окошко. Хорошо бы забраться туда, погреться, а не то, глядишь, кто-нибудь предложит ещё и блюдечко молочка на дорожку! Для кошки это было целое приключение. Сначала надо было высоко запрыгнуть на подоконник. Кошка долго лежала, примериваясь к прыжку, потом изловчилась и очутилась снаружи на подоконнике. Кошка была большая и пушистая, но пригнулась и стала такая маленькая, что сумела протиснуться в щёлочку, и соскочила на пол. Тут она увидела шкаф с приоткрытой дверцей, а внизу как раз лежал упавший с полки свитер Эрле. Такая тёпленькая подстилочка! Кошка решила на ней полежать, а уж потом пойти поискать молочка.

Вот тут-то Гюро, как видно, и зашла в комнату, закрыла окно и, захватив подушки, затворила за собой дверь. Кошка оказалась взаперти. Окно было закрыто. На всякий случай кошка вскочила на подоконник, чтобы проверить, затем спрыгнула прямо на туфли Эрле, стоявшие на полу, и наделала, конечно, шума.

Потом она, наверное, услышала, как Гюро захлопнула за собой входную дверь. Наступила тишина. Кошке ничего не оставалось, как только лежать и ждать, когда кто-нибудь её выпустит. Должно быть, поэтому она пулей выскочила из комнаты, когда Эрле наконец открыла дверь.

Теперь кошка снова оказалась на воле. Она собиралась провести на улице всю ночь, а утром вернуться к себе домой, где её конечно же ждёт

блюдечко молока, а после можно уснуть и проспать хоть весь день до вечера.

Гюро спала, и Эрле спала, и Бьёрн спал, и Тюлинька вернулась домой и тоже спала, а в городе Андерсен у себя в пансионате сидел и разглядывал свои новые домашние туфли. Подарок ему очень понравился, но, налюбовавшись властью, он положил их обратно в коробку и надел старые шлёпанцы со стоптанными задниками, потому что так ему было привычнее, а обновку решил пока припрятать до какого-нибудь особо торжественного случая, когда надо будет пощеголять.

Страх понарошку

Наутро Гюро долго спала как убитая. Эрле много раз заглядывала к ней в комнату, наконец Гюро зашевелилась. Эрле уж совсем изголодалась, дожидаясь, когда проснётся Гюро, чтобы вместе позавтракать.

В доме было светло, и нигде не осталось ни следа затаившихся страхов. Эрле и Гюро сели за стол, и за завтраком Эрле рассказала дочке, что в её комнату вчера невесть как забралась большая кошка, она там и подняла шум.

– Ой, – воскликнула Гюро, – а я-то подумала, что кто-то затаился в шкафу, вот я и ушла! Я хотела пойти к дяде Эдварду и Сократу, а дяди Эдварда не было дома, была только их бабушка.

– Да, – подтвердила Эрле. – А Нюсси сидела дома одна и потому не открывала. Но ведь если бы ты подала голос, тебя бы впустили.

– Угу, – кивнула Гюро. – А потом меня нашёл Бьёрн. Это я помню.

– Да, – сказала Эрле. – А потом ты спала. В следующий раз, когда я поеду на курсы, ты не останешься одна. Обещаю. Как ты? Всё прошло? Ты больше не расстраиваешься?

– Не-а, – сказала Гюро.

Но по ней было видно, что она не такая, как всегда, потому что, когда Эрле собралась уходить – её вызвали в квартиру на третьем этаже, – Гюро заявила:

- Я с тобой. Я заходить не буду, только подожду тебя под дверью.
- Угу, – согласилась Эрле.

На лице у неё появилось задумчивое выражение: ведь обычно Гюро по утрам играла дома в ожидании Тюлиньки, а вот сегодня почему-то не захотела. Эрле нужно было всего лишь поменять прокладку в кране, так что она быстро с этим управилась, но потом пошла в котельную. И тут уж она сказала:

– Может быть, ты лучше оденешься и поиграешь во дворе? Скоро уже придёт Тюлинька, и ты её встретишь на улице.

На улице было прохладно, и свежий воздух приятно щекотал ноздри, кругом было светло, и Гюро вдруг стало так радостно на душе, что она бегом побежала к котельной впереди мамы, а когда мама туда зашла, она сказала:

– А теперь я побегу навстречу Тюлиньке.

Подбегая к корпусу «Ю», она увидела Бьёрна. Наверное, он будет расспрашивать про вчерашнее, что она тогда думала и что чувствовала и всякое такое. Гюро не хотелось об этом говорить, сейчас не хотелось. Бьёрн, конечно, увидел её, но не подал виду. Он только сказал:

– Привет, Гюро!

– Привет! – крикнула ему Гюро на бегу.

Она бежала так быстро, как только могла, почти не касаясь ногами земли, пока не добежала до корпуса «Ю». Остановившись, она долго не могла отдышаться, и тут как раз вышла Тюлинька.

– Как хорошо, что ты меня встречаешь! – сказала Тюлинька. – Сократ сегодня с нами не пойдёт, потому что у него гостит бабушка и они собираются съездить в город. Индивид уезжает, папочка берёт его с собой на машине. Так что мы с тобой остаёмся сегодня вдвоём. Сперва я немного побуду у тебя, чтобы принимать телефонные звонки. Я покажу тебе фотографии, которые сделала, и, может быть, немножко попишу. Как ты – хочешь ещё поиграть на дворе или посидишь со мной дома?

– Хочу посидеть дома.

Дорога от корпуса «Ю» до корпуса «Ц» была не длинная, но Гюро сделала её вчетверо длинней. Сначала она добежала до корпуса «Ц», затем бегом воротилась к Тюлиньке, затем снова добежала до корпуса «Ц» и ещё раз пробежалась обратно, а затем спокойным шагом пошла рядом с Тюлинькой,

потому что, наверное, выбилась из сил. Очутившись в квартире, Тюлинька удивилась, глядя на Гюро: сначала девочка зашла в свою комнату и проверила, закрыто ли на задвижку окно, затем зашла в мамину и проверила окно там, затем заглянула в мамин шкаф и в свой, затем посмотрела, что делается под кроватями и в шкафчике на кухне, а в гостиной заглянула под диван и, только проделав всё это, наконец успокоилась.

Тюлинька недавно подарила ей большой альбом для рисования и много карандашей: зелёных, красных, синих и жёлтых. И вот Гюро села рисовать. Но она не пользовалась ни красным, ни синим, ни зелёным, ни жёлтым карандашом. Она нарисовала совершенно белый шкаф. Он получился белым, потому что она только обвела чёрным карандашом его контур на белой бумаге. В шкафу стоял дядька в чёрных брюках, чёрном пиджаке и чёрной шляпе.

– Страшный какой-то человек, – сказала Тюлинька.

Зазвонил телефон. Тюлинька взяла трубку и ответила, как всегда:

– Это квартира дворника. Что нужно ей передать? Да, так и есть, – говорила Тюлинька. – Нет, нет.

Это звонила Эрле, и она сказала:

– Я сейчас забежала к Бьёрну, он просил сказать ему, как там Гюро. Затем она рассказала всё, что случилось вчера, и под конец сказала:

– Гюро ничего об этом не рассказывала?

– Нет, – ответила Тюлинька. – Ты хочешь с ней поговорить?

– Да. Так будет лучше, а то она подумает, что я с тобой о ней секретничаю.

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Гюро, это мама.

– Привет, – сказала Эрле. – Я только заскочила к Бьёрну. Он интересовался, как ты себя чувствуешь. Но он сам видел тебя сегодня, когда ты бежала через двор, так что я могла бы и не ходить к нему. Сейчас я собираюсь в Центр по делам, так что повидаемся во время второго завтрака. Вы же с Тюлинькой до этого никуда не уйдёте?

– Нет, – сказала Гюро. – Пока!

Тюлинька сидела за столом и писала в своём блокноте: «Одна маленькая девочка вчера натерпелась страху, потому что её оставили одну, а я, старая дура, сидела в кино. Знай я про это, мы с Андерсеном могли бы сходить в кино и в другой день, но я же не знала». Всё это она только

написала, ведь Гюро же не умела читать, поэтому не беда, что она сказала это на бумаге.

– А сейчас я покажу тебе мои снимки, – сказала Тюлинька. – На этой фотографии засняты ты, Сократ и Индивид. Видишь, он улыбается?

– А ещё он махает хвостом, – сказала Гюро.

– Да, он был чем-то взволнован.

– Хочешь посмотреть мой рисунок? – спросила Гюро.

– Давай посмотрим! – согласилась Тюлинька. – Ага! Вижу. Это человек в шкафу. Знаешь, когда я была маленькая, я как раз этого боялась, а ещё я боялась, вдруг кто-то прячется у меня под кроватью. А страшнее всего были плотные портьеры на двери.

– Порть... Как ты сказала? – спросила Гюро.

– Портьеры – это такие толстые занавески, их вешали зимой на дверях от холодного сквозняка. Представляешь себе, я всё время думала, что вдруг кто-то за ними спрятался!

– Да? – удивилась Гюро.

И знаешь, почему я всего этого боялась? Потому что одна женщина, которая приходила помогать нам по дому после того, как умерла моя мама, говорила, что если я буду баловаться и не слушаться её, то придёт чужой дядька и заберёт меня. Иногда она говорила, что он уже стоит за портьерой, а иногда – что он лежит под кроватью.

– Как же тебе было не бояться! – сказала Гюро. – А моя мама мне никогда ничего такого не говорила, но я всё равно забоялась, потому что услышала какой-то шум. Мама сказала, что это была просто кошка, но я не знаю – вдруг это была не кошка. Я слышала, как в комнате что-то бухнулось -- бух-бух!

– Знаешь, что сделал мой папа, когда узнал, какие у меня страхи? – спросила Тюлинька. – Сперва он выгнал эту женщину, чтобы она никогда больше не приходила, а после неё пришла другая, очень добрая, а потом пришла та, которая захотела остаться с нами навсегда, она стала моей новой мамой, и я её полюбила. Но это я тебе уже рассказывала.

– Угу, – кивнула Гюро.

– А знаешь, что ещё сделал мой папа, когда узнал, что я такая запуганная? Он сказал: «Давай теперь поиграем в то, чего ты больше всего боишься!» Он видел, что я всё время заглядываю под кровать, и за пор-

тьеры, и в шкаф. Представляешь себе, папа спрятался от меня и позвал, чтобы я его искала. Он только предупредил меня, что спрячется, а я его должна искать. Это было так интересно! Я немножко боялась, но в то же время это была такая весёлая игра, ведь найги я должна была не кого-нибудь, а папу. Его не оказалось ни в шкафу, ни за портьерами.

– Значит, он был под кроватью, – сказала Гюро.

– Ну да! – сказала Тюлинька. – И я достала до него пальцем, а он засмеялся и сказал, что ему щекотно, а затем выполз оттуда на четвереньках. Я помню, как он весь был в пыльных махрах, потому что женщина, которая тогда вела у нас хозяйство, отлынивала от мытья полов. На следующий день мы опять играли в эту игру, на этот раз папа спрятался за портьерой. Кажется, это было увлекательнее всего. Хотя я и знала, что там стоит папа, но всё равно немного побаивалась, а папа только говорил: «Загляни, загляни!» Потом сказал: «А теперь ты сама будешь человеком, который там прячется!» – и стал делать вид, как будто он боится, и уж так боялся, так боялся, что никак не решался найти меня, но в конце концов как будто набрался храбрости и отыскал меня во всех трёх укромных местах. Потом мы ещё повторяли эту игру, и под конец я совсем перестала бояться. По крайней мере, от этого страха я избавилась. И знаешь, что сказал мой папа? Он сказал, что все люди на свете чего-нибудь боятся. Страхи есть и у взрослых, и у детей, и это чистая правда. Мне часто бывает страшно. Я боюсь войны, мне бывает страшно, что вдруг я никому не нужна, бывает немножко страшно, когда иду поздно вечером, а впереди на тротуаре стоят, загораживая мне дорогу, какие-то люди и говорят громкими голосами. А ещё папа сказал, что ничего, если ты немного боишься. Страх тоже нужен, потому что, если человек ничего не боится, это может плохо кончиться.

– Давай поиграем, как будто ты боишься! – предложила Гюро.

– Давай! – сказала Тюлинька с таким выражением, словно она страшно обрадовалась, что первая будет изображать бояку.

– Тогда я должна сперва открыть окно, – сказала Гюро. – Пускай я как будто залезла в мамину комнату.

– До окна, пожалуй, высоковато, – сказала Тюлинька. – Хоть это и первый этаж, тебе пришлось бы притащить лесенку, чтобы в него забраться.

Пускай понарошку у тебя будет лестница, а я как будто об этом не знаю. Я сижу в комнате одна-одинёшенька.

– И в комнате темно, – сказала Гюро. – Потому что у нас сейчас уже поздно. И вдруг ты слышишь шум.

Гюро скрылась в маминой комнате и подняла раму. Затем она долго-долго стояла в полной тишине, а затем взяла мамину туфлю и стукнула ею об пол. Затем она залезла в шкаф и почти до конца закрыла за собой дверцу. Тюлинька вошла в комнату и сказала:

– Я же ясно слышала, как что-то стукнуло. Может быть, это просто хлопнуло окно? Дай-ка я его затворю.

Она затворила окно, и тут из шкафа раздалось:

– У-у-у!

– Караул! – вскрикнула Тюлинька. – Там, наверное, кто-то есть. Что же мне делать? Убежать или заглянуть в шкаф? Пожалуй, я загляну. Была не была!

Она открыла дверцу, а Гюро из шкафа ещё раз сделала:

– У-у-у!

– Замечательная игра! – сказала Тюлинька. – Ты даже не представляешь себе – я почти взаправду испугалась. Сыграем наоборот: ты будешь мной, а я – тобой?

– Давай! – сказала Гюро. – Сейчас как будто вечер, я тут сижу, но нужно, чтобы на столе стояла еда, я тогда ужинала.

– А ты сделай понарошку, как будто ты кушаешь, – сказала Тюлинька. – Ну, я пошла.

– Не забудь открыть окно, – сказала Гюро, – а то ты не заберёшься в комнату.

– Ну конечно. А теперь начинаем играть.

– Только не сразу, – сказала Гюро. – Сначала я сижу одна.

– Ладно, – согласилась Тюлинька. – Спешить нам некуда.

Гюро осталась сидеть за столом. Сперва она понарошку начала есть, потом прислушалась, но ничего не услышала. В квартире было так тихо! Снаружи доносились какие-то звуки: во дворе слышались громкие голоса детей, кто-то вошёл в подъезд и пошёл к лифту, но в маминной спальне всё было тихо. Ага! Вот там что-то бухнуло. Вдруг Тюлинька упала и ушиблась? Гюро бросилась в спальню, но там не было никого, и только окно стояло открытое. Гюро закрыла окно и сказала:

– Наверное, никого не было. Пойду обратно в гостиную.

Она снова села за стол и тут опять услышала шум. На этот раз в маминной комнате поднялся такой тарарам!

– Ой! – вскрикнула Гюро.

И тут как раз вернулась мама. Она вошла и сказала:

– Ну вот, сейчас сядем все втроём завтракать. А где же Тюлинька?

– Её тут нет, – сказала Гюро.

– Неужели ты тут совсем одна? – сказала мама. – Странно! Мне казалось, Тюлинька здесь. Разве не так? Я ведь разговаривала с ней по телефону. Или она пошла за Индивидом?

– Нет, его сегодня папа взял с собой в машину, – ответила Гюро.

Эрле посмотрела на страшную картинку, которую нарисовала Гюро, хотела что-то сказать, но тут они обе услышали из маминной комнаты шум и грохот.

– Господи, что там такое? – спросила мама. – Оставайся тут, Гюро, я сама пойду посмотрю. Неужели это опять та кошка? Нет, окно закрыто.

Ну да, я его только что закрыла, – сказала Гюро.

– Тогда, наверное, всё-таки кошка. То же самое было вчера вечером. Она, конечно, залезла до того, как ты закрыла окно. Давай пойдём и посмотрим. Не боишься, Гюро?

– Не-а, – сказала Гюро.

Но из комнаты никакая кошка не выскочила, и мама очень удивилась.

– Заглянем в шкаф? – предложила Гюро.

– Можно и заглянуть, – сказала мама. – Кошка могла устроиться там на моей одежде.

Мама ощупала все углы в шкафу, но кошки не было, и вообще ничего такого там не было, кроме одежды, и обуви, и коробки с носовыми платками, и других мелочей.

– Но ведь мы же обе слышали шум! – сказала Эрле.

-- Давай ляжем на пол и посмотрим под кроватью, – шёпотом сказала Гюро.

Эрле не засмеялась, она кивнула. Глядь – а под кроватью Тюлинька.

Эрле так и ахнула:

– Ну и напугала же ты меня, Тюлинька! Страх, да и только!

Гюро запрыгала на радостях, восклицая:

– А я не боюсь! Там страшно, а я не боялась! А мамочка бедная испугалась! Мы же просто играли. Тюлинька рассказала, когда она была маленькая, то очень боялась, вдруг кто-то прячется за занавеской. И вот я спряталась в шкафу и её пугала, а потом она спряталась под кроватью, чтобы меня пугать.

– Оно и видно, Тюлинька, – сказала Эрле. – Надеюсь, ты там не очень перепачкалась у меня под кроватью.

Но Гюро и Эрле не отлынивали от мытья, и под кроватью всё было чисто. Выбравшись оттуда, Тюлинька сказала:

– Смотрите-ка, никаких махров не прицепилось! Ну, Эрле, что скажешь? Ловко я придумала спрятаться под кроватью? Если бы ты нашла меня в шкафу, ты бы нисколько не удивилась.

– Правда, здорово! – сказала Гюро. – Но мама напугалась, бедненькая. Жаль только, у нас нет этих... порть... Как ты тогда говорила?

– Портьер, – подсказала Тюлинька.

– Тогда мама бы за ними спряталась, а мы бы с тобой обе её боялись!

Но Эрле не пришла в восторг от такого предложения, и они все втроём пошли на кухню и стали готовить завтрак. И тут Гюро вспомнила, о чём подумала вчера до того, как начались её страхи.

– Помнишь, как мы раньше строга́ли? – спросила она маму. Сидели вечером на кухне и строга́ли? А в Тириллтопене тоже можно построга́ть?

– Хорошая мысль, – сказала мама. – Я хотела открыть у нас в корпусе столярные курсы, но мне не разрешили проводить их в мастерской

для поделок: я там всё покрасила, и сказали, что жаль портить такую красоту. Теперь там будет комната для собраний. А вот построгать – это можно. Это мы сделаем! Как-нибудь, когда будете гулять с Индивидом в лесу, пособирайте там, если можете, разных веточек и корней, которые остались после прореживания.

– Уж это мы непременно сделаем, будь спокойна, – сказала Тюлинька.

– Мама, а сегодня ты опять поедешь на курсы?

– Сегодня нет. Только в пятницу, – сказала Эрле.

– И тогда я посижу с тобой, – сказала Тюлинька.

Скатить палубу

Было раннее утро. Перед завтраком Гюро и Эрле успели сделать пробежку по лесу, и, перед тем как Эрле нужно было уходить на работу, у них ещё осталось время для того, чтобы застелить постели. Сегодня у Эрле была работа на улице, и Гюро пошла с ней, чтобы помочь. Мама сказала, что должна хорошенько прибраться во дворе, чтобы к зиме всё было в порядке. Мама уже подстригла живую изгородь возле дороги, и на земле остались веточки. Они лежали повсюду. Мама, наверное, была рада, что Гюро пошла с ней. Гюро не ленилась и всё подбирала. Больших веток не было, одни только мелкие, но зато их было очень много, и Гюро ни одной не пропустила. Поработав так некоторое время, они вернулись в дом, потому что начался дождь.

– Может быть, тебе не хочется оставаться в квартире, пока не пришла Тюлинька, – сказала мама.

– Ничего! – ответила Гюро. Ведь сейчас было светло и она не боялась немножко посидеть дома одна.

Она пошла в свою комнатку и сняла со стены папину старую скрипку. Она ещё не умела на ней играть, но всё равно ей нравилось пробовать. Скрипка как будто заменяла ей подружку, а ещё это было приятно из-за того, что раньше на ней играл папа. Гюро положила скрипку себе на плечо, прижала подбородком, стараясь держать её как надо, затем взяла смычок и провела по одной струне, потом по двум – скрипка мяукнула.

Может быть, это мяуканье услышит большая серая кошка, которая приходила к ним в гости, подумает, что тут тоже есть кошка и с ней можно поговорить. Гюро подошла к окну, но на улице не видно было ни одной кошки, и окно было закрыто, так что кошка всё равно не смогла бы залезть, даже если бы захотела. Если бы Гюро её увидела, она приоткрыла бы окно на щёлочку – вдруг кошка всё-таки решит зайти. Она ещё понарошку поиграла на скрипке, подпевая себе, чтобы получилось, как будто это звучит скрипка, и в самый разгар этого занятия замок в двери щёлкнул и вошла Тюлинька, у неё был ключ.

– Привет, – сказала Тюлинька, – я услышала, как ты играешь. Эта скрипка для тебя ещё велика. Тебе бы надо для начала маленькую, а на большой будешь играть, когда вырастешь... Погода отвратительная, – добавила она. – Поэтому сегодня я поработаю дома. Никто ещё не звонил?

– Нет, – сказала Гюро.

– Я принесла с собой фотографии и дневник. Так что сразу примусь за дело.

Тюлинька, как видно, пришла в рабочем настроении. Она была большая мастерица писать и отвечать по телефону, и только одна вещь у неё не очень хорошо получалась – это уборка квартиры.

Почти всю жизнь Тюлинька прожила в пансионате и привыкла, что, когда она возвращается с работы, в комнате уже прибрано. Поэтому она, наверное, считала, что и теперь всё будет делаться само собой, но это оказалось не так. Время от времени она пыталась, как умела, прибрать и навести чистоту, но ей никогда не удавалось навести настоящий порядок.

Сегодня же она сказала:

– Знаешь, Гюро, а у меня сегодня помощник по хозяйству.

– Да-а? – откликнулась Гюро. – Это кто? Мама Нюсси?

Эви? Нет, не угадала! У неё и без меня достаточно дел, она же помогает в доме престарелых, поэтому я не хотела её беспокоить. Никогда не угадаешь, кто это!

– Грю? – спросила Гюро. – Девочка, которая смотрела тогда за Ларсом?

– Нет. Хотя Грю наверняка помогла бы мне, если бы я вспомнила, что можно её попросить. Грю – славная девочка.

– Ну, тогда я не знаю, – сказала Гюро. – Может быть, Лиллен?

– Ну что ты! – засмеялась Тюлинька. – Лиллен говорит, что доктор запретил ей поднимать тяжести и вообще почти ничего не разрешает делать. Лучше я сама тебе скажу. Это Андерсен. Он был у меня, как всегда, в субботу и сказал: «Тюлинька, я не прочь подраить у тебя палубу!» Он же бывший моряк, а на корабле пол называется палубой. «Ну, замечательно! – сказала я. – А то я всё никак не могла выбрать для этого время». Но, помыв у меня пол, он сказал: «Пожалуй, я приду и скачу всю квартиру!»

– А что такое «скачу»?

– А это на кораблях так моют палубу: берут ведро и плескают на палубу или поливают из шланга – это такая длинная резиновая труба, – и вода смывает в море всю грязь.

– А что, Андерсен попросит шланг у Бьёрна? – спросила Гюро.

– Ну что ты! Он моет чинно и аккуратно щёткой и тряпкой, – сказала Тюлинька, – он только в шутку сказал, что «скатит». Он ещё собирался и обед приготовить. Говорит, что ему очень нравится работать на камбузе.

– На камбузе? – спросила Гюро.

– Так на корабле называется кухня, – объяснила Тюлинька. – Так что сегодня меня будет ждать дома готовый обед.

Вскоре раздался звонок в дверь, это пришёл Сократ. У него были с собой бутерброды и бутылочка молока, а ещё он принёс большой свёрток.

– Что это? – спросила Гюро.

Сократ развернул свёрток, и там оказался Чучело. Так звали огромную куклу Сократа. Сократ не хотел, чтобы другие дети в доме её видели. Так было потому, что в день, когда Сократ приехал сюда из Фабельвика, дети недружелюбно его встретили. Поэтому он попросил папу хорошенько завернуть Чучело, чтобы никто его не видел. Но здесь, у Гюро, Чучелу ничего не грозило, так что бумагу, в которую он был обернут, убрали.

– Давай играть на диванчике, будем играть, как будто это корабль.

Сократ очень обрадовался, потому что раньше это именно он всегда хотел играть в эту игру.

– Диванчик – это ботик, – сказал он.

– Нет, – не согласилась Гюро. – Диванчик будет барка.

– У барки же нет мотора, – огорчился Сократ.

– Ну и что! Мы будем грести вёслами и кататься по озеру, – сказала Гюро.

– У нас же нет вёсел, – сказал Сократ.

– А вот и есть, – сказала Гюро. – Я принесу швабру и мамин зонтик. Вот у нас и будут вёсла, мы будем грести тихонько, чтобы не потревожить водяного.

– Водяного? – удивился Сократ.

– Ну да. Водяной живёт на дне озера. Он немного страшный, но ничего нам не сделает, если мы его не рассердим. Нужно только не трогать русалочьи розы. Их ещё называют водяными лилиями, но Бьёрн говорит, что «русалочьи розы» звучит красивее.

– Ну давай! – сказал Сократ. – Неси сюда вёсла. Только тут же нету роз водяного.

Роз действительно не было. Вчера Эрле помыла пол в комнате Гюро, и там вообще не было ни пылинки.

– А мы сходим на улицу и нарвём травы, – сказала Гюро. – А ещё я знаю, где лежат веточки, мы с мамой их недавно собрали. Из веточек можно построить бобровую хатку. Бьёрн сказал, что на озере живут бобры.

Гюро крикнула в гостиную, где сидела Тюлинька:

– Мы только сбегает на улицу и сразу вернёмся. Мы тут играем в моей комнате.

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Джемпер надела?

– Надела, – крикнула Гюро.

– Тогда не закрывай дверь, – сказала Тюлинька, – чтобы мне не ходить лишний раз открывать, я тут как раз пишу и не хочу отрываться.

Гюро и Сократ выбежали на двор, трава была непривычно жёсткая, она уже подвяла, и её прихватило морозом, но немножко они нарвали. Из собранных раньше веточек Гюро прихватила столько, сколько они могли унести.

Они вернулись в квартиру, а Тюлинька была так погружена в свою работу, что даже не подняла головы, когда они пробежали в комнату Гюро. На озере появились русалочьи розы и бобровая хатка.

Вальдемар будет бобром, – сказала Гюро. – А Кристина – рыбкой и будет плавать под водой, а Чучело – водяной и лежит под диванчиком. Если сунуть ногу в воду, он подплывёт и будет нас щекотать.

Диванчик они немножко отодвинули от стены, чтобы сесть по разные стороны. Сократ получил швабру – это было его весло. Гюро взяла как весло зонтик, они начали грести тихонько и осторожно, чтобы не потревожить водяного.

Но тут Сократ не утерпел и спустил ногу с дивана, он попал ступнёй прямо на Чучело, и ему стало страшно щекотно.

– Водяной меня пощекотал, – серьёзно сказал Сократ. – Надо грести ещё осторожнее.

Но, поплавав немного по озеру, они увидели, что ничего не происходит, и тогда Гюро сказала:

– Давай лучше играть, как будто вся комната – корабль, так на нём больше места.

– Тогда это будет не плоскодонка, – сказал Сократ. – Тогда это уже ботик или большая-пребольшая рыбацья шхуна.

– Или большой корабль. Я раз была на таком, – сказала Гюро. – А пол в комнате – это палуба.

– Фу ты, до чего грязная палуба! – сказал Сократ.

И он был прав, потому что по полу были разбросаны пучки травы и ветки.

– Надо скатить палубу, – сделав серьёзное лицо, сказала Гюро.

– Скатить? – переспросил Сократ.

– Да. Это делают так – плескают на пол ведро воды, – объяснила Гюро, – и тогда он станет чистым. Сейчас я сбегаяю на камбуз за водой.

– Хорошо, – сказал Сократ. Он уже знал, что такое камбуз.

Гюро не стала наливать полное ведро. Она наполнила его только до половины и, вернувшись в комнату, спросила:

– Как будем скатывать – сначала я, а потом ты?

– Только не выливай сразу всю воду, оставь мне тоже, – сказал Сократ.

– Ладно. Я только половину.

Гюро наклонила ведро, а затем качнула, вода полилась широкой струёй.

– Стоп! – сказал Сократ. – Теперь моя очередь.

Ведро стало уже гораздо легче, так что он взял его в руки и плеснул. Вода звонко шлёпнулась на пол. Тюлинька прибежала на шум.

– Караул! – воскликнула Тюлинька. – Что это вы опрокинули ведро?

– Мы скатили палубу, а то здесь было так грязно, – объяснила Гюро.

Тюлинька застыла на месте, глядя на разливающуюся по полу воду, в которой, как кораблики, плавали травинки.

– Неси скорей половую тряпку, Гюро! И где у вас банные полотенца? Живей, живей, а то будет беда. Что же я наделала! Нарассказывала девочке моряцких историй, а она всё приняла всерьёз!

Тюлинька схватила половую тряпку и принялась собирать воду, а потом отжимать её в ведро. Посмотрев, что делает Тюлинька, Гюро схватила махровое полотенце и стала делать то же самое.

– Ой! Чучело намок! – сказал Сократ.

– Отожми его, – посоветовала Тюлинька.

Ползая на четвереньках, она продолжала вытирать пол.

– Хорошо, что я сразу заметила, – сказала она. – Думаю, что всё обойдётся. Надо же, сколько тут мусора!

– Это были русалочьи розы, – сказала Гюро. – Раньше были.

– Это надо же! Надо же было такое придумать, -- приговаривала Тюлинька. – Принеси мешок для мусора, чтобы было куда выбросить. И подберите веточки!

Гюро побежала уносить ветки, а Сократ всё ещё был занят тем, что отжимал Чучело.

– Мы его повесим на верёвочку, и он высохнет, – сказала Тюлинька. – Ишь, озорник, вздумал купаться в середине октября!

– Он не купался, – сказал Сократ. – Он был водяной и жил на дне озера.

– Ох! – вздохнула Тюлинька. – Слава богу, мы, кажется, собрали всю воду. Но полотенца Эрле выглядят после этого неважнецки.

Тюлинька и сама выглядела неважнецки после того, как поползала на четвереньках по мокрому полу. Вошла Гюро и сказала:

– А вот и мама пришла.

– Я всё объясню, – сказала Тюлинька.

Взглянув на неё, Эрле сказала:

– Что это ты, Тюлинька? Никак ходила купаться? И что вообще тут происходит? Зачем ты ещё вздумала мыть полы, когда и так сидишь с детьми и дежуришь на телефоне?

– Дело в том, – начала Тюлинька, – что Андерсен – моряк, то есть раньше был моряком, и я рассказала Гюро, что он собирается скатить у меня в квартире полы. И вот дети стали играть, как будто они корабельная команда и увидели, что палуба грязная.

– Да я же тут только вчера помыла пол! – сказала Эрле.

– Да, но сначала у нас был не корабль, а озеро, которое у Бьёрна, – сказала Гюро. – А на озере должны быть русалочьи розы, и мы сделали их из травы, а из веточек бобровую хатку... Ой, Сократ! Вальдемар и Кристина тоже промокли.

– погоди, Гюро! Расскажи сначала, всё по порядку, – остановила её Эрле. – Чтобы уж с этим покончить.

Хорошо, - сказала Гюро. – А потом мы играли, что вся комната – это корабль. Нельзя же, чтобы палуба была такая грязная, вот мы и полили её.

– Полили? – удивилась Эрле.

– Ну да. Всего-то полведёрка! – сказала Гюро. – И мы с Сократом по очереди её скатили.

– Это как же так? Вы что, весь пол залили водой? – удивлённо воскликнула Эрле. – Гюро! Разве ты не понимаешь, что от этого могла случиться протечка? На шестом этаже один ребёнок ушёл, забыв закрыть кран. Так им пришлось потом снимать весь пол и класть новый, и это обошлось им в несколько тысяч крон.

– Это я виновата, – сказала Тюлинька. – Я рассказала им про то, как скатывают водой палубу.

– Я-то думала, что могу быть спокойна, когда дети находятся под присмотром взрослого человека! – возмущалась Эрле.

Потом Эрле посмотрела на несчастную тройцу. Сократ стоял, сжимая в объятиях мокрого Чучело. Гюро только молча смотрела на маму, а Тюлинька уползла под кровать.

– Я только проверить, не осталось ли где воды, – сказала она.

Но Гюро была уверена, что Тюлинька просто хотела спрятаться.

– Ну, хорошо, – сказала Эрле уже спокойно. – Гюро, как ты думаешь, куда девается вода, когда скатывают палубу? Иначе говоря, куда она уходит, когда моют палубу?

– Вода стекает в море, – сказал Сократ. – Я сам видел, как это делают.

– Вот именно! – сказала Эрле. – А тут где море? Тут же ей некуда стекать. Хорошо, что с вами была Тюлинька и вы вовремя собрали всю воду.

– Твои полотенца неважно после этого выглядят, – расстроилась Тюлинька. – Но мы в спешке ничего другого не нашли.

– Полотенца отстираются, – сказала Эрле. – А ну-ка, Гюро и Сократ! Полезайте под диванчик и потыкайте пальцами по всем углам, не осталось ли где-нибудь мокро...

Эрле сходила на кухню за новым ведром чистой воды, отжала половую тряпку и ещё раз насухо протёрла весь пол. Больше она ничего не

сказала, но Гюро знала: если мама так быстро трёт пол, значит, она ещё не перестала сердиться.

Тюлинька ушла на кухню готовить бутерброды для завтрака. Она, похоже, ещё не оправилась от испуга и напевала что-то тоненьким голоском, а Гюро знала, что так она делает, когда хочет заглушить страх. Тюлинька пела про водяного: «Приникнув ухом к ручью, я слушала его пение...»

Потом, когда они сели завтракать, Эрле посмотрела по очереди на всех троих и сказала:

– Хватит смотреть испуганными глазами! Я уже не сержусь. И вообще, лучше уж высказать сразу всё, что думаешь, чем потом целый день дуться. Расскажите-ка мне про вашего водяного. Что же у вас – Чучело был водяным?

– Да, – сказал Сократ.

– А теперь он сушится на верёвке вместе с Вальдемаром и Кристиной, – сказала Тюлинька. – Знаете что? – спросила она уже так весело, что видно было, что она успокоилась. – Знаете, что думали про водяного в старые времена? Тогда думали, что он иногда учит людей играть на скрипке, если только человек задобрит его подарком.

– Ой! – воскликнула Гюро. – А я ему ничего не подарила!

– Ну как же! Очень даже подарила, – сказала Тюлинька. – Ведь вы с Сократом играли, что он живёт тут у вас в озере. Значит, вы о нём вспомнили. Для него это был хороший подарок.

– Кстати, кто-то ведь собирался сходить в лес и набрать там красивых веточек и корешков для поделок, – напомнила Эрле.

– Завтра дождь не дождь, а мы обязательно сходим! – сказала Тюлинька.

– Вот и хорошо, – сказала Эрле. – Ну, я побежала. Теперь уж я точно буду уверена, что, когда вернусь, не застаю дома наводнения.

– Не застанешь. Потому что теперь это не корабль, а обыкновенная квартира, – успокоила её Гюро, пошла в свою комнату и посмотрела на папину скрипку. Может быть, в один прекрасный день водяной научит её на ней играть.

Лес

Самое лучшее в Тириллтопене – это лес. Лес, конечно, был не в самом Тириллтопене, а рядом. Лес был такой большой, что его даже за несколько дней не пройдёшь, так сказал Бьёрн.

И вот что удивительно! Гюро и Эрле гуляли в лесу утром перед завтраком, и тогда это был утренний лес. Они шли быстрым шагом, иногда переходили на бег, так что лес был ещё и бегучий. У них было мало времени, потому что перед прогулкой Эрле заранее включала конфорку под кофейником. Иногда они так быстро бегали, что возвращались с прогулки убежавшиеся до упаду.

Однажды в воскресенье они ходили в лес с Бьёрном. Тогда лес был очень таинственным. Бьёрн был заядлый грибник, и он завёл их в самую чащу, там было темно. Грибы любят выбирать глухие и сырые места. Под деревьями пахло опавшей листвой, густо покрывавшей землю, а ещё хвоей. Гюро не было страшно, хотя тёмная чаща могла навести страх. В тот раз они забрели очень далеко в лес, и под конец Бьёрн сказал, что Гюро вела себя молодцом и, если она устала, он возьмёт её на закорки.

Конечно же она очень скоро пожаловалась, что ужасно устала, и Бьёрн взял её на спину, и она ехала высоко над землёй. Тут лес стал опять совсем другим, не таким, как всегда. Он покачивался вверх-вниз вместе с Гюро. Это был лес-качалка.

Когда они гуляли в лесу с Тюлинькой, то всё время останавливались, чтобы посмотреть, что вокруг, – в лесу то и дело встречалось что-нибудь удивительное. Сегодня день был ясный и морозный. Вчера днём шёл дождь, а ночью тучи развеялись, и все лужицы покрылись корочкой льда.

Гюро, и Тюлинька, и Сократ, и Индивид отправились на большую прогулку. Сократ и Гюро захватили с собой рюкзаки. У Тюлиньки тоже был рюкзак, она одолжила его у Эрле.

Когда они вышли из дома, Индивид так и рванул вперёд и потащил за собой Тюлиньку. А на тротуаре было много скользких мест, и Тюлиньке приходилось и бежать, и удерживать Индивида, и смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться и не упасть. Когда она оскальзывалась, Гюро и Сократ старались её поддержать, и все вместе они то бежали, то останавливались и снова пускались бегом.

Когда по дороге встречались другие дети, Сократ скорее цеплялся за Тюлиньку и за Индивида: он немного побаивался детей, которые жили в Тириллтопене. Тюлинька делала вид, что ничего особенного не замечает, и Гюро тоже. Гюро других детей не боялась, а вот Сократ боялся, и незачем об этом лишний раз напоминать.

Дойдя до лесной дороги, Тюлинька спустила Индивида с поводка, ведь они были уже давно знакомы и она больше не боялась, что он убежит.

Войдя в лес, все начали собирать разные интересные вещи, которые то и дело попадались под ногами, стоило лишь немного отойти от дороги. Недавно тут рубили деревья, но лесорубам нужны были только большие стволы, а всякие веточки, корни и сучья они бросили на земле. Уже скоро рюкзаки были битком набиты находками. Индивид увидел, чем заняты остальные, и тоже нашёл здоровенную корягу и стал носиться с ней, то и дело задевая своих спутников. Глядя на это, Тюлинька наконец сказала:

– Давай-ка успокойся немножко, Индивид, и поди сюда! Я сяду на пенёк, а ты посиди со мной.

Индивид не захотел садиться, он решил, что сам знает, чем ему лучше заняться. Он улёгся и принялся грызть корягу. Гюро и Сократ тоже выбрали по пеньку, сели и стали оглядываться вокруг. Вдруг Сократ вскочил и со всех ног припустил вниз к дороге.

– Что это он? – спросила Тюлинька.

– Там какой-то мальчик, – сказала Гюро. – У него за плечами мешок.

– Наверное, школьник, – решила Тюлинька. – Что за чудеса! Сократ так и помчался к нему, а ведь он боится чужих детей.

Было видно, что этого мальчика Сократ не боится, он бросился ему навстречу и даже наткнулся на него со всего разбега, а потом запрыгал от радости, говоря что-то и размахивая руками.

– Он показывает на нас, – сказала Гюро.

Индивид поднялся с земли. Он тоже не понял, в чём дело и почему Сократ вдруг убежал, но Индивид любил знакомиться с новыми людьми и тоже во всю прыть пустился со склона туда, где стояли Сократ и незнакомый мальчик. И тут уж он устроил такое, что только держись!

Но мальчик, казалось, ничуть не испугался, хотя Индивид был очень сильной собакой и своими приветствованиями вполне мог свалить человека с ног.

– Пойдём спустимся к ним, – решила Тюлинька.

– Это Мортен, – сказал Сократ. – Я знаю его, мы много раз бывали у него в гостях. Папа очень любит бабулю и всех остальных.

– Бабуля! – догадалась Тюлинька. – Та, что живёт в лесном домике. Помнишь, Гюро, как Индивид забежал к ним во двор? Там ещё была маленькая собачка, и они вместе поиграли.

– Это Самоварная Труба, – сказал Сократ. – Там ещё живут восемь детей, корова Роза и Бычок, хотя на самом деле он большой, и пять куриц.

– Подумать только, сколько ты всего знаешь, Сократ! – сказала Тюлинька. – Вижу, что это приятная встреча. Так тебя зовут Мортен?

– Да, – сказал мальчик.

Как видно, он был не из говорливых, зато очень добрый и приветливый. Он поглаживал Индивида, слушал, что говорит Сократ, и посматривал на Гюро и Тюлиньку. Взглянув на рюкзаки, из которых торчали ветки, он спросил:

– Хворосту набрали?

– К сожалению, в наших корпусах нет печей, – сказала Тюлинька. – Но мы собираемся вырезать из веток поделки.

– Хорошая забава, – сказал Мортен. – Мы с бабулей тоже вырезаем, а бывает, столярничаем.

Индивид покончил с приветствиями, и ему пришла в голову новая затея. У него была хорошая память, в особенности когда дело касалось еды. Он вспомнил, что в лесу есть домик, а там живёт добрая женщина, у которой в кармане передника лежит печенье. Может быть, он вспомнил и собачку, и как весело они носились с ней по двору, но, главное, он вспомнил печенье и дунул туда. Он не собирался убежать от Тюлиньки и детей, ему просто захотелось сбегать к домику, чтобы узнать, не дадут ли ему и сегодня печеньица. Индивид бежал очень быстро, когда хотел. Распустив по ветру пушистый хвост, он во весь дух понёсся по дороге.

– Стой! Стоять! Лежать! – кричала Тюлинька. – Индивид! Слышишь ты, что тебе говорят?

Но пёс делал вид, что ничего не слышит, и даже не глянулся. Гюро, Сократ и Мортен бросились его догонять. Тюлинька не могла так быстро бегать и сказала:

– Я за вами. Приду, как только смогу. Только бы он у нас не сбежал!

Гюро бежала так быстро, что не отставала от Мортена, хотя тот и был старше, ведь Мортен был уже школьник. Сократ тоже старался не отставать, но, пробежав немного, он повернул назад к Тюлиньке. Сократ всегда любил, чтобы все были вместе, а раз Тюлинька не могла так быстро бегать, то он поневоле вернулся за ней.

Наконец они прибежали к лесному домику. Мортен и Гюро уже ждали их у ворот, а по двору как угорелый носился наперегонки с маленькой коричневой собачкой Индивид, и обе собаки ужасно радовались. Глядя на эту суматоху, Мортен крикнул:

– Осторожно, бабуленька! Не выходи из дома, а то, чего доброго, они собьют тебя с ног!

Из дома показалась та, кого он называл бабуленькой. Она посмотрела на собачью беготню с порога и только сказала:

– Ишь, разбегались как ужаленные!

Наконец обе собаки утомились. Гости вошли во двор, а бабушка вышла им навстречу.

– Никак ты гостей привёл? Глянь-ка, да это ж Сократ! Вот хорошо-то! Я, как знала, напекла вафель, день-то особенный.

– Действительно! Вы и флаг подняли, – сказала Тюлинька, увидев малюсенькую мачту, на которой развевался флаг.

– Вы празднуете чей-нибудь день рождения? – спросила Гюро.

– Нынче день рождения у всего земного шара, – сказала бабуля. – Это день ООН. В этот день мы вспоминаем о том, что люди должны по-человечески относиться друг к другу и что никто не должен голодать и все вместе должны договориться между собой о том, как сделать, чтобы всем людям жилось одинаково хорошо.

– Этого быстро не сделаешь, – сказала Тюлинька. – Очень уж много людей, которым плохо живётся. Во многих странах идёт война, и сколько ни пиши на бумаге, что все люди имеют право есть досыта и право на то, чтобы мирно трудиться, от этого мало что меняется.

– Верно, быстро это не сделается, – сказала бабушка. – Но нельзя терять надежду. А те, кто сейчас ещё только растут, с малых лет должны следить, чтобы никто никого не обижал.

– А меня дети стали обижать, когда я приехал с Чучелом, – сказал Сократ. – И я испугался, а Гюро мне помогла.

– Чучело – это такая замечательная кукла, которая есть у Сократа, – объяснила Тюлинька.

– Знаю, знаю, – сказала бабушка.

– В школе сегодня двое больших напали на одного маленького, – сказал Мортен, – и отняли у него ластик.

– Ну а ты что? – спросила бабушка.

– Я отдал ему свой, – ответил Мортен.

- Так ты теперь остался без ластика? – спросила Тюлинька.
- Не, – сказал Мортен. – Мона отдала мне половинку своего.
- Вот это молодец! – похвалила бабушка.

Индивид немного отдышался после беготни и вспомнил, зачем он сюда бежал. Он подошёл к бабушке и потянул носом, умильно глядя на большой карман её фартука.

– Правильно, я же обещала вам вафли, – сказала бабушка, – а Индивид запомнил. Пожалуйста в дом, гости дорогие!

Они вошли в просторную кухню лесного дома. Тут ведь жило столько народу – восемь детей, мама, папа и бабушка, которые любили собираться за одним столом. Чтобы всем сразу за ним усесться, нужно было много места.

– Мама наша ушла на музыку. Учится играть на флейте, – рассказывала бабушка. – Папа уехал на грузовике, ребята все в школе. А у Мортена сегодня только два урока. Я-то думала, остались мы с ним одни, а тут и вы пришли, вот у нас и гости есть. Прошу вас, берите вафли, угощайтесь на здоровье.

Никто не стал отказываться. Вафли были только что испечённые, а все нагуляли аппетит.

Потом Тюлинька с бабушкой посидели и поговорили. Дети ушли на двор играть с Самоварной Трубой и Индивидом.

– Заходите ещё, не забывайте нас, – сказала бабушка, когда гости собрались уходить. – Индивид-то наверняка ещё прибежит. Самоварная Труба уж вот как будет рада, ей тоже поболтать с кем-то охота.

На пути домой по лесной дороге Тюлинька сказала:

– Вот у меня и появилась новая подружка. Она зовёт меня в швейный клуб, куда она ходит. Там собирается несколько женщин. Она сказала, там будет бабушка Сократа и женщина, которую зовут Лужица, а ещё бабушка Уле-Александра – кто это, я ещё не знаю, – и тётушка О... Как же её звали?

– Олеа, – подсказал Сократ.

– Подумайте только! Ты и это знаешь? – удивилась Тюлинька.

– Ага. Весь швейный клуб приезжал к нам в гости, когда мы были в Голландии и в Фабельвике.

– Ты уже сегодня пойдёшь в этот швейный клуб? – озабоченно спросила Гюро.

– Нет, что ты! Сегодня вечером я остаюсь с тобой, – сказала Тюлинька. – Мама же уходит на курсы. В швейный клуб я иду только на той неделе во вторник, – успокоила её Тюлинька.

– Тогда хорошо, – сказала Гюро.

– А теперь нам пора домой – заняться вырезанием, даром мы, что ли, собирали веточки! – сказала Тюлинька. – Кажется, придётся идти к тебе с Индивидом, я хочу сначала освободиться от рюкзака.

Дома их ждала неожиданность: у стены на видном месте красовался голубой ящик для хвороста с замком на крышке.

– Это же наш ящик! – обрадовалась Гюро. – Он стоял у нас в Гампестрефе.

Она была очень рада, что ящик вернулся, потому что давно привыкла к нему как к старому знакомому.

– Эрле поставила его, чтобы мы вытряхнули туда всё, что принесём, – сказала Тюлинька.

Первым вытряхнул свой рюкзак Сократ, затем – Гюро, а после них – Тюлинька. И ящик так переполнился, что им еле удалось закрыть крышку.

А тут и Эрле пришла.

– Прекрасно, – сказала она. – Вижу, у нас теперь надолго вперёд есть интересное занятие, вот только одну вещь я хочу сказать вам заранее. Обещайте мне, что не будете ничего строгать и вырезать, когда вы одни, только в присутствии кого-нибудь из старших, чтобы не случилось так, что вы нечаянно порежетесь, а рядом никого нет.

– А Тюлинька – старшая? – спросил Сократ.

– Ещё бы! – сказала Эрле. – Ну а теперь давайте отпустим Тюлиньку домой отдохнуть, потому что вечером ей опять нужно быть у нас.

– Индивид тоже будет теперь отсыпаться, – сказала Тюлинька. – Он так набегался, что дальше некуда.

Тюлинька не опоздала и пришла вовремя, как раз к маминому уходу.

– К нам ещё придёт Андерсен, – сказала Тюлинька. – Я позвонила ему и рассказала, что мы сегодня собираемся построгать, а он там у себя

в пансионате всё время занимается такими вещами. Он спросил, можно ли ему тоже прийти, не дожидаясь субботы, и я сказала, пожалуйста, пусть приходит.

Вечером случилась неожиданность. В доме многие знали, что в прошлый раз, когда Эрле уезжала на курсы, Гюро оставалась одна в квартире, и вот сегодня зашли сначала Сократ с Авророй и Эдвардом, и Эдвард сказал:

– Мари ушла по своим делам, а мы решили к вам заглянуть и посмотреть, нашёлся ли кто-нибудь, чтобы побыть в этот вечер с Гюро.

Они принесли с собой три ножа. Сократ, как видно, уже рассказал дома, что у Гюро будут строгать фигурки из палочек, и Эдвард тоже заинтересовался. Потом зашли Нюсси и её мама. Они тоже принесли с собой ножи, потому что Нюсси узнала об этой затее от Авроры. Потом пришли Андерсен и большая девочка, которую звали Грю, а последним пришёл Кнут – тот мальчик, который ездил на мопеде и в которого не была влюблена Аврора.

Потом за Эрле зашёл Бьёрн и привёл с собой Лилле-Бьёрна. Все пришли, чтобы не бросать Гюро одну, и все принесли с собой что поесть. Кто-то принёс фрукты, Нюсси – булочки, а Андерсен – пачку порошка какао. Он отправился на кухню и сварил целую кастрюлю какао.

Когда все уселись строгать, Гюро сказала:

– Смотрите, будьте внимательны с ножами, чтобы не пораниться! Так говорил папа. И думайте только о том, что делаете, а не то порежетесь.

– Очень разумный совет, – сказал Эдвард.

Все пошли к синему ящику с ветками и выбрали себе что понравилось. У Андерсена дело пошло лучше всего: в своё время он вырезал из дерева не один кораблик. Но ему было гораздо веселее вырезать здесь, чем заниматься этим в одиночестве дома в пансионате. Работал он не спеша и, если надо, помогал другим. Сократ трудился над толстой палочкой, выстругивая барк, а когда закончил работу, то сказал, что получился точь-в-точь тюленёнок. Гюро выбрала маленькую веточку с отростками, как четыре ножки, головка и хвостик, и сделала из неё жеребёнка, по крайней мере так ей показалось самой. Но вслух она этого не сказала. Всем было не до разговоров: каждый был занят своей работой и каждый считал, что у него получится что-то особенное и замечательное.

Время пролетело незаметно, и вот уже пришла пора укладываться спать. Грю и Кнут ушли, им ещё надо было доделать на завтра уроки. Последними остались Тюлинька, Андерсен и Лилле-Бьёрн. Они немножко побеседовали. Лилле-Бьёрн лёг на диване, а Гюро устроилась в своей постельке, ей было спокойно и уютно. Она нарочно оставила окно в маминной комнате приоткрытым, потому что была дома не одна, а мама любит спать на холоде.

В синем ящике заметно поубавилось запасов, но в лесу их сколько угодно, а Эрле и Бьёрн, вернувшись с курсов, принесли целую кучу дровишек, потому что на курсах было ещё и столярное отделение, и там было полно отличных обрезков, оставшихся от полок и шкафов! Так что ящику не приходилось опасаться, что он опустеет, запасов в нём хватит на много дней вперёд.

В преддверии Рождества

В городе люди всю жизнь куда-то бегут. Можно подумать, что им надо поспеть в несколько мест сразу. Часто им даже некогда поесть. Проглотив стоя пару бутербродов, они тут же несутся дальше, но, как ни торопятся, всё равно не успевают переделать всё, что нужно, и тогда они начинают переживать, что им опять дня не хватило, и принимают себя за быстрых, но и это не помогает.

В деревне у людей тоже множество дел, но они не бегут в поле сломя голову, когда, например, надо с утра выкапывать картошку. Нетушки! Они идут спокойным шагом, а сперва позавтракают без спешки, обсуждая, что и как предстоит сделать. И хотя они не мчатся как на пожар, но успевают переделать всё, что нужно. Должно быть, как раз потому, что делают всё с толком и по порядку.

В Тирилтопене самая беготня началась в преддверии Рождества. Эта беготня была не такая весёлая, как у Гюро, когда она точно превращалась в жеребёнка и бежала, потому что ей нравилось, как ветер дует в лицо, волосы за спиной развеваются флажком, а ноги почти не касаются земли. Какое там! Люди бегали по магазинам. Оттуда они возвращались уже не

бегом, потому что тащили на себе тяжёлую ношу, но всё равно шагали как можно быстрее, и им почему-то даже не приходило в голову остановиться, поставить сумки на землю и отдышаться.

Иногда при походе в магазин Гюро и Сократ играли, что они взрослые. Тогда они шли очень быстрым шагом и принимали озабоченный вид, но это было так странно, что они никак не могли удержаться от смеха, и тогда они сбавляли шаг, потому что невозможно одновременно смеяться и торопиться. Затем они снова принимали строгий вид и прибавляли шагу. Но только пока не оказывались перед дверью в магазин. Не раз дверь захлопывалась прямо у них перед носом, чуть не стукнув Гюро и Сократа по лицу. Однако, к счастью, не все люди были такие невнимательные. Они придерживали за собой дверь, и тем, кто шёл сзади, было не так страшно входить.

Войдя в магазин, Гюро шёпотом сказала:

– Теперь мы будем не взрослые.

Потому что тут им предстояло выбрать покупки для себя.

Несколько раз они ходили в магазин по поручению Эрле и несколько раз для Эдварда. Эдвард придумал даже нарисовать на листочке, что надо купить, и тогда из похода в магазин получилась интересная игра, в которой надо было найти на полке то, что нарисовано на бумаге. Труднее всего было покупать молоко, потому что молочные коробки стояли в самом низу, а у полки была высокая загородка. Чтобы достать молоко, Гюро приходилось тянуться через край, ложась на неё животом, а когда ей надо было взять тяжёлую двухлитровую упаковку,

Сократ должен был придерживать её за ноги, иначе ей с коробкой было не вынырнуть из-под полок. Зато вместе с Тюлинькой это было пустяковое дело: она доставала молоко, а они помогали ей отыскать то, что нужно.

Тюлинька тоже вела себя немного чудно. Потому что стоило ей попасть в город, как она начинала идти быстрым шагом. Так она привыкла, когда работала телефонисткой и торопилась управиться со всеми делами за обеденный перерыв. Когда они бывали в городе, Гюро хватала её за пальто, чтобы Тюлинька от неё не убежала. Но в Тириллтопене Тюлинька ходила спокойно и неторопливо разглядывала выставленные там вещи вместе с Гюро и Сократом, ведь она была их дневной мамой.

Однажды Тюлинька пришла к Гюро и Эрле с каким-то странным выражением на лице. Дело шло уже к вечеру, и в это время Тюлинька обычно не приходила, но сегодня пришла, и было видно, что она хочет что-то сказать.

Эрле заварила ей кофе, и они сели разговаривать в гостиной. Гюро немножко посидела с ними, потом ушла и сначала поиграла на полу у себя в комнате, потом в прихожей. Она услышала, как Тюлинька сказала:

– Ну вот, скоро опять Рождество. Знаешь, Эрле, всю жизнь перед Рождеством меня одолевала тоска. Ты же помнишь: на Рождество все постояльцы разъезжаются из пансионата, а хозяйка устраивает себе каникулы, и кто остался, должны сами себе готовить еду и обходиться без obsługi. Хуже всего было в сочельник. Пока живы были мои родные, я всегда ездила на Рождество домой, но, когда их не стало, мне как-то уже никуда не хотелось. Несколько раз я просто оставалась в пансионате. Ну разве что встречалась иногда с Лиллен. Но Рождество она встречала с родными, и я оставалась одна. Потом я пробовала уезжать в какую-нибудь гостиницу, но там мне тоже не понравилось, и в конце концов стала проводить Рождество в пансионате у себя в комнате.

– Ну а как же Андерсен? – спросила Эрле. – Он-то разве не оставался?

– Нет, он уезжал в другой город к сестре, а возвращался только после Нового года.

– И ты оставалась в Рождество совсем одна? – сказала Эрле.

Она подошла к Тюлиньке и стояла к ней близко-близко.

– Да, дружочек, – сказала Тюлинька. – Приходилось что-то придумывать, чтобы совсем не заскучать.

– Неужели у тебя не было даже праздничного угощения?

– Было, конечно, – сказала Тюлинька. – Я всего накупила и накрыла стол у себя в комнате, как могла, наряднее. И вот села я и сказала сама себе: пора вспомнить, почему мы празднуем Рождество. А празднуем мы его в честь Младенца, который родился две тысячи лет тому назад.

– Младенец Иисус, – сказала Эрле.

– Да. Но тут мне поневоле вспомнилось, какое бывало раньше Рождество в моём детстве, и вспомнила, как хорошо было, когда жива была мама, и припомнила те рождественские праздники, которые мы встречали вдвоём с папой.

– А эта женщина, которая тебя так запугивала, не была тогда с вами? – спросила Эрле.

– Она – нет, – сказала Тюлинька. – Она никогда не встречала с нами Рождество. В магазине у папы работало несколько женщин, но после работы они уходили к себе домой. Была одна, которая помогала нам по хозяйству, вот она – да, но мы с папой всё равно были как бы одни. В сочельник он приходил очень усталый, перед Рождеством у него всегда было страшно много работы, так что, закрыв магазин, он ложился отдохнуть, и я тоже ложилась, ну, чтобы потом вечером нам подольше посидеть. И вот по всему дому разносился запах кислой капусты, и для меня это был самый что ни на есть праздничный запах. Потом мы вставали, одевались по-праздничному и ехали в церковь. У нас тогда была лошадка и сани, и ехали мы с бубенчиками, а в церкви для нас по-настоящему начинался праздник, знаешь, когда священник читает рождественское Евангелие и все поют рождественские песни. А после мы навещали могилу матушки, ставили там большую свечку и клали на могилку веночек из куропаточьей травы. Куропаточью траву для венка мы с папой собирали сами, запасались ею с осени. Затем мы ехали домой и садились за стол. Женщина, которая вела наше хозяйство, всё приготавливала к нашему приходу, а сама уходила, не дожидаясь нашего возвращения. Папа хотел, чтобы она встречала Рождество со своими близкими. Угощение было очень вкусное, мы сидели за столом и любовались на ёлку.

– А хоровод не водили? – спросила Гюро.

– Нет. Когда мы жили с папой одни, не водили, а вот когда в дом пришла моя новая мама, стали водить хоровод вокруг ёлки, и она ездила

с нами в церковь и ходила на могилку, а потом я шла за руку с ними, и мне было очень хорошо. Всё это я и припомнила в пансионате.

– А у тебя не пахло кислой капустой? – спросила Гюро.

– Ну как же! Я купила маленькую пачку кислой капусты, и, подогретая, она замечательно запахла. А потом я развернула подарки от Лиллен и сослуживиц с телеграфа и от Андерсена. Андерсен подарил мне книжку с такой милой надписью на первой странице. Он писал, что будет думать обо мне, как я там в одиночестве встречаю Рождество. И тут я повеселела и начала читать и до того увлеклась, что зачиталась допоздна, а потом легла спать, а на другой день настало Рождество, и я радовалась, что наконец и этот сочельник уже позади.

– Многие люди с тоской ожидают Рождества, – сказала Эрле. – Но ведь на этот раз, Тюлинька, тебе не придётся сидеть в одиночестве. Мы с Гюро будем очень рады, если ты согласишься провести его с нами.

– Ещё бы не согласиться! – сказала Тюлинька. – Но я должна кое-что сказать: пригласите, пожалуйста, и Андерсена тоже. В этом году он не поедет к сестре. Она недавно болела и теперь на Рождество уезжает в санаторий, так что Андерсен останется в городе.

Значит, и он будет у нас, – сказала Эрле. – Слышишь, Гюро, у нас соберётся целая компания!

Гюро так обрадовалась, что скорее побежала в свою комнату поделиться этой новостью с Вальдемаром и Кристиной. Она уже и раньше с ними делилась, и только они знали, что Гюро тоже бывает тоскливо перед сочельником. В этот день было как-то особенно грустно, что нет больше папы. Гюро вспоминала прошлогодний сочельник. Тогда Гюро и Эрле в первый раз встречали его одни и у них не хватило духу встретить праздник дома, и они провели его в гостях у тётушки Заботы, но на ночь глядя пришлось возвращаться к себе. Родной дом вызвал у обеих странное чувство, он показался им таким опустелым. А здесь не будет этого странного чувства, как будто дом опустел, потому что придут гости.

– Да, я ещё кое-что хотела сказать, – послышался голос Тюлиньки. – Андерсен переезжает.

– Неужели он уезжает из пансионата? – спросила Эрле.

– Да. Он не хочет больше жить в пансионате, – сказала Тюлинька. – Он говорит, что устал каждую субботу мотаться на метро от меня обратно в пансионат. Он уже давно был записан в очередь на квартиру и давно мог бы её уже получить. А теперь принял окончательное решение. Ты никогда не догадаешься, что он выбрал!

– Так что же он выбрал? – спросила Эрле.

– Он переезжает к нам, в Тириллтопен, – сказала Тюлинька.

Вид у неё был такой довольный, что Эрле поневоле заулыбалась.

– И он будет жить в корпусе «Ю», там же, где ты?

– Нет, он будет жить в корпусе «Ц», – сказала Тюлинька, – на тринадцатом этаже. Ему дают три комнаты.

– Вот это да! – сказала Эрле. – Это же просто замечательно!

– Да! – сказала Тюлинька. – И ещё у него к тебе одна просьба. Хотя сейчас, перед Рождеством, наверное, неудобно об этом говорить. Он спрашивал, не могла бы ты помочь ему с ремонтом гостиной и спальни. Спальня большущая, и он хочет покрасить стены в ярко-голубой цвет, а к ним повесить светло-коричневые занавески. Эви обещала, что пошьёт их для него. В другой комнате, которая считается гостиной, он хочет сделать бледно-розовые стены с белыми и красными цветами и зелёными листиками. Впрочем, там будут обои, и он их уже купил, так что осталось только поклеить. Он бы и сам это сделал, но ему некогда, так как нужно уладить денежные дела и перевозку вещей. Кое-что он привезёт из старой обстановки, которая была в родительском доме, а также то, что стоит у него в пансионате, так что много всего наберётся.

– Ладно, – сказала Эрле. – Только делать я это буду по вечерам, днём я занята на работе. А ты, Гюро, что на это скажешь? Если я, после того как ты ляжешь спать, буду уходить на тринадцатый этаж.

– Ладно! – сказала Гюро. – Ведь ты будешь в нашем корпусе, а если что, я прибегу к тебе...

Тюлинька даже разругалась. Казалось, что она ещё что-то хотела сказать. Но она поднялась и направилась к двери.

– Как же хорошо, что мне не о чем тосковать в преддверии Рождества, – только и сказала она перед тем, как уйти.

Через некоторое время раздался звонок в дверь. Это пришла Эви, мама девочки Нюсси.

– Прости, Эрле, что врываюсь к тебе после работы. Не найдётся ли у тебя складного дюйма? Я буду шить занавески для одного человека с тринадцатого этажа, и мне нужно измерить окна. Вдруг они не совпадают по размерам с моими, хотя мы и живём в одном доме.

– Понятно, – сказала Эрле, – для Андерсена. Я только что узнала, что он получает там квартиру. Представляешь себе, ему одному дают три комнаты. Не подумай, что я кого-то осуждаю. Одиному человеку тоже приятно пожить в хорошей обстановке.

– Да, конечно, – сказала Эви. – Но он вовсе не одинок. Он подал заявление на квартиру для семьи из двух человек. Я знаю это, так как я член правления жилищного кооператива.

– Ах, вот что, – сказала Эрле. – Может, он решил съехаться с каким-то приятелем. Он же бывший моряк. Я помню, Андерсен как-то мне говорил, что часто ходит на пристань повидаться там с кем-то, с кем они вместе плавали. Я буду делать у них ремонт, так что мы там, наверное, встретимся, когда ты придёшь насчёт занавесок.

– Наверное, да, – сказала Эви. – Сейчас в преддверии Рождества у меня столько дел! Очень многим требуется помощь в это время, но скоро это кончится. Ну, пока!

– А как мы сделаем веночек из куропаточьей травы? – спросила Гюро.

– Сама не знаю, – сказала Эрле. – Наверное, надо связать тонкие веточки и закрепить между ними траву.

– У меня есть куропаточья трава, – сказала Гюро. – Когда мы с Тюлинькой и Сократом ходили в лес, то нашли там одну горку.

– И почему ты это решила? – спросила Эрле.

– Я хотела положить такой веночек на папину могилку, – сказала Гюро. – Только Гампетреф так далеко!

– Может быть, мы сумеем съездить туда в рождественские праздники, – сказала Эрле. – На поезде. Но не в сочельник, в сочельник у нас гости. Мы же постараемся хорошенько подготовиться к празднику, чтобы порадовать Тюлиньку и Андерсена, правда?

– Ну да, – сказала Гюро. – И она не будет тогда грустить в одиночестве.

Эрле так обрадовалась, когда Гюро это сказала, что Гюро вдруг догадалась – мама тоже немного загрустила в ожидании Рождества, а теперь перестала.

Вечером, после того как мама, уложив Гюро и почитав вслух книжку, ушла, пожелав ей спокойной ночи, она вдруг села в кровати и стала играть, как будто она – Тюлинька и осталась одна-одинёшенька. Сперва она была Тюлинька, но потом снова сделалась Гюро. Она представила себе, что осталась совсем одна на белом свете, и начала вспоминать, как было на Рождество, когда она была маленькой. Тогда они с папой отправлялись за ёлкой и привозили её домой на санках, и от ёлки по дому разливался такой чудесный запах, а папа ходил с таинственным лицом, потому что он любил, когда все ахают, открывая подарки. Где он их только не прятал, чтобы никто заранее не узнал, что там окажется! Однажды папа подарил Гюро маленькую лошадку. Наверное, старый столяр, который жил в Гампетрефе, помог папе её смастерить. А однажды Гюро получила в подарок игрушечный трактор и карманный фонарик, а ещё ей подарили новые тапочки в красивой коробочке с окошечком на крышке. На коробочке было много-много цветов.

Как бы мама не загрустила, когда гости уйдут! Может быть, подарить ей книжку, чтобы она, как Тюлинька, могла почитать? Гюро вздохнула с облегчением и легла спать, а Вальдемар и Кристина у неё в ногах ещё долго дивились, сколько всего нового они узнали про разные сочельники.

Вечерняя работа

Немного нехстати, что придётся отделывать квартиру Андерсену в преддверии Рождества, – сказала Эрле. – Но как-нибудь уж управлюсь. Хорошо, по крайней мере, что курсы дворников закрылись на каникулы, так что на этой неделе у меня свободны все вечера. Так что к празднику всё успею.

Эрле правда очень уставала. Утром она вставала очень рано и весь день проводила на работе. Позавтракав и накормив Гюро, она отпирала

парадную дверь, выключала дворовое освещение и отправлялась собирать мусор. Если случался снегопад, ей нужно было заводить трактор и выезжать со снегоочистителем, чтобы очистить дорожки и люди могли бы пройти от дома к проезжей дороге. Затем надо было идти в подвал и проверять, всё ли там в порядке, и часто сперва надо было расчистить дорогу перед входом. Потом надо было напоминать людям, когда наступает их очередь мыть лестницу, а кроме того, на ней лежал весь мелкий ремонт в квартирах.

А к Рождеству, как нарочно, все жильцы почему-то вспомнили, что им срочно нужно что-то починить. А ведь Эрле надо было следить ещё и за котельной и вовремя смазывать работающие там машины, причём ей приходилось то и дело отвлекаться: бежать, например, в прачечную, где кто-то неправильно включил электрическую машину, на которой катали бельё. Одним словом, всех дел и не перечислишь.

Как-никак Эрле должна была ещё и готовить еду для себя и для Гюро и как-то находить время, чтобы побыть с Гюро. Но едва она этим займётся, как тут же кто-нибудь вызывает её по телефону и она, бросив всё, бежит на вызов. Хорошо, что у Эрле был такой ровный характер и она умела работать размеренно и спокойно, поэтому она везде поспевала и не носилась как угорелая.

Носиться она не носилась, а ходила обыкновенным шагом и всё делала спокойно и по порядку и потому столько всего успевала. После обеда она иногда чувствовала такую усталость, что ложилась немножко отдохнуть. Отдыхала Эрле не так, как обычно делают другие. Для послеобеденного отдыха она ложилась не на кровать в спальне и не на диван в гостиной, а на коврик перед диваном. Там ей лежалось удобнее всего.

– Хорошо, когда лежишь на жёстком, – говорила она. – Тогда у меня отдыхает всё тело.

Иногда случалось, что кто-нибудь в это время звонил в дверь. Гюро открывала, и, когда человек удивлённо глядел на лежащую на полу Эрле, она объясняла:

– Мама прилегла отдохнуть. Не могли бы вы прийти через час?

– Она не заболела? – спрашивали некоторые.

Люди думали, что здоровый человек не будет лежать на полу. Ну и очень глупо с их стороны! Хорошо, что Гюро стерегла мамин покой во время послеобеденного отдыха, потому что, полежав так часок, Эрле вставала бодрая, а Гюро заранее ставила варить кофе: она уже знала, что мама, когда встанет, будет пить кофе, чтобы окончательно проснуться, а потом скажет: «Ну а теперь пошли к Андерсену!»

Эрле разрешила дочке помогать ей красить стены. Она сказала, что Гюро ей очень помогает, ведь, когда она работает стоя на стремянке, ей часто требуется какая-нибудь вещь, которая стоит на полу, а Гюро сразу тут как тут – возьмёт и подаст.

С покраской голубой комнаты дело пошло быстро. Сначала они стёрли старую краску, а затем Эрле два раза покрыла стены новой, голубой. Получилось замечательно. Комната прямо заблестела и стала совсем непохожей на все комнаты, которые Гюро видела раньше.

Когда Эрле приступила к гостиной, где надо было наклеивать обои, оказалось, что тут помощи Гюро мало. Клеить обои должны два взрослых человека, чтобы один стоял наверху, а другой снизу бы их расправлял.

– Как ты думаешь, могла бы ты сбегать к Бьёрну? – спросила Эрле. – Я не видела его с последнего занятия перед Рождеством. Я хочу, чтобы ты вежливо спросила его, не может ли он мне помочь.

– Ага, – сказала Гюро.

Она бегом сбежала по лестнице, потому что не любила одна заходить в лифт. Вот когда они будут возвращаться с Бьёрном, тогда поднимутся в лифте. Вместе не страшно.

На улице было уже темно. Ничего удивительного, ведь дело шло к вечеру. Под ногами было немного скользко, бежать бегом Гюро не могла, но она шла быстро. Так же быстро, как взрослые, когда идут в магазин, потому, конечно, что хотела поскорее дойти до Бьёрна. Гюро очень волновалась, когда нажимала кнопку звонка. Ведь вдруг Бьёрна не будет дома! Вдруг он уехал в город или у него гости!

Она ждала довольно долго, прежде чем открылась дверь, но на пороге был Бьёрн. Волосы у него были растрёпаны. Наверное, он отдыхал.

– Да это ты, Гюро! – встретил он её, и Гюро показалось, что он обрадовался.

– Да, – сказала Гюро. – Я от мамы. Ей надо наклеивать обои у Андерсена, и надо, чтобы ты ей помог. Я слишком маленькая.

– Зайди на минутку, – сказал Бьёрн, – чтобы я тебя как следует выслушал. Я только что налил себе чашку кофе и сначала хочу его выпить. Итак, рассказывай, в чём дело!

– Это у Андерсена, – сказала Гюро.

– У Андерсена? – переспросил Бьёрн. – В пансионате, что ли? Это у него Эрле клеит обои?

– Да нет же! – горячо возразила Гюро. – Он переезжает. Он будет жить в корпусе «Ц» на тринадцатом этаже. Мама уже покрасила одну комнату, а в гостиной надо поклеить обои, потому что с ним будет жить ещё один старый моряк.

– Ясно, – сказал Бьёрн. – Теперь я понял. Хорошо, я приду. Вот только допью кофе. Сегодня я здорово уработался и прилёт отдохнуть.

– Тоже на полу? – спросила Гюро.

– Нет, – сказал Бьёрн. – На диване.

– Ага, – кивнула Гюро. – А вот мама всегда ложится на пол, когда отдыхает после обеда.

– Да что ты! – сказал Бьёрн, осторожно отхлебнув из горячей чашки.

Гюро огляделась по сторонам. На полке с книгами стояла большая фотография Лилле-Бьёрна. Он так приветливо с неё глядел. Не улыбался, а просто смотрел на того, кто рассматривает фотографию.

– А Лилле-Бьёрн приедет на Рождество? – спросила Гюро.

– Только на второй день праздников, – сказал Бьёрн. – Он встречает Рождество с мамой, а на второй день приедет. Наверное, мы тогда съездим в Кюлпен. Ну вот, попил, – сказал он и отнёс чашку на кухню.

– А ты рад Рождеству? – спросила Гюро.

– Нет, детка, не рад. Скорей бы уж оно прошло! А вот второй день – это уже ничего. Давай-ка подумаем: надо что-нибудь захватить для Эрле? Она тебе ничего не говорила? Есть у неё клей, и кисть, и всё, что для этого требуется?

– Всё уже есть, – сказала Гюро. – Даже лестница-стремянка.

– Есть так есть. Значит, пошли. Давай руку, я буду держать тебя, чтобы ты не упала.

Это было даже лучше, чем бегать. У Бьёрна была такая добрая, тёплая ладонь, и Гюро притихла, шагая с ним за руку. Всю дорогу Бьёрн с ней разговаривал, и Гюро захотелось, чтобы дорога до корпуса «Ц» тянулась подольше, но она скоро кончилась. Жалко, что она такая короткая! Зато дальше опять ждало интересное приключение — они вошли в лифт! Бьёрн не просто вошёл и нажал кнопку — нет, он сказал:

— А теперь ты будешь лифтьёром, а я буду твоим пассажиром.

Наверное, он знал, что Гюро побаивается одна ездить на лифте.

Гюро открыла дверь, чтобы Бьёрн зашёл в лифт. Но когда дело дошло до того, чтобы нажать на кнопку, оказалось, что она до этого не доросла и не дотягивается до верхней.

— Давай-ка я тебя приподыму, — предложил Бьёрн. — Вот ты и достала.

Сначала Гюро нажала так осторожно, что лифт не тронулся с места, но Бьёрн сказал:

— Нажми как следует, чтобы лифт понял, чего тебе надо!

Гюро как следует ткнула в кнопку, и лифт тронулся.

— А теперь давай считать этажи, — сказал Бьёрн. — Тогда мы увидим, правильно ли ты всё сделала. Второй этаж, третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой...

— Ой, тут кто-то ждёт лифт, — сказала Гюро, когда они проезжали мимо очередной двери.

– Придётся им подождать, пока мы поднимемся, – сказал Бьёрн. – Десятый этаж, одиннадцатый этаж, двенадцатый этаж, тринадцатый этаж. Всё правильно, Гюро. Ты молодец! Можешь мне сказать, какой этаж мы не сосчитали? Это было между восьмым и десятым.

Гюро сосчитала про себя и сказала:

– Девятый.

– Правильно, – сказал Бьёрн. – Ты всё знаешь. А теперь пойдём к Эрле.

И тут Гюро сделала странную вещь. Она нарочно упала, и Бьёрну пришлось её поднимать. Тогда он снова взял её за ручку.

– Давай-ка лучше пойдём за руку, – сказал он. – А то ты такая торопыга, что спотыкаешься.

Когда Эрле вышла на порог, то увидела, что оба стоят перед дверью взявшись за руки.

– Как хорошо, Бьёрн, что ты смог прийти!

– У меня был надёжный провожатый, – сказал Бьёрн. – Гюро привезла меня на лифте и довела до двери. Так вот где будет жить Андерсен! Ему повезло, что получил трёхкомнатную квартиру. Он вроде бы будет жить тут со старым товарищем, бывшим моряком. Ты как будто так говорила, Гюро?

– Да, – сказала Гюро. – Он, наверное, будет жить в голубой комнате.

– Наверное, так, – сказал Бьёрн. – И стены, поди, покрасил в голубой цвет, чтобы они напоминали ему о море. У Андерсена, наверное, будет спальня в маленькой комнате. А гостиная у них будет общая.

– Как-то немного странно, что двое старых мужчин выбрали розовые обои с белыми и красными цветочками, – сказала Эрле. – Но как знать, может быть, у Андерсена есть красивая старая мебель, тогда эти обои как раз подойдут. По-моему, это красиво.

Дело пошло на лад. Бьёрн намазывал стены клеем и, стоя на стремянке, прикладывал сверху обои. Эрле их ровняла снизу. Обрезки достались Гюро, а Бьёрн сказал:

– В подвале у меня лежит подходящая доска. Если хочешь, я тебе дам и ты её оклеишь. Потом повесишь у себя над кроватью и будешь вешать на неё картинки, тогда не надо будет пробивать стену каждый раз, как захочешь закрепить новую.

– Ага, хочу, – сказала Гюро.

Она аккуратно свернула свои обрезки. Время от времени она начинала зевать, потому что встала очень рано, а сейчас как раз пора было ложиться.

– Я скоро приду домой, – сказала Эрле. – Вот только доклеим этот угол. И тут пришла Тюлинька.

– Мне не терпелось посмотреть, как оно тут, – сказала она, – и, кроме того, подумала, что Гюро будет приятнее, если кто-нибудь будет дома, когда она ляжет спать, и ей не придётся ждать, когда ты, Эрле, закончишь клеить. По-моему, получается очень хорошо. И как удачно, что Бьёрн смог помочь!

Эрле и Бьёрну понадобилось несколько вечеров, чтобы всё закончить, осталось только приклеить свежеекрашенные бордюры. Эрле до того устала, что её шатало и она хваталась за что попало, чтобы опереться. Бьёрн сказал:

– Ты чересчур много трудишься, Эрле. До Нового года чтобы больше никаких добавочных работ по вечерам! Мне кажется, ты пытаешься кому-то доказать, что можешь работать вдвое больше других.

– Да, я так думаю, что должна стараться. Очень многие были против того, чтобы брать меня на место дворника, так что я всё время им доказываю, какой я молодец.

– Если ты вконец измотаешься, от этого никому не будет лучше, – сказал Бьёрн. – Хорошо, что скоро рождественские праздники и ты сможешь отдохнуть от работы.

– Я как-то и позабыла про Рождество. Но мы с Гюро ничего такого особенного не собираемся готовить к празднику. К сочельнику мы, конечно, приготовим что-нибудь вкусное, потому что к нам придут в гости Тюлинька и Андерсен. А ты уезжаешь или останешься здесь с Лилле-Бьёрном?

– Точно ещё не решил, – сказал Бьёрн. – Лилле-Бьёрн приедет только на второй день, так что через сочельник я просто перескачу. Подумаешь, есть о чём говорить!

Лицо у него как-то сморщилось, а Эрле начала говорить о других вещах, но через некоторое время сказала:

– Знаешь, Бьёрн, если тебе это будет неинтересно, ты так сразу и скажи, но я хотела предложить – может быть, придёшь к нам в сочельник? Ты же

понимаешь, для Гюро большая радость, что у нас будут гости. И она ещё больше обрадуется, если ты тоже придёшь. Она так сказала мне вчера. И ещё она нарисовала удивительную картинку. На ней нарисовано, как ты перескакиваешь через наряженную ёлку. Теперь я поняла, что она хотела этим сказать.

– Ну, раз уж Гюро так хочется, отчего же не прийти! Но с одним условием: я тоже буду с тобой готовить кислую капусту, чистить картошку и вообще помогать. Потому что мне кажется, что у тебя немного осталось сил на то, чтобы приготовить всё к приёму гостей.

– Отлично, – обрадовалась Эрле. – Соглашаюсь с благодарностью. Значит, договорились.

На следующий день приехал фургон с мебелью Андерсена. Расставив вещи по местам, он позвал Эрле, Гюро, Бьёрна и Тюлиньку посмотреть, как теперь выглядит квартира.

В прихожей висело его пальто, шляпа и старая фуражка. В маленькой комнате стоял диван и корзинка для собаки. На стенах висело много хороших старинных картинок, на которых можно было видеть детей в длинных платьях, собак и лошадей, на одной даже был слон.

– Так у твоего приятеля есть и дети и собака? – спросила Эрле.

– Ну как сказать... В каком-то смысле и да и нет, – сказал Андерсен.

Затем они пошли в гостиную. В ней не было ничего, кроме новых обоев на стенах. Она стояла совершенно пустая, зато в голубой комнате были расставлены все вещи Андерсена, и она была даже похожа на комнату Андерсена в пансионате. Тут были все парусники, которые он смастерил, а на стенах висели картины с изображением кораблей. На месте был и стол с длинными трубками, и большая коричневая кровать с покрывалом, и тёмная книжная полка, набитая книгами, и уютный ковёр на полу.

– Да. Так я привык, – сказал Андерсен, – и так собираюсь жить дальше.

– А та комната чья – твоего товарища? – спросила Эрле.

– По всей вероятности, да, – сказал Андерсен.

На кухне не было ничего, и это было как-то странно. Ну, чашка в шкафу, один стакан и тарелка – вот и всё.

– Кухонную утварь, наверное, привезёт с собой ваш товарищ, – сказала Эрле. – Вторая часть обстановки скоро приедет?

– Нет, только после Рождества, – сказал Андерсен. Кому охота возиться с переездом накануне Рождества!

– Да, но без посуды ты же не сможешь поесть, – сказала Гюро.

– Пока что, знаешь, он будет есть у меня, – сказала Тюлинька. – Послушай, Гюро, можно с тобой поговорить по секрету?

Они ушли в ванную, там их никто не мог услышать.

– Не могла бы ты пойти со мной завтра в магазин, чтобы купить подарки к Рождеству? Мне нужно купить что-то для Эрле, и без твоей помощи мне не обойтись, – шёпотом сказала Тюлинька и добавила кое-что ещё.

Гюро серьёзно кивнула. Она поняла то, что сказала Тюлинька, и, выйдя из ванной, никому об этом не стала говорить. Но на лице у неё после этого разговора появилось ужасно таинственное выражение.

Зелёное, как лето

Индивид уехал на праздники вместе со своими людьми. Уехал и Сократ. Он с папой и Авророй отправился в Бесбю помогать бабушке и тётушке, которую звали Лужица, готовиться к Рождеству, а его мама должна была приехать к ним позже, когда её отпустят на работе. Перед отъездом Сократ зашёл к Гюро. Он сказал:

– Я уезжаю к бабушке и ещё, может быть, съезжу на денёк к дяде Бранде, а это тебе два подарка, от меня и от Чучела.

Гюро взяла завернутые подарки и сказала спасибо. Плохо, что у мамы как раз перед Рождеством набралось столько дел. Они говорили с мамой о том, что надо бы купить подарок для Сократа, но для этого так и не нашлось времени.

Но тут, к счастью, пришла Тюлинька и сказала:

Ничего страшного, что Сократ уедет без подарка, ведь его мама ещё не уехала, так что можно передать подарок с ней, а я добавлю что-нибудь и от себя. А сейчас, Гюро, нам с тобой пора ехать в город, чтобы всё купить, что надо. Во-первых, мне нужна твоя помощь уже дома. Я хочу купить для Эрле платье. Сама она не надумает его покупать. Но мы пойдём в магазин без Эрле, и она его не сможет примерить, потому что если бы

примерила, то это был бы уже не секрет. Поэтому нам придётся залезть в платяной шкаф и взять с собой какое-нибудь её платье. Тогда продавцы в магазине поймут, какой нам нужен размер.

– У мамы почти одни брюки, – сказала Гюро. – Но есть одно нарядное платье с длинными рукавами. Раньше оно точно было нарядное.

– Вот его-то мы и возьмём с собой, – сказала Тюлинька. – Только бы она сейчас не пришла и не увидела, что мы тут делаем.

Поэтому Тюлинька поскорей открыла шкаф, взяла оттуда платье, завернула в бумагу и спрятала к себе в сумку.

Хорошо, что Тюлинька поторопилась: едва она это сделала, как пришла Эрле, но Тюлинька только сказала:

– Мы с Гюро едем в город, у нас там кое-какие дела.

– Хорошо, – сказала Эрле. – У меня, к сожалению, ни для чего такого не остаётся времени. Поди сюда, Гюро, – позвала она дочку в свою комнату. – Смотри, вот тебе немного денег. Выбери, пожалуйста, что-нибудь хорошее для Тюлиньки, Андерсена и Бьёрна.

– У меня у самой тоже есть деньги, – сказала Гюро. – Вместе это будет во как много!

Тюлинька и Гюро поехали в город и в первую очередь пошли туда, где продавали платья. Тюлинька присмотрела зелёное и сказала:

– Вот это, мне кажется, подойдёт Эрле. Глядя на него, мне сразу вспомнилась зелёная травка, лето и всё такое красивое.

Она подошла к продавщице, показала ей мамино старое платье, и та сказала, что у них найдётся нужный размер. Когда она принесла новое платье, Гюро не могла удержаться, чтобы не потрогать его рукой, – такое оно было нежное и гладенькое, и вообще, как сказала Тюлинька, зелёное, как лето.

Продавщица аккуратно сложила платье в пакет и старое тоже уложила, но второй свёрток она пометила красным крестиком, чтобы они дома ничего не перепутали и не спрятали бы под ёлку старое платье вместо нового.

– А теперь займёмся твоими делами, Гюро, и выберем, что ты хочешь купить, – сказала Тюлинька. – Ты уже придумала, что подарить маме?

– Да. Книжку, чтобы у мамы было что почитать и она не грустила бы в сочельник, как ты тогда в пансионате.

– Прекрасно! – сказала Тюлинька. – А про что ты хочешь подарить ей книжку?

– Наверное, про котлы, трактор или про смазку, – сказала Гюро.

– Нет, – не согласилась Тюлинька. – Про это она и без того много читает. Может быть, нам лучше купить какую-нибудь такую, которая больше подходила бы к новому платью? Что-нибудь про лето и про людей, которые заботятся друг о друге?

Они нашли такую книгу, как говорила Тюлинька, и купили для Сократа тетрадку. И не важно, что Сократ ещё не умел писать, ведь можно же поиграть, как будто ты в ней пишешь. Потом купили колоду карт для Андерсена, потому что старая, из которой он раскладывал пасьянс, вся истрепалась, и ещё две большие красные свечи для Бьёрна.

– А теперь я куплю подарок для тебя, – сказала Гюро. – Но ты пока отвернись!

– Хорошо, – сказала Тюлинька. – Отвернись!

Гюро купила блокнотик, чтобы записывать в него телефонные поручения. Ведь Тюлинька больше всего любила это занятие, и стоил он не очень дорого.

– А теперь едем домой, – сказала Тюлинька. – Пакет с новым платьем для мамы я унесу к себе, чтобы она не увидела раньше времени, а старое платье ты должна незаметно повесить в шкаф. Теперь у нас с тобой есть замечательный секрет!

– Да, – сказала Гюро.

Когда Гюро вернулась домой, мамы там не было, и она сразу пошла в мамину комнату вешать старое платье на место. Но не успела она его ещё развернуть, как щёлкнул замок и пришла мама. Гюро бегом кинулась в свою комнату и запихала пакет с платьем далеко под кровать.

– Привет! – сказала Эрле. – Я знала, что ты уже дома, потому что по дороге встретила Тюлиньку. Ну и пакет же у неё был в руках, просто роскошный, и на лице таинственное выражение. Ты для неё что-нибудь купила?

– А как же! – сказала Гюро. – И для Андерсена, и для Бьёрна, и для Сократа, и ещё не скажу для кого.

– Здорово! – сказала мама. – Надеюсь, что на следующий год я буду посвободнее и смогу сама сходить с тобой за рождественскими покупками.

Но сейчас у меня выдался свободный часок, и я подумала, что нужно нам перебрать наши наряды и выбрать, во что мы оденемся к сочельнику.

– Ой, – сказала Гюро. – А я так проголодалась!

– Ничего, – сказала мама, – еда у меня уже греется. Я поставила её перед тем, как сбегать за ёлкой.

– Ты уже купила? – спросила Гюро. – Ты же хотела взять меня с собой.

– Хотела, но, что поделаешь, пришлось сейчас, когда нашлось время, – сказала Эрле. – Ёлка стоит пока в котельной, и я уже поставила её на подставку. Мы можем потом вместе сходить и забрать её оттуда, и ты сама повезёшь её на саночках. Поди, Гюро, достань своё платье, и мы посмотрим, всё ли в нём на месте и не надо ли постирать.

Гюро пошла доставать платье, а мама залезла в свой шкаф и увидела, что платья-то и нет.

– Что такое? – воскликнула Эрле. – Платья нет на месте. Я же его тут ни разу не надевала. В последнее время мне было не до нарядов. Может быть, я повесила его в твой шкаф?

Гюро не знала, что сказать. Эрле внимательно на неё посмотрела. Она так хорошо знала Гюро, что сразу заметила что-то неладное.

– Может быть, ты брала его поиграть? – спросила Эрле. – Вы с Сократом не наряжались во взрослое?

– Нет, – сказала Гюро, – только завернули. И это я одна, без Сократа. Вот оно. – Она быстро нырнула под кровать и вылезла оттуда с пакетом.

Мама развернула платье. Оно немножко измялось, а Эрле сразу сделалась усталая и сердитая.

– Прямо не знаешь, чего от вас ещё можно ожидать, – сказала она. – Неужели нельзя было оставить мои вещи в покое? Теперь мне придётся его гладить, а у меня и так столько дел, что я не знаю, как с ними управиться. У нас будут гости, а к гостям столько всего надо переделать.

И тут позвонил телефон. Кому-то из жильцов понадобилась помощь Эрле, чтобы установить ёлку на треножнике. Сегодня это был уже шестой вызов. Эрле без передышки была занята на работе с самого утра. Всем требовалась её помощь, а ей, кроме того, надо было успеть со своей работой и на дворе прибрать всё особенно тщательно – ведь наступало Рождество.

– Мне надо бежать, – сказала она. – Но я скоро вернусь, и мы сходим в котельную за ёлкой.

Оставшись одна, Гюро пошла в свою комнату. Сегодня она не стала разговаривать с Вальдемаром и Кристиной, а только сняла со стены скрипку и провела рукой по струнам, раздался жалобный звук, похожий на мяуканье кошки, но Гюро не заплакала – пока не заплакала.

Но когда мама вернулась и они пошли доставать ёлку, Гюро увидела, что ёлка маленькая, и сказала:

– Когда мы с папой ходили за ёлкой, ёлка была красивее.

– Ты права, – сказала Эрле. – Но там их было мало, и стоили они очень дорого. Мы поставим её на табуретку, и она будет казаться выше. Вот увидишь, какая она будет красивая, когда мы её нарядим. Давай положим её на твои саночки и повезём домой.

По дороге мама сказала:

– Ты молодец, Гюро, что помогаешь мне. Не огорчайся из-за этой ёлки. Я очень хотела, чтобы у тебя была большая, красивая ёлка, но вот пришлось взять эту.

И тут Гюро расплакалась оттого, что мама говорила с ней так ласково. Когда мама на неё сердилась, она не плакала, а вот сейчас, когда мама заговорила по-хорошему, не выдержала. Немного странно, но так уж получалось.

– Кажется, мы обе с тобой совсем выдохлись, – сказала Эрле. – Но кто же, как не мы сами, должны помогать друг другу. Так что давай не ссориться перед Рождеством. Про платье я уже и думать забыла, а ёлка будет отличная.

Дома обе стали с наслаждением нюхать воздух, ведь от ёлки так хорошо пахло!

– Завтра с утра мы её нарядим, – сказала Эрле.

И они так и сделали, но, когда Эрле принялась резать кислую капусту, вдруг зазвонил телефон. Кому-то понадобилось прочищать слив в ванне. Эрле вернулась совсем скоро, но тотчас же раздался новый звонок. На этот раз кто-то забыл дома ключ и не мог попасть в квартиру. Эрле позвали на выручку. В телефоне сказали, что они звонят от соседей и помощь нужна срочно, потому что у них на плите стоит еда и, того гляди, выкипит.

Гюро осталась одна. Она огляделась вокруг – ни одно дело ещё не было закончено. Она неуверенно подумала, что, наверное, сама может накрыть на стол. Вернулась Эрле и продолжила домашние хлопоты, но опять зазвонил телефон, и на этот раз Гюро видела, что мама огорчилась, лицо у неё сморщилось и сделалось очень усталое.

Гюро взглянула на телефон. Это он замучил маму. Как только мама вышла, Гюро выдернула вилку из розетки, а самый телефон запихала в свой шкаф, и тут вдруг зазвонил дверной звонок. Гюро пошла открывать и увидела перед собой Бьёрна.

– Ну, как у вас дела? – спросил он.

– Люди всё время звонят, – сказала Гюро. – Я взяла и спрятала телефон. Мама такая усталая, и мы ничего не успеем.

– Так я и думал, – сказал Бьёрн. – Ещё днём у Эрле был измочаленный вид, так что теперь мы с тобой присмотрим, чтобы её не дёргали. Рабочий день сегодня закончился в час дня, и мы не обязаны работать больше, если только не разразится какая-нибудь катастрофа. Но никакой катастрофы не было и нет. Только всякая ерунда, о которой людям надо было подумать раньше. Ты хорошо сделала, что спрятала телефон, только не говори об этом Эрле, а то она от излишней добросовестности считает, что должна всё время быть начеку и, как только кто-то позвонит, являться по первому требованию.

Вернувшись, Эрле очень обрадовалась Бьёрну, а Бьёрн сказал:

– Ну вот я и пришёл. Меня ведь пригласили в гости, и ты помнишь, что я сказал: что приду только в том случае, если мне разрешат помогать с приготовлениями. Так что давай ты иди и полежи, а мы с Гюро сами сделаем всё, что нужно.

– А как же кислая капуста? – сказала Эрле.

– Думаешь, я не сумею? – спросил Бьёрн.

– А картошка, и рёбрышки, и сосиски? – продолжала Эрле.

– Не волнуйся, – сказал Бьёрн. – Я умею стряпать, и Гюро у меня на подхвате. А у тебя сейчас выходной в честь Рождества. Понятно? И не вздумай ничего делать, пока не придёшь в себя. Приедет мой товарищ и подменит меня на праздники, а заодно и тебя. Всё, ложись в постель, и никаких разговоров!

Эрле постояла, пошатываясь, затем скрылась в своей спальне. Бьёрн, казалось, был очень доволен.

– Вот и хорошо, – сказал он. – А теперь, Гюро, приступим!

Как хорошо, что он пришёл! Он всё находил сам, хотя кухня для него была незнакомая. Запахло кислой капустой, а Гюро с Бьёрном раздвинули стол, и он стал длинный. Гюро знала, где лежит скатерть и где спрятаны свечи. Бьёрн всё делал вместе с ней и в то же время успевал готовить еду.

За час до прихода гостей забежала Тюлинька и принесла свёрток с подарком для Эрле.

– Я хотела, чтобы она его сегодня надела, – сказала Тюлинька. – Можно мне к ней зайти?

– Да. Теперь уже самое время, – сказал Бьёрн. – Вот чашечка кофе, отнесите ей и поболтайте немножко, чтобы она как следует проснулась.

Бьёрн вернул на место телефон, а Тюлинька зашла к Эрле. Эрле спала и даже испугалась, когда Тюлинька стала её будить.

– Вы уже все пришли? – спросила она.

Нет-нет, – сказала Тюлинька. – До гостей ещё час. Я только хотела отдать тебе сейчас подарок. Мне очень хочется, чтобы ты его сегодня надела.

Затем Тюлинька рассказала, к каким хитростям им пришлось прибегнуть, чтобы унести с собой старое платье, а то иначе было бы трудно подобрать новое по размеру.

– А я-то сердилась на Гюро! – сказала Эрле. – Ничего-то у меня не получается, я не умею быть ни хорошей матерью, ни хорошим дворником, а сегодня вон и ужин за меня готовит Бьёрн.

– Перестань! – сказала Тюлинька. – Что бы мы все делали без тебя – и Гюро, и Андерсен, и я? Всё было бы не так, как надо. Иди-ка лучше в ванную и оденься к празднику. До прихода гостей остался почти час, так что ты всё сможешь сделать без спешки.

Эрле сделала так, как она сказала, а когда вышла из ванной в нарядном зелёном платье, Бьёрн и Гюро так и замерли, глядя на неё во все глаза.

– Вот это красота! – сказал Бьёрн. – Ничего не скажешь, на тебе оно очень хорошо смотрится.

А Гюро сказала:

– Правильно говорила Тюлинька, ты в нём совсем летняя.

– Вы тут так потрудились, а я ничего не делала, – сказала Эрле.

– Садись, пожалуйста, – сказал Бьёрн, – тебе ничего не надо делать.

– Теперь, Гюро, я узнала, что было со старым платьем, – сказала Эрле. – Прости меня, пожалуйста!

Эрле чуть было опять не заплакала, но тут пришли Тюлинька и Андерсен, и, значит, начался праздник.

Они сели за стол, потом стали водить хоровод вокруг ёлки, потому что, как сказала Тюлинька, их собралось столько народу. Она знала все рождественские песни, и Андерсен тоже подпевал, как умел, пели Эрле и Бьёрн, и Гюро тоже пела, когда знала слова, а где не знала, там

пела «ля-ля-ля»...

– Подумать только! Вот я и не сижу одна в пансионате! – сказала Тюлинька.

А Гюро подумала: «И мы с мамой не скучаем одни, тоскуя по папе. Кажется, как будто папа тоже с нами и радуется, что мы не грустим».

Андерсен сказал:

– Я чувствую себя так, будто попал в родную семью, словно я сам – отец, Эрле и Бьёрн мои дети, а Гюро – внучка.

– Он очень хочет, чтобы его называли «дедушка Андерсен», – сказала Тюлинька. – Ну что, начнём открывать подарки?

– Свой я уже открыла раньше времени, – сказала Эрле. – Большое тебе спасибо, Тюлинька, за это прекрасное платье!

– Для тебя там ещё лежат подарки, – сказала Гюро и отдала ей тот, что приготовила сама.

Мама обрадовалась книжке и сказала:

– Это мне будет удовольствие на все рождественские праздники. Спасибо тебе, Гюро!

Андерсен обрадовался новой колоде карт, а Тюлинька – блокноту. Все получили ещё много сюрпризов друг от друга. А под конец Тюлинька принесла большой пакет, который был припрятан в передней:

– А ну-ка, Эрле, прочитай, что на нём написано!

– «Для Гюро от дедушки Андерсена, водяного и Тюлиньки», – прочла Эрле. – И что бы это могло быть?

Гюро развернула подарок.

Там была маленькая скрипочка, как раз ей по росту, а рядом лежал конверт с деньгами внутри, и на нём было написано: «Это для почина, чтобы Гюро начала учиться играть на скрипке».

Эрле опять заплакала, а Тюлинька успокоила Гюро:

– Не беспокойся, Гюро. Мама просто переутомилась. Сейчас будут выходные, и она отдохнёт. Обещаешь, Эрле, что не будешь работать в праздники?

– Непременно, – сказала Эрле. – Я уже сказала Гюро, что мы с ней постараемся съездить на денёк в Гампетреф. Гюро уже приготовила небольшой венок, чтобы положить на могилу папе.

– С этим всё устроится, – сказал Бьёрн. – Вы можете поехать с нами. Мы с Лилле-Бьёрном собираемся в Кюлпен, а по дороге завезём вас в Гампетреф. Вы остановитесь там у тётушки Заботы, а мы с Лилле-Бьёрном поедem дальше в хижину.

– Замечательное предложение! – сказала Тюлинька. – Надеюсь только, что у тётушки Заботы нет телефона.

– Телефон есть, ей недавно поставили, – сказал Бьёрн. – Но здесь-то никто не будет знать, что Эрле у неё. А сейчас я принесу кофе.

Они ещё посидели за праздничным столом, и всем было хорошо, никто не чувствовал себя одиноким, только Эрле что-то задумалась.

– Неизвестно, дома ли тётушка Забота, – сказала она. – Хотя ничего страшного: если что, сядем на поезд и вернёмся домой.

– Дома она и уже ждёт вашего приезда, – сказал Бьёрн и объяснил: – Я поговорил с ней по телефону сегодня утром.

Вид у него был очень довольный.

Возвращение в прошлое

В первый день Рождества Эрле долго не вставала с постели, очень уж она утомилась от работы. Гюро встала сама, погуляла с санками, вернулась домой и стала разглядывать новую скрипку, которую ей подарили дедушка Андерсен, Тюлинька и водяной. Её было так удобно держать в руке! Несколько раз она провела смычком по струнам, и это было уже не так похоже на кошачье мяуканье. Гюро ещё не умела играть, а пока что только знакомилась со скрипкой.

Наконец Эрле тоже встала, но весь день они спокойно отдыхали. На следующий день Эрле опять поспала подольше. Когда она вволю ото-спалась, они с Гюро принялись укладывать вещи в дорогу. Они собрали тёплую одежду, а затем Эрле сходила в подвал и принесла лыжи, свои и дочкины. Ведь они едут в Гампетреф и там, наверное, можно пока-таться на лыжах.

Гюро взяла с собой Вальдемара и Кристину, а скрипку оставила дома, чтобы скрипке не повредила дальняя поездка.

И вот Гюро стоит у окна и ждёт, когда подъедет Бьёрн. Она была уже одета для выхода, закутана во всё тёплое, и ей было жарко в комнате, но Эрле не разрешила ей ждать на улице, чтобы у неё не озябли ноги перед долгой дорогой.

– Вот он, едет! – крикнула Гюро. – Мама, Бьёрн уже едет!

– Слышу, слышу, – сказала Эрле.

Она взяла Гюро за руку. Они заперли за собой дверь и вышли из дома. Лыжи уже стояли на улице. При себе у них были только рюкзаки. Лыжи закрепили сверху на машине, где уже лежали две другие пары. Бьёрн и Лилле-Бьёрн, как видно, тоже собирались покататься на лыжах. Рюк-

заки положили сзади в багажное отделение, где должны были ехать Гюро и Лилле-Бьёрн. Теперь там лежал небольшой матрас и две подушки, получилась как будто крошечная хижина.

– Здравствуй, Лилле-Бьёрн! – сказала Эрле. – Вот тебе небольшой подарок из-под ёлки. Я подумала, что ты не обидишься, что получил его только сегодня. Вот, пожалуйста!

Лилле-Бьёрн взял подарок. Это была настольная игра. Эрле сказала, что Бьёрн и Лилле-Бьёрн могут поиграть в неё, когда будут в хижине.

– Спасибо! – сказал Лилле-Бьёрн.

Бьёрн подхватил Гюро и усадил её рядом с Лилле-Бьёрном. Эрле села в кабину, и они поехали. В Тириллтопене было так тихо, как будто всё замерло. Наверное, все люди решили отдохнуть и отдохнуть, набегавшись перед Рождеством. Эрле и Бьёрн о чём-то беседовали, а Гюро и Лилле-Бьёрн почти не разговаривали, а только смотрели в окошко на задней двери. Обоим было интересно смотреть, как они едут, словно наперегонки с городом, и, обогнав, оставляют его позади.

– А тут уже меньше домов, – сказала Гюро.

– Да. Но иногда попадаются, – сказал Лилле-Бьёрн.

– И машин мало, – сказала Гюро.

– Да. Но немного есть, – сказал Лилле-Бьёрн.

– А теперь вообще нету домов, одни деревья и деревья, – сказала Гюро.

– А вот же дом, – сказал Лилле-Бьёрн.

Потом они долго ничего не говорили, а только глядели и глядели, потом начали играть в рифмы, и Гюро сказала:

– Эх, дорога моя.

– Снег и зима, – сказал Лилле-Бьёрн.

– Ты и я, – сказала Гюро.

– Мы друзья, – сказал Лилле-Бьёрн.

Дальше ничего не придумалось, и они начали играть с машинкой, которая была у Лилле-Бьёрна с собой.

– Вы тоже едете? – спросил Лилле-Бьёрн.

– Ага, – сказала Гюро.

– И ты, Гюро, тоже? – спросил Лилле-Бьёрн.

– Ага, – сказала Гюро. – И мама тоже.

– Хорошо, – сказал Бьёрн. – По-моему, она рада, что поехала отдыхать. Они спокойно ехали по дороге много часов.

– Вот Кюлпен, – сказал Лилле-Бьёрн. – Потом я сюда.

– Да, – кивнула Гюро.

Она почти что пожалела, что не поедет туда, куда и Лилле-Бьёрн. Ведь она уже побывала там летом и ей очень понравилось жить с мамой и Тюлинькой в хижине Бьёрна, но сейчас ей надо было в Гампетреф. До Гампетрефа было ещё далеко. И она была даже рада, что до него ещё ехать и ехать. Эрле, кажется, подумала то же, что Гюро, потому что вдруг сказала:

– Странное чувство, что я вновь увижу эти места.

– Думаю, вам там будет хорошо, – сказал Бьёрн. – Иногда полезно увидеть своими глазами то, о чём ты всё время вспоминал. Смотри, Гюро, мы проезжаем через Бесбю. Тут живёт бабушка Сократа.

– Здесь ещё живут Малыш и Щепкин, – сказал Лилле-Бьёрн.

– Я тут была один раз и видела их.

– Как-нибудь при случае мы их ещё навестим, – сказал Бьёрн, сворачивая на другую дорогу.

По ней они тоже ехали довольно долго и по пути разъехались со встречным автобусом из Гампетрефа. Гюро он был хорошо знаком, и она даже обрадовалась.

Ехать осталось уже недалеко. Вот церковь, а вот и магазин, а от него шла неширокая дорога вверх, она вела к дому тётушки Заботы. Бьёрн не мог подъехать наверх к самому дому, потому что дорога была непроезжая. Поэтому он оставил машину на обочине шоссе и снял с крыши лыжи. Эрле и Гюро надели свои рюкзаки, а Лилле-Бьёрн взял в руку какой-то пакет. Нагрузившись, все стали подниматься по дорожке. Было тихо, и сыпал мелкий снежок, деревья замерли, словно довольные, что он их одевает. Ветки были окутаны тонкой белой пеленой, сверху на них выросли белые шапки.

И вот впереди показался домик тётушки Заботы, светло-зелёный с белыми каёмками. В окошках горел свет. Снег с крыльца был сметён, от дома к сараю вела расчищенная тропинка, а по обе стороны двери стояло по снопу.

Лилле-Бьёрн обогнал остальных и побежал впереди. Он считал тётушку Заботу своею, потому что одно время долго жил у неё, пока папа и мама были в плавании, чтобы заработать денег на дом.

Дверь отворилась, и на глазах у Гюро Лилле-Бьёрн почти целиком скрылся, утонув в объятиях тётушки Заботы. Тётушка была пухленькая, и когда она прижала к себе Лилле-Бьёрна, его стало почти не видно, но затем он опять вынырнул и передал ей пакет с подарком, прежде чем остальные успели подойти. Гюро не посмела подбежать и обнять тётушку. Она послушно подошла вместе с мамой и, как полагается, поздоровалась за руку.

— Ну как славно! — сказала тётушка Забота. — Я часто вспоминала вас и очень рада, что вы приехали.

– Ты уверена, что можешь нас принять? – спросила Эрле.

– И не сомневайся! – ответила тётушка Забота. – Я бы хотела, чтобы вы все у меня остались, но слышала, что Бьёрны собираются пожить в хижине. Но уж пообедать у меня вы должны все.

К обеду она наготовила котлет, и было очень вкусно. Тётушка Забота была настоящая мастерица стряпать. После обеда достали новую игру, которую Эрле подарила Лилле-Бьёрну, и сыграли все вместе. Никто не скучал, но, посидев часа два, Бьёрн сказал:

– Пожалуй, нам с Лилле-Бьёрном пора в дорогу, нам ещё надо перед сном протопить на ночь печку.

– Неужели вы не можете остаться? – сказала тётушка Забота. – Разложили бы у меня в гостиной спальные мешки на полу, а завтра с утра можно и в дорогу.

– Ну что? Останемся? – спросил Бьёрн у сына.

Видно было, как нравится Лилле-Бьёрну, что папа спрашивает его, как большого, и он сказал:

– Да. А весь вечер будем играть.

– Как же вы меня порадовали! – сказала тётушка Забота. – То-то мы наиграемся и навеселимся!

Так и случилось. И хотя Эрле ещё недавно едва держалась на ногах от усталости и её ничего не веселило, сейчас она начала оживать.

Наутро Бьёрны уехали, а на прощание Бьёрн поручил Гюро беречь маму и следить, чтобы та побольше отдыхала и побольше гуляла. Гюро обещала, что выполнит всё, как он сказал.

– Сегодня мы сходим на кладбище, – сказала Эрле, когда Бьёрны ушли. – Мне кажется, это нужно сделать в первую очередь.

Гюро достала из рюкзака веночек из куропаточьей травы, и они направились к церкви.

В церкви не было ни души, и на кладбище тоже никого, но видно было, что перед Рождеством многие люди там побывали, потому что почти на всех могилах лежали цветы и венки. Они подошли к папиной могиле, и Гюро положила на неё свой веночек. Мама принесла с собой и зажгла на могиле большую свечу.

– Как будто папа узнал Тюлиньку, и Андерсена, и Бьёрна, и Лилле-Бьёрна.

– Да, – сказала мама. – И теперь радуется за нас, что мы не одни на свете.

– Здесь папы нет, – сказала Гюро. – На самом деле он как будто всегда с нами.

– Да, – сказала мама. – Но теперь он знает, что мы хотели передать ему привет, и я рада, что ты захотела сюда приехать.

Огонёк свечи светился так красиво! И вот Эрле и Гюро, взявшись за руки, вышли с кладбища и отправились назад по проезжей дороге. Но они не пошли к дому, где жили раньше.

– Сходим, – пообещала мама, – но не в первый же день.

На другой день Эрле чувствовала себя неважно. Ей никуда не хотелось – хотелось только отдохнуть, полежать с книжкой, которую подарили Гюро и Тюлинька. И тётушка Забота сказала:

– Вот и лежи. Мне надо пойти отнести пирожные, которые я испекла для одной семьи по соседству. Если хотите, я возьму с собой Гюро, а ты пока отдохни.

– Пусть идёт, – сказала Эрле. – Мне тут так хорошо, только усталость одолевает.

– Ничего, у тебя же выходные! – сказала тётушка Забота.

Она сложила пирожные в большую коробку, а коробку положила в рюкзак. Гюро тоже взяла рюкзачок, в нём у неё были Вальдемар и Кристина. Они тоже решили, что лучше погулять с Гюро, чем сидеть дома и дожидаться её возвращения.

– Я ничего не сказала твоей маме, но дом, куда мы идём, тот самый, где ты раньше жила. Теперь там живёт молодая семья, и хозяйке вдруг очень захотелось трубочек. Сегодня у них будут гости, а у неё не было формочек, чтобы испечь такие пирожные, вот я и предложила свою помощь.

– Ой, я не хочу туда заходить, – сказала Гюро.

– И не надо. Подождёшь меня на дворе, – сказала тётушка Забота. – Между прочим, там есть двое детей, и зовут их точно так же, как твоих кукол.

– Я знаю, – сказала Гюро. – Я как раз потому так их и назвала, что играла, как будто мы там живём. Но теперь я больше в эту игру не играю. Теперь мы живём в Тириллтопене, и на Рождество у нас было очень хорошо.

– Вот и хорошо, – сказала тётушка Забота.

Дом стоял возле дороги. Дойдя до него, тётушка сказала:

– Похоже, у них уже собрались гости. Вон стоит машина под брезентом. Я только зайду, Гюро, и сразу вернусь.

Гюро ничего не сказала. При виде дома у неё появилось странное чувство. Ведь она так часто его вспоминала. И вот он стоит перед ней, как будто так и надо. Перед домом играли дети. Должно быть, это Вальдемар и Кристина, но с ними был ещё один мальчик постарше. Гюро не знала, что тут трое детей. Она невольно подошла поближе, чтобы получше его рассмотреть. Старший мальчик вдруг побежал, а малыши – за ним. Они бежали к Гюро. Гюро хотела было пригнуться, чтобы её не увидели, спрятаться за сугробом, но сразу передумала, потому что мальчик, который к ней бежал, был Сократ. Увидев Гюро, Сократ от неожиданности так и замер с разбегу.

– Гюро! – воскликнул он. – Аврора, папа, мама! Гюро приехала!

Он был рядом с Гюро, но кинулся со всех ног в дом, сразу же выскочил, а за ним вышли Эдвард, Мари и Аврора.

– Гюро! Это правда ты?

– Да, – сказала Гюро. – Мы живём у тётушки Заботы.

– Гюро раньше жила в этом доме, – сказала тётушка Забота. – Поэтому ей тут немного не по себе, она не хотела заходить.

– Вот оно что! – сказал Эдвард. – Но, может быть, сейчас, когда в доме знакомые люди, это как раз ничего.

Сократ не стал ничего спрашивать, а просто с криком «Дядя Бранде! Гюро пришла!» потащил Гюро за собой. И Гюро поняла, что Сократ ему о ней рассказывал. У дяди Бранде была большая борода во всё лицо. Он вышел, подхватил Гюро, подкинул её высоко и сказал:

– Как здорово, что мы наконец-то с тобой познакомились! Это правда, что у тебя есть куклы, которых зовут Вальдемар и Кристина?

– Да, – сказала Гюро. – Они у меня тут, в рюкзаке.

– Мы будем есть трубочки, – сказал Сократ. – Тётя Аннет так обещала, а потом мы уезжаем, потому что бабушка и Лужица сварили для нас дома обед.

– Да, Сократ сегодня заехал к нам только ненадолго, – сказал дядя Бранде. – А Вальдемар и Кристина каждый день тут, и мы будем рады, если ты будешь приходить к ним поиграть.

– Угу, – сказала Гюро.

Дом был не тот. И заходить в него было уже не страшно, потому что тот дом, в котором она жила с мамой и папой, остался только у неё в голове, а этот был другой дом, в котором живут другие люди. Но возле дома росла высокая-превысокая старая сосна, и она осталась такой, как была. Гюро зашла в дом, её угостили пирожными, она поиграла с Вальдемаром, Кристиной и Сократом. Пока дети играли, тётушка Забота ушла на кухню помогать хозяйке.

Потом они побрели домой. И вот что странно: Гюро больше не грустила, вспоминая о доме. Хорошо, что она в нём побывала, потому что теперь уже ей не было страшно от одной мысли туда пойти, потому что Гюро, и мама, и папа там уже не жили, их дом был теперь в Тириллтопене.

Приятель Андерсена

Эрле с каждым днём чувствовала себя всё лучше, и они с Гюро старались как можно больше времени проводить на воздухе. Один раз они навестили старого столяра, который так многому научил Эрле. Того, который помог папе вырезать для Гюро лошадку. В другой раз они с мамой отправились как следует знакомиться с детьми, которых звали Вальдемар и Кристина. Они были двойняшки, и Гюро очень понравилось с ними играть. Когда они с Эрле подошли к дому, оттуда кто-то постучал в окошко. Это был человек, которого Сократ называл дядей Бранде.

– Привет! – сказал он. – Это вас зовут Эрле? Эдвард о вас так много рассказывал, и я рад наконец с вами познакомиться. Вы зайдёте? Или вам тяжело заходить в дом, где вы прежде жили?

– Кажется, Гюро уже пробовала это до меня, – сказала Эрле. – Так что теперь и мне не страшно.

Они посидели, поговорили, и дядя Бранде сказал:

– Нам так хорошо живётся в этом доме, и нам приятно думать, что до нас здесь жили вы. Мы уже немножко знаем и о тех, кто жил тут до вас. Нам кажется, что дома что-то говорят о тех людях, которые в них жили, а у этого дома добрый характер, это мы точно чувствуем.

– Мы несколько лет прожили тут очень счастливо, – сказала Эрле.

– Да, – сказала Гюро. – Потому что тут был папа, и я быстро-быстро бегала, и...

– Да, – кивнула Эрле. – Гюро тут жилось хорошо, но, когда умер её папа, тут стало как-то тихо и вообще всё не так, да и денег у нас уже не хватало, чтобы платить за дом. Но я рада, что это вы поселились в нём.

Когда мама и Гюро возвращались оттуда к тётушке Заботе, мама была спокойная и весёлая, как будто справилась с чем-то, чего раньше боялась. И вид у неё был уже совсем не усталый. Щёки порозовели, потому что каждый день она гуляла на воздухе. В оставшиеся дни мама одна уходила в долгие лыжные прогулки, а Гюро оставалась с Вальдемаром и Кристиной или с тётушкой Заботой.

В день отъезда Эрле сказала:

– Я никогда не забуду эти дни. Спасибо, тётушка Забота, за то, что вы дали мне так замечательно отдохнуть.

А тётушка Забота на это ответила:

– И ты теперь знаешь, что всегда можешь приехать ещё, как только у тебя выпадет несколько дней для отдыха.

– А вы не можете тоже к нам приехать? – спросила Гюро. – У нас места хватит.

– Может, и приеду, – сказала тётушка Забота. – Бьёрн говорил как-то, что заедет за мной. Но больно уж трудно выбраться: здесь очень многим требуется моя помощь. Но когда-нибудь, наверное, приеду.

Она проводила их до самой дороги, а Бьёрн приехал в точности как обещал.

Они поехали домой, и на этот раз Лилле-Бьёрн и Гюро не промолчали, как тогда, почти всю дорогу. Оба говорили без умолку, потому что за каникулы у каждого набралось множество приключений. Подъезжая к Тириллтопену, Бьёрн сказал:

– Можешь не прощаться с Лилле-Бьёрном, Гюро, он пробудет у меня несколько дней, так что вы ещё увидите.

Вернувшись домой, Гюро и Эрле сначала словно заново познакомились со своей квартирой, ведь они приехали после долгого отсутствия, а между тем она уже стала для них родным домом. Тут их встретили все их

любимые и родные вещи. Тут были обе скрипки, папина большая и маленькая, которую Гюро получила в подарок на Рождество, тут стояли их кровати, всё было своё и привычное.

– Хорошо съездить куда-нибудь далеко, – сказала Эрле, – но ещё лучше возвращаться домой. Пожалуй, схожу-ка я в котельную, посмотрю, всё ли там в порядке. А ты не хочешь, пока меня нет, сбежать к Тюлиньке?

– Хочу, хочу! – обрадовалась Гюро, потому что у неё сейчас набралось много всяких рассказов.

Поднявшись на одиннадцатый этаж корпуса «Ю», Гюро позвонила в квартиру Тюлиньки, но дверь открыла незнакомая тётя.

– А что, Тюлиньки нет дома? – удивилась Гюро.

– Ах, ты, наверное, пришла к женщине, которая тут жила раньше, – сказала незнакомая тётя. – Нет, она отсюда съехала. Это было позавчера, а вчера вместо неё въехала я и теперь живу здесь.

Женщина закрыла дверь, оставив Гюро в недоумении. Она бегом сбегала вниз и помчалась к маме в котельную.

– Мама, мама! Тюлинька съехала! Её там больше нет!

– Что ты говоришь! – испугалась мама. – Тюлинька съехала, не сказав нам ни слова? Не может быть! Ты уверена, что позвонила в правильную дверь на правильном этаже?

– Ну да! – сказала Гюро. – Неужели я не знаю, где живёт Тюлинька!

Обе умолкли. И вдруг мама сказала:

– Пойдём-ка к Андерсену! Уж он-то, наверное, знает.

Они поднялись на лифте на тринадцатый этаж своего корпуса и позвонили в дверь.

На пороге их встретил Андерсен. Увидев Гюро и Эрле, он очень обрадовался.

– Я уж вас жду не дождусь. Всё думал, приедете ли вы сегодня, – сказал он. – Хоть вы и говорили, когда ждать вашего возвращения, но лучше один раз увидеть, чем два раза услышать. Прошу вас, заходите!

– Тюлинька пропала, – сказала Гюро. – Она переехала.

– Да-да, – сказал Андерсен. – Заходите, тогда и поговорим.

– Гостиная у вас всё ещё пустая? – спросила Эрле. – Или ваш товарищ приехал?

Приехал, приехал товарищ, – сказал Андерсен. – Заходите и знакомьтесь.

Они вошли в гостиную, которую Эрле и Бьёрн так красиво оклеили розовыми обоями в красный и белый цветочек с зелёными листиками, но комната была уже не пустая, она была обставлена мебелью, и она была...

Она же была точь-в-точь как Тюлинькина комната на тринадцатом этаже корпуса «Ю»! Только тут обои были лучше.

– Что такое? – сказала Эрле. – Это же Тюлинька! Тюлинька, так это ты сюда переехала?

– Да, я, – сказала Тюлинька. – Как хорошо, что вы приехали, потому что завтра мы с Андерсеном венчаемся и нам так хочется, чтобы ты и Бьёрн были нашими свидетелями! Мы так и сказали священнику, так что ничего, что вы приехали только сегодня. Венчание будет в маленькой часовне, и никого, кроме нас, там не будет.

– Мы поняли, что Тюлинька одна не может справиться со всеми делами, – сказал Андерсен. – Она так любит дежурить у вас на телефоне, и прогуливать Индивида, и работать дневной мамой у Гюро и Сократа. Столько дел на одного человека – больше чем достаточно, так что домашние дела и готовку еды я беру на себя.

– Я тоже буду в этом участвовать, но ты будешь в этом за главного, – сказала Тюлинька.

– Вы же видите, если бы я не начал заботиться о Тюлиньке, она бы одна не выдержала. А чем она все эти месяцы питалась, это вообще никакими словами не описать! Потому что Тюлинька всё умеет, за исключением готовки и всякого там мытья.

– Зато Андерсен на это большой умелец, – с гордостью сказала Тюлинька.

– И у каждого из вас есть своя комната, – сказала Эрле.

– Да, так уж мы привыкли, – сказала Тюлинька. – У нас всю жизнь была своя отдельная комната с нашими вещами. Андерсен любит иногда побыть один, поэтому даже хорошо, что я днём ухожу на работу, а он без меня может спокойно вырезать парусники, раскладывать пасьянсы и курить трубку так, как для него привычно. Не будет же он целый день заниматься уборкой, да и я буду ему помогать. А представляете себе, как мне будет приятно, что дома меня встречает готовый обед!

И вечера мы будем проводить вместе, и я не буду больше тосковать в одиночестве.

– Ну а маленькая комната? – спросила Эрле. – С диваном и корзинкой для собаки?

– А это на случай, если мне придётся присмотреть за чьим-то ребёнком, – сказала Тюлинька. – Тут очень многие просят, не могла бы я посидеть с их детьми. И я скажу, что пускай тогда лучше оставляют ребёнка у меня, чтобы мне никуда не уходить вечером. Мне лучше дома. Тогда достаточно дать ребёнку с собой в чём спать, и пускай он остаётся тут на ночь. Может быть, иногда это будет Гюро, или Сократ, или малыш Ларс.

– А корзинка для собаки? – спросила Гюро, хотя уже всё поняла.

– Это если Индивид останется один, – сказала Тюлинька. – Так ему не придётся дожидаться в прихожей, когда мамочка и папочка придут домой.

– Как же это хорошо, – сказала Эрле. – Как прекрасно, что ты не уехала!

– Нет, никуда она не уехала, – сказал Андерсен. – А завтра вы приглашены на свадьбу. Мы пойдём в маленькую часовенку. Это в четыре часа. А потом у нас будет свадебный обед в лесном доме. Так решила Тюлинька. Она очень подружилась с бабушкой, которая там живёт. Свадьба будет с музыкой, а праздновать будем в кухне, там просторнее всего. На свадьбе всё будет по-простому, но в церковь мы пойдём в торжественном наряде, я буду в тёмном костюме – всё как полагается. Тюлинька купила к свадьбе платье, но мне ещё не показывала.

– И не покажу, – сказала Тюлинька. – А завтра вообще не увидишь меня до свадьбы. Поэтому я хотела сегодня попроситься переночевать к Эрле и Гюро.

– Ну конечно, – сказала Эрле. – А Бьёрну вы уже рассказали?

– Я сказал, что прошу его об услуге, которая займёт несколько часов до позднего вечера, – сказал Андерсен. – Что он будет свидетелем на свадьбе, он ещё не знает, но скоро об этом услышит. Я сейчас иду к нему. И конечно же мы позовём и Лилле-Бьёрна.

– Ах, Тюлинька, – сказала Эрле, – благодаря тому что ты мне подарила нарядное платье, мне теперь не придётся ломать голову, в чём пойти на твою свадьбу.

– Это всё пустяки, – сказала Тюлинька. – По поводу свадьбы вообще нечего волноваться. Мы просто соберёмся в дружеском кругу. Представляешь себе, Лиллен считает, что я делаю глупость, выходя замуж. Она такого наговорила, что мне сделалось нехорошо на душе. Она говорит: «Что это ты вздумала в твоём-то возрасте! Не смейся людей!» Но я просто не обращаю внимания. Как вы с Гюро считаете, правильно я поступаю, что не обращаю внимания? Разве люди, которые могут надо мной посмеяться, стали бы плакать от жалости, глядя, как я в сочельник сижу одна, никому не нужная? Какое там! Им бы это было совершенно всё равно. А вот когда я собралась выйти замуж за самого доброго человека на свете, чтобы по-человечески доживать последние годы, тут всем вдруг до меня есть дело! Да ну их! Не будем обращать внимания! А теперь я пойду к вам. Я сложила в чемодан свадебное платье, и ночную рубашку, и всё прочее.

Тут очень кстати оказалось, что у Эрле в спальне большая кровать и в придачу к ней маленький диван-кровать. Тюлиньку уложили на большой кровати, а Гюро легла на диванчике, как раньше в пансионате.

– А Лиллен завтра тоже придёт? – спросила Гюро.

– Да, конечно, – сказала Тюлинька. – Как же ей не прийти. Хоть она и говорит глупости, я её всё равно люблю. И Сократ тоже придёт. К счастью, он уже вернулся. И его папа пойдёт с нами в церковь. Вы с Сократом пойдёте впереди, и каждый может нести в руке букетик цветов, а Лилле-Бьёрна мы не будем ставить вперёд, он немножко застенчивый.

Гюро немного волновалась, она раньше никогда не бывала на свадьбе, но всё прошло хорошо.

Утром они не торопились, а потом начали одеваться. Тюлинька надела белое платье с кружевами, и Гюро, увидев его, сказала, что Тюлинька в нём совсем как фея из сказки. Гюро надела своё выходное платье. Пришёл Сократ, он был в брюках и в белой рубашке с галстуком-бабочкой, он тоже нарядился для торжества.

Когда они пришли в часовенку, Андерсен и Бьёрн были уже там. Они ждали, сидя впереди у алтаря. Часовня была маленькая, но оказалось, что в ней был большой орган, потому что когда он заиграл, то вся церковь наполнилась его звуками. Гюро и Сократ пошли вперёд, за ними – Тюлинька и Эдвард.

Тот, кто бывал на венчании, знает, что священник сначала спрашивает жениха и невесту, хотят ли они жениться, а те отвечают «да». Тюлинька и Андерсен оба сказали «да» и стали мужем и женой. Затем они на такси поехали в лесной дом, а перед домом их уже ожидал оркестр.

– Он называется «Вуди-вуди бэнд Уле-Александра», – сказала Тюлинька. – Они играют музыку в стиле дикси. Давайте постоим и послушаем.

Все остановились, но музыка была такая весёлая, что устоять на месте было невозможно. Гюро и Сократ запрыгали, а Лилле-Бьёрн отбивал такт, хлопая себя по бокам. Андерсен напевал себе под нос, он сказал:

– Я не раз слышал такую, когда ещё плавал и бывал в Штатах.

Когда музыка кончилась, все захлопали, а хозяин дома, папа восьмерых детей, которые в нём жили, сказал:

– А теперь милости просим всех в дом!

На кухне бабушка у плиты мешала ложкой в большой кастрюле, там варился лапскаус¹.

– За скатертью сходите на второй этаж, – сказала она. – Мортен знает, где они хранятся.

Большой обеденный стол в кухне стал вдвое длиннее обычного, потому что рядом поставили козлы и положили на них широкие доски. Места стало предостаточно, а лапскауса было вдоволь для всех: вчера вся семья целый день чистила картошку, морковку и лук и нарезала на мелкие кусочки мясо. Мама Нюсси напекла пирожных к кофе. Но сначала полагались поздравительные речи, а Эрле была свидетельницей на свадьбе, и ей надо было сказать хорошие слова невесте, для неё в этом не было ничего трудного. Она сказала, что сперва Тюлиньке требовалась помощь при переезде из пансионата в Тириллтопен и они с Гюро немножко ей помогли, а потом Тюлинька стала им большой помощницей, помогла познакомиться с городом и с Тириллтопеном, и, если бы не Тюлинька, они никогда не познакомились бы с обитателями лесного дома.

Бьёрн обратился с речью к Андерсену и сказал, что очень рад этому знакомству и что, когда Андерсен разрешил называть себя дедушкой, это было просто замечательно, потому что так у Гюро, и Авроры, и Сократа,

¹ Норвежское национальное блюдо из мяса, картошки и овощей.

и Лилле-Бьёрна появился дедушка, а «если восемь детей из этого дома тоже захотят время от времени побыть его внучатами, то, пожалуйста, мы разрешаем».

Когда все поели, то произошла совсем удивительная вещь. Весь стол вынесли из кухни и выставили на двор, и пол в кухне освободился. Вдоль стен стояли скамейки и стулья, и там можно было посидеть. Затем пришёл человек с аккордеоном, и папа восьми ребятишек сказал:

— А теперь вальс невесты. И раз Андерсен был раньше моряком, то я заказал первым номером моряцкий вальс.

Андерсен с поклоном пригласил Тюлиньку на танец. Они танцевали только вдвоём, все остальные стояли кругом и хлопали в такт музыке. Дальше объявили мазурку. Сначала танцевало много народу. Хозяин дома танцевал на пару с хозяйкой, а Мортен с бабушкой. Оказывается, Мортен умел танцевать мазурку. Наверное, это бабушка его научила. Гюро и Сократ скакали по-своему, как умели, и ещё многие тоже танцевали, но под конец бабушка сказала:

– По обычаю, те, кто лучше всех танцует, заканчивают танец в одиночку.

Гюро огляделась вокруг. Все разошлись в стороны и сели на скамейки, а на середине остались только Эрле и Бьёрн. Они танцевали и танцевали круг за кругом. Гюро смотрела на маму, как и все остальные, и не узнавала ту Эрле, которая ходила в комбинезоне и работала дворником. Это была молодая девушка в зелёном платье. Она кружилась по кухне, а казалось, что она порхает по воздуху, и Бьёрн вёл её уверенно и надёжно оберегал от столкновения с кухонной плитой и скамейками, а все вокруг им хлопали. Аккордеонист всё играл и играл; как видно, ему самому нравилось на них смотреть. Наконец танец закончился, Эрле и Бьёрн остановились немного запыхавшиеся. Но вид у Эрле не был усталый или несчастный. Щёки у неё покраснелись, и она даже не присела отдохнуть перед следующим танцем.

– Весело танцевать мазурку и рейнлендер, – сказала бабушка. – Мы вот попросту пляшем прямо на кухне.

Потом пили кофе и снова танцевали, немножко поиграли, но вдруг на дворе зазвенели бубенцы.

– Ой, что это мне послышалось! – воскликнула Тюлинька. – Прямо как в детстве!

– Да, – сказал папа восьми ребят. – Это наш сосед Ларс, он держит коня. Усадьба Ларса неподалёку в лесу, и сейчас он повезёт жениха и невесту домой.

Тюлинька и Андерсен оделись, и тут вдруг их окружили все восемь ребятшек, и у каждого были полные горсти риса. Гюро и Лиллен тоже дали по горсти. Лиллен кинула в новобрачных горсть риса и прокричала «ура». Наверное, она уже не считала, что Тюлинька, выходя замуж, сделала глупость.

Гости ещё немного задержались, но потом все решили, что пора по домам. У них не было коня с бубенчиками, но зато кругом был густой лес и над головой усыпанное звёздами небо. В лесу было довольно темно, но совершенно не страшно, потому что рядом было столько народу.

Выйдя на шоссе перед Тириллтопенем, они помахали и остановили такси. Такси было для Лиллен, потому что она жила в городе и ей было далеко ехать. Эдвард и его семья дошли до корпуса «Ц» пешком и на лифте поднялись на девятый этаж, Бьёрн и Лилле-Бьёрн пошли в корпус «Ю», а Гюро и Эрле – к себе домой.

Гюро сразу заснула, как только легла, а Эрле после такого радостного дня не могла сразу лечь спать, она ещё посидела и подумала обо всём, что сегодня было.

Потом она повесила зелёное платье в шкаф и вынула рабочий комбинезон, чтобы надеть его утром. Он тоже был красивый – постиранный и поглаженный – и сиял такой же яркой голубизной, как комната Андерсена.

ГЮРО и СКРИПКА

Галон и скрипач-спиллеман

Гюро – это маленькая девочка, которая жила в Тириллтопене, в большом и высоком доме. Её дом назывался корпус «Ц». Маму девочки звали Эрле, и она работала дворником. У них с Гюро была квартира на первом этаже, и они там жили вдвоём.

Раньше, когда ещё был жив папа, они все жили в домике у дороги в посёлке под названием Гампетреф, но, когда папа умер, им пришлось продать этот дом и переехать в большой город. С тех пор прошло уже довольно много времени. Гюро привыкла к Тириллтопену и уже не чувствовала себя здесь чужой. Теперь они с мамой были не так одиноки, как сначала, потому что у них появились хорошие друзья.

Больше всего Гюро подружилась с Сократом. Сократ жил в том же доме на девятом этаже. Он каждый день приходил к Гюро, потому что

у них была общая «дневная мама», которая за ними смотрела. Дневную маму звали Тюлинькой. Тюлиньке было почти шестьдесят восемь лет. Раньше она работала на телеграфе, но теперь вышла на пенсию и стала дневной мамой у Гюро и Сократа, а заодно помогала Эрле как секретарь. Жильцы дома то и дело звонили по телефону дворнику, и Тюлинька очень выручала Эрле тем, что записывала их заявки, пока Эрле была на работе. После Рождества Тюлинька вышла замуж за старика Андерсена из пансионата, и теперь они жили вместе на тринадцатом этаже в корпусе «Ц». Гюро знала ещё многих людей из своего дома. Она знала Нюсси и Нюссиных родителей, и большого мальчика, которого звали Кнут, и много кого ещё.

Рядом с корпусом «Ц» был корпус «Ю». В этом доме у Гюро тоже были знакомые. Например, дворник из корпуса «Ю», его звали Бьёрн. Ещё там, на пятом этаже, жил малыш Ларс, а на одиннадцатом – собака, которую звали Индивид. С Индивидом Гюро встречалась почти каждый день, потому что Тюлинька и за ним тоже присматривала как дневная мама. Каждый день она выводила Индивида в двенадцать часов на прогулку. Неподдалёку от их дома был лес. В глубине леса стоял домик. В нём жила семья: папа, мама, восемь детей и их бабушка. Весь Тириллтопен так и называл её бабушкой, и Гюро с Тюлинькой и Индивидом часто навещали ее в лесном доме во время прогулок. Ещё там у них была собачка, которую звали Самоварная Труба, а в хлеву жили корова Роза, Бычок (его так звали, хотя он был уже большой) и пять куриц. Так что если всех сосчитать, то у Гюро набиралось не так уж и мало знакомых.

У Гюро была своя отдельная комната. Там у неё стояла кровать и раскладной диванчик, а ещё – книжная полка. А ещё там жили две куклы – Вальдемар и Кристина.

И знаешь, что ещё было у Гюро? Верно! Две скрипки. Одна – большая, папина, а другая совсем новенькая, маленькая скрипочка. Эту ей подарили на Рождество Тюлинька и дедушка Андерсен. На самом деле он был не её дедушка, но ему так хотелось быть чьим-нибудь дедушкой, что он стал дедушкой для Гюро и Сократа. После Рождества уже прошло несколько недель, и маленькая скрипка лежала в своём футляре, а большая висела на стене, и никто ими почти никогда не пользовался. Изредка Гюро брала

маленькую и проводила смычком по струнам, но тогда раздавались такие странные звуки, что она поскорей прятала скрипку снова в футляр.

Но однажды, когда Тюлинька была у Гюро, она сказала:

– Знаешь, Гюро, я тут всех обзвонила, кого только можно, и вот, кажется, нашла человека, который научит тебя играть на скрипке. Уроки будут стоить не слишком дорого, потому что он сам ещё учится в музыкальной школе, и сейчас ему нужен ученик, чтобы самому поучиться, как надо учить других. Завтра после обеда мы к нему поедем.

Гюро только ойкнула. Она часто думала, как было бы хорошо научиться играть на скрипочке, но сейчас ей стало как-то не по себе. Ведь это значит, что надо ехать и встречаться с каким-то незнакомым человеком, и при одной только мысли об этом ей сразу захотелось никуда не ездить, а лучше остаться дома.

Она только что вернулась со двора, там они с малышом Сократом и малышом Ларсом из корпуса «Ю» катались с горки, им было очень весело. У Сократа и Гюро были саночки, а у Ларса – ледянка. У других ребятшек тоже были ледянки, и один из них сказал: «Ну кому охота возиться с санками! Сказала бы дома, что ты хочешь ледянку».

Но Гюро очень любила свои саночки. Они были красненькие, и на них большими буквами было написано «Гюро». Кататься на санках было здорово – прямо как верхом на лошади, потому что на них ты сидишь высоко, как в седле. Остальные ребята сидели низко, почти на земле, и ледянки под ними тряслись и подсакивали. Но и на ледянках тоже кататься весело. Гюро поменялась с Ларсом и попробовала, каково это лететь с горки на ледянке. Все так увлеклись катанием, что забыли про свой спор: что лучше – санки или ледянки?

– Ну, завтра – это ещё нескоро, – сказала наконец Гюро.

– Ничего, – сказала Тюлинька, – ждать не так уж и долго.

Она-то думала, что девочке не терпится, чтобы поскорей наступило завтра, и сказала ей в утешение, что время пройдет быстрее, чем кажется.

А Гюро имела в виду совсем другое. Она, наоборот, радовалась, что до завтра ещё много времени.

– Надо рассказать маме, – сказала Тюлинька.

– Мама тоже не скоро придёт. Она сегодня прочищает отопительную систему.

– Да что ты! Неужели она делает там всё сама и никто ей не помогает?

– Ага. Она ужасно волновалась, но сказала, что раз надо, так надо.

– Н-да, – сказала Тюлинька. – Слушай, Гюро! Не могла бы ты сбегать по моему поручению? Мне нужно купить литр молока.

– Ну да, – согласилась Гюро. – Конечно, могу.

Гюро могла, хотя покупать молоко было труднее всего: полка с молочными коробками была в самом низу, а загородка перед ней такая высокая, что никак не дотянешься. Надо было, встать на цыпочки, лечь животом на перегородку, чтобы, перегнувшись, достать коробку. Хорошо, что нужно купить только один литр, такая упаковка всё-таки полегче, чем двухлитровая.

Как только за Гюро закрылась дверь, Тюлинька взялась за телефонную трубку. Она позвонила Бьёрну. Ей повезло, он оказался дома, и Тюлинька сказала:

– Слушай, Бьёрн, это, конечно, не моё дело, но только Эрле сегодня прочищает отопительную систему, она там одна, так что я даже не знаю...

– Понял, – сказал Бьёрн. – Сейчас бегу к ней.

Бьёрн помчался со всех ног. Уж он-то знал, как тяжело удерживать механическую щётку, когда прочищаешь трубы и горелки отопительной системы. Он знал, что для этого Эрле должна вскарабкаться на высокий помост и, стоя на нём, держать на весу тяжёлое приспособление с механическими щётками, чтобы засовывать их в протянутые под потолком трубы. Механическую щётку называли чистящим пистолетом, но он выстреливал только щётку-ёрш и работал примерно так же, как пылесос. Бьёрн говорил Эрле, что поможет ей с этой работой, но Эрле, как видно,

решила, что раз уж она взялась работать дворником, то должна справляться со всеми дворницкими обязанностями сама. Когда Бьёрн вошёл, он застал её стоящей на помосте. Кое-как она справлялась с чисткой, но похоже, что совсем выбилась из сил и сейчас сделала передышку.

– Привет! – сказал Бьёрн. – Вон чем ты, оказывается, занимаешься! Я же говорил тебе, что помогу.

– Я должна сама, – сказала Эрле.

Она до того замучилась, что от слабости у неё тряслись коленки, и так запарилась от тяжёлой работы, что по лицу струился пот и оно было в пятнах мазута, так что вид у неё был ещё тот.

– Ну вот ты уже и доказала, что можешь сама, – сказал Бьёрн. – Так что теперь давай буду я.

– С одним условием, – сказала Эрле. – Если ты тоже позволишь мне помогать, когда будешь чистить отопление у себя.

– Договорились! Эту работу всегда лучше делать вдвоём.

Эрле слезла с помоста, и вместо неё туда залез Бьёрн. Вскоре работа была закончена, и они оба вздохнули с облегчением.

– Спасибо, что помог! – сказала Эрле. – Помощь пришлась очень кстати. Уж и не знаю, как тебя за это отблагодарить, ведь деньги ты, наверное, не согласишься принять.

– Лучше и не проси. И я тебе тоже не буду предлагать денег, когда ты придёшь мне на помощь. Зато я подумал попросить тебя о другом одолжении. Сегодня наше землячество устраивает вечер, приедут люди из Кюлпена, из Беккефарета, из Бесбю и Гампетрефа; и я подумал, что ты, может быть, тоже захочешь пойти. Но главное, мне самому бы этого очень хотелось, потому что сегодня там будут разучивать сельскую польку, а без дамы, сама понимаешь, какие уж танцы! Я вспомнил, как замечательно ты танцевала мазурку на свадьбе Тюлиньки и Андерсена, и подумал, что, может быть, ты тоже захочешь повеселиться за компанию. Но если тебе некогда, я не обижусь.

– Ещё как хочу! – обрадовалась Эрле. – Это же так интересно. Только вот как я уйду? Нельзя же оставить Гюро одну на весь вечер.

– Нельзя, – согласился Бьёрн. – Поэтому я подумал, что надо поговорить с Тюлинькой. Дело в том, что туда можно приходить с детьми, начало вечера

отдано ребятишкам, и если Тюлинька с нами пойдёт, то она и Гюро побудут с нами, сколько можно, а потом уедут домой и Гюро переночует у Тюлиньки и Андерсена. У них же одна комната нарочно отведена для того, чтобы можно было, если понадобится, приютить на ночь какого-нибудь ребятёнка.

– Ты уже обо всём подумал заранее, ничего не забыл, – сказала Эрле.

– А как же! Жизнь заставляет пораскинуть мозгами, – пошутил Бьёрн.

Бьёрн проводил Эрле домой и ненадолго зашёл, чтобы поговорить с Гюро и Тюлинькой.

– Мама, ты знаешь, а я должна буду... – начала было Гюро.

– Сегодня должна? – перебила её Эрле.

– Нет, завтра, – сказала Гюро. – Я должна ехать на урок музыки, чтобы научиться играть на моей скрипочке. А учить меня будет мальчик, он сам ещё учится.

– Да, – подтвердила Тюлинька. – По-моему, нам подвернулся удачный случай. Я говорила с ним по телефону, и его голос произвёл на меня приятное впечатление.

– Ну вот! – воскликнула мама. – Тогда вам сегодня, наверное, уже не до развлечений!

– Почему же? – удивилась Тюлинька. – Разве мы, на твой взгляд, выглядим усталыми?

Эрле рассказала, куда предложил пойти Бьёрн, а Бьёрн добавил:

– И вам тоже неплохо будет повеселиться. Там будут играть народную музыку.

– И вот ещё что, – сказала Эрле. – Не могли бы вы с Андерсеном на ночь приютить у себя Гюро? Иначе мне нельзя будет остаться на танцы.

– Ещё бы мы не могли! – воскликнула Тюлинька. – Андерсен только обрадуется, он и так по ней соскучился, потому что слишком редко видит девочку.

– Ты всё ещё зовёшь его Андерсен, – с улыбкой заметил Бьёрн. – Вы же теперь вроде бы женаты.

– Да, так и зову, – сказала Тюлинька. – Ведь уже сколько лет он всегда был для меня Андерсен. Вообще-то его зовут Гюннар, но я никогда его так не называю, зато у меня есть для него другие, особенные имена, но эти я держу в секрете и никому не выдаю.

– Как ты думаешь, может быть, Андерсен тоже хотел бы пойти с нами, посмотреть, как резвятся дети? – спросила Эрле.

– Нет, не думаю, – сказала Тюлинька. – Он говорит, что очень рад, что женился на мне, потому что ему не нужно больше мотаться обратно в город, как тогда, когда он приезжал ко мне в гости. Он купил телевизор и поставил его у себя в голубой комнате и до того увлекается передачами, что только рад немного отдохнуть от меня, потому что я, знаете, иногда не могу утерпеть и не вовремя отрываю его от экрана. Так когда собираться?

– В четверть шестого. Заеду за вами сюда, – сказал Бьёрн. – Мы поедем на моей машине. Уж как-нибудь поместимся.

– Я могу ехать сзади вместе с Гюро, – предложила Эрле. Она подумала, что Тюлиньке будет трудно всю дорогу сидеть скрючившись в тесном кузове.

– Тогда я побежала домой, а не то не успею пообедать вместе с Андерсеном, а потом хорошо бы ненадолго прилечь, – сказала Тюлинька. – У нас сегодня копчёная пикша. Обед у Андерсена уже готов.

– Нам всем надо поторапливаться, чтобы всё успеть, – сказала Эрле. Бьёрн ушёл к себе в корпус «Ю», и Эрле спросила:

– Скажи, Гюро, ты могла бы сегодня приготовить обед, чтобы я успела принять ванну и немножечко отдохнуть?

– Конечно, – ответила Гюро не моргнув глазом. – А что я буду готовить?

– Овсяную кашу. Давай покажу тебе, как её варят. Вот гляди: я налью в кастрюльку много-много воды и всыплю несколько горсточек овсянки. Пускай она кипит на небольшом огне, а ты только иногда помешивай.

Гюро встала у плиты, чтобы смотреть за кашей. Сначала в кастрюльке всё было тихо, потом каша начала закипать. Сперва со дна поднялось несколько пузырьков, потом их становилось всё больше и больше.

– Кипит! – крикнула Гюро маме.

– Поставь переключатель на единицу, – сказала мама, – и пускай она потихонечку бухтит.

После того как мама, приняв ванну, полежала на полу, она посолила кашу, и они с Гюро поели. Кашу они посахарили и сдобрили молоком, и Эрле похвалила, что получилось вкусно. Гюро тоже похвалила кашу, не потому, что сама её варила, а потому, что вообще любила овсянку. Она полюбила овсянку с самого раннего детства, ведь папа говорил, что лошадки

очень любят овёс, и потом, когда папа назвал её жеребёночком, который бежит быстро, как ветер, Гюро поняла, что не даром ей так нравится овсянка.

Через час они уже ехали на машине в город и всё было очень интересно. Ведь мама впервые забралась с Гюро в кузов. Тюлинька ехала с Бьёрном в кабине и всё время повторяла:

– Утешайся, Эрле, тем, что на обратном пути тебе уже не придётся ехать с такими неудобствами. Мы с Гюро вернёмся домой на поезде, мы же уйдём пораньше...

Они вошли в каменное здание и очутились в просторном зале. По залу носились дети, их было много. Пока вечер не начался, и детям разрешили бегать, как им захочется. Смотреть на это было весело. Сначала Гюро только глядела, продолжая держаться с одной стороны за мамину руку, а с другой – за Тюлинькину. Бьёрн отошёл к кому-то поговорить. Потом кто-то окликнул маму. Наверное, знакомая из Гампетрефа. И тут Гюро тоже захотела побегать. Если бы мама или Тюлинька сказали ей, что можно побегать, она бы не стала, а вот если никто не будет уговаривать, тогда, наверное, да...

Эрле и Тюлинька разговаривали с какой-то незнакомой тётенькой, и тут вдруг Гюро отпустила их руки и, немного постояв у них за спиной, внезапно выскочила на середину зала. Она пробежала его из конца в конец, и никто на это ничего не сказал, потому что все дети тоже бежали и никто не обращал внимания, что тут бежит ещё какая-то девочка.

Бьёрн посмотрел, не поворачивая головы, как она бежит, и сказал:

– Посмотрите, только не оборачиваясь, чтобы она не заметила, что вы на неё смотрите. Ты только погляди, Эрле, как резво скачет твой жеребёночек!

– Ну вот и славно! – сказала Эрле.

Гюро так набегалась, что совсем запыхалась. И тут вдруг произошло новое событие – вошли четыре человека, один с контрабасом, другой с гитарой, третий с флейтой, а четвёртый со скрипкой.

Все дети встали в ряд, образовав длинную-длинную цепочку, и начали танцевать то общим хороводом, то разбившись на пары. Гюро молча смотрела, как они танцуют. На танцы было весело смотреть, но сама она не собиралась присоединяться. Хорошо, что никто не стал к ней приставать. Можно было сколько угодно просто стоять и смотреть. Насмотревшись на

детей, она стала глядеть на музыканта, который играл на скрипке. Глядеть на него было интересно, потому что он играл, а сам пританцовывал.

Гюро присматривалась, как он водит смычком и как держит скрипку. Так же делал и папа, но у этого человека получалось ещё ловчее, он играл так быстро, что пальцы будто летали по струнам.

А под самый конец, когда все наплясались и наигрались как следует, какой-то человек выступил вперёд и сказал:

— А теперь на прощание станцуем галоп.

Галоп — это же как у лошадок! Лошадки тоже скачут галопом, только по-человечески галопом надо было скакать не прямо, а боком. Это было очень весело. И вдруг Бьёрн сказал:

— Может быть, составишь мне пару, Гюро? По-моему, галоп — это самое интересное.

Не успела Гюро и глазом моргнуть, как он уже подхватил её и пустился с ней в пляс. Они промчались в галопе из одного конца зала в другой, едва

не сталкиваясь с другими парами, но Бьёрн ловко уворачивался, а затем таким же галопом пронеслись в обратную сторону.

– Спасибо тебе, – поблагодарил Бьёрн. – А то я боялся, вдруг ты не согласишься, и мне не удалось бы станцевать этот замечательный танец.

После галопа были булочки с лимонадом, и это было очень кстати после такой лихой прыготни, а там оказалось, что детям пора по домам.

Тюлинька начала одеваться, и Эрле сказала:

– Ну пока, Гюро. Не скучай! И не забудь взять с собой зубную щётку! Твои вещи я собрала и оставила на диванчике.

По дороге домой Тюлинька сказала:

– Ну как, Гюро, тебе понравилось?

– Угу, – кивнула Гюро. – Больше всего мне понравился галоп и как дяденька играл на скрипке.

– Да, скрипач был настоящий спиллеман¹.

– Когда вырасту, я тоже буду спиллеман.

– Тебе это слово не подходит, спиллеман – это всегда парень, а ты девочка, так что ты будешь называться скрипачкой, – сказала Тюлинька. – Подумай, завтра у тебя твой самый первый урок на скрипке! Разве не здорово?

– Ага, – согласилась Гюро.

Голова у неё была полна музыки, и, кроме того, её вдруг сморила усталость. Скорей бы уж прийти домой к Тюлиньке и дедушке Андерсену, а там спать и спать. Вот когда она хорошенько отоспится, тогда, может быть, наберётся сил для нового приключения, каким обещает быть урок музыки.

Первый урок на скрипке

Урок в музыкальной школе назначен был во вторую смену. И вот Гюро и Тюлинька со скрипкой отправились на станцию. Сначала им надо было доехать на поезде почти до самого города, а там пересесть на другую ветку. В первом поезде им достались хорошие места, потому что среди дня мало кто ехал в город, зато после пересадки они попали в битком

¹ Спиллеман – исполнитель народной норвежской музыки.

набитый вагон. Тюлинька держалась за спинку скамейки, а Гюро – за Тюлиньку, в другой руке она крепко держала скрипку. Вокруг была толпа народу, вагон потряхивало и вместе с ним потряхивало людей.

– Скоро станет полегче, – сказала Тюлинька.

И после нескольких остановок, на которых вышло много людей, на скамейках освободились места, и Тюлинька с Гюро сели. Люди, сидевшие напротив, поглядывали на футляр со скрипкой, а так как футляр держала Гюро, то неудивительно, что они стали спрашивать:

– Неужели ты, такая маленькая, а уже играешь на скрипке?

– Нет, – отвечала Гюро. – Ещё не играю, но буду учиться.

Тюлинька клевала носом, потому что не успела поспать после обеда, сколько привыкла. А Гюро одолевали разные мысли.

По ней этого нельзя было заметить, потому что она рассматривала пассажиров, слушала, о чём они говорят. Одни говорили про то, что у них сегодня будет на обед, другие радовались, что днём стало уже чуть по светлее, чем в начале зимы. Некоторые разговаривали о том, что делается у них на работе, а некоторые обсуждали всех известных им конькобежцев.

Но хотя Гюро всё это слушала и рассматривала лица других пассажиров, голова её была занята мыслями о том, что она едет к взрослому мальчику, который будет учить её играть на скрипке. Она не знала, ни как он выглядит, ни как выглядит дом, в который она войдёт. Одним словом, не знала вообще ничего, и поэтому в ожидании неизвестного ей было как-то не по себе. Уж лучше бы ехать и ехать в поезде, хоть до самого утра. Тюлинька уже заснула, и Гюро подумала, что тоже с удовольствием бы поспала. Тюлинька запаслась в дорогу бутербродами, сейчас бы поесть и заснуть. И поехали бы они в Гампетреф, и там Тюленька посмотрела бы на дом, где Гюро жила раньше.

Неожиданно Тюлинька вздрогнула и проснулась.

– А мы не проехали нашу остановку? – встревожилась она.

Как бы не так! Человек, который вёл поезд, объявил следующую станцию. Тюлинька с облегчением вздохнула и сказала:

– Наша следующая. Слава богу, не проехали!

– Очень жаль, – сказала Гюро, но так тихо, что Тюлинька ничего не услышала.

Поезд остановился, и они вышли. Дойдя до дома, в котором находилась музыкальная школа, они вошли в дверь. Сначала они попали в длинный коридор, а затем в большую комнату ожидания – точь-в-точь как у зубного врача. Но у зубного врача в такой комнате лежало много игрушек и журналов, так что было чем заняться. А тут ничегошеньки. Впрочем, в этом и не было надобности, потому что и без того имелось на что посмотреть, а главное, что послушать. Со всех сторон раздавались музыкальные звуки, различные по тону, играли разные инструменты. Это был дом, где живёт музыка, и во всех комнатах девочки и мальчики, взрослые дяди и тёти играли каждый своё.

Временами через комнату ожидания проходили большие мальчики, и, хотя здесь их все слышали, они пели себе как ни в чём не бывало, как будто им нисколько не мешало, что в комнате кто-то есть. Надо же, поют преспокойно и так стараются добиться красивого звука, что не обращают никакого внимания на Гюро и на тех, кто ещё мог их слышать! Гюро это даже понравилось, потому что обычно редко где услышишь, чтобы кто-то вдруг взял и запел. Обыкновенно люди поют, когда рядом никого нет или вместе со всеми за компанию, а так, чтобы вдруг запеть ни с того ни с сего, не обращая ни на кого внимания, такого нигде не встретишь, во всяком случае, взрослые в Тириллтопене так не делают. Взрослые могли разве что постоять возле магазина или на углу у ларька. Их разговоры звучали так, как будто они ссорятся, хотя на самом деле ничего подобного не было. Просто голоса были такие. А здесь люди ходят и поют, как будто так и надо. Это было здорово. Надо будет рассказать Сократу! Можно поиграть в такую игру, как будто они ходят в музыкальную школу и только и делают, что поют, не обращая внимания на всё остальное.

Тюлинька и Гюро довольно долго просидели в комнате ожидания, потому что выехали из дома с большим запасом, чтобы не опоздать. Потом в комнату вошёл взрослый темноволосый мальчик с полосками бороды на щеках.

– У него бакенбарды, – сказала Тюлинька. Она произнесла это очень тихо и выжидательно посмотрела на мальчика.

Он сказал:

– Меня зовут Аллан. А ты Гюро?

– Да, – ответила Гюро. – А её зовут Тюлинька.

– Да, – подтвердила Тюлинька. – Я – фру Андерсен. Это я звонила.

– Далеко же вам пришлось ехать, – сказал Аллан. – Но вы всё-таки добрались, и я очень этому рад. Мы сейчас пойдём в класс. Это маленькая комната, где мы с тобой можем играть, никому не мешая.

– А Тюлиньке туда можно? – спросила Гюро.

– Конечно, если она захочет, но, скорее всего, она долго с нами не высит, потому что поначалу у нас будут получаться не самые приятные звуки.

– Как кошачье мяуканье, – сказала Гюро. – Иногда это похоже, как будто кошка простудила горло.

– Вот именно, – подтвердил Аллан. – Наверное, ты уже пробовала и знаешь, что получается. Хорошо, что тебе купили маленькую скрипку, как раз тебе по росту.

– У меня есть ещё и большая, – сказала Гюро. – Та была папина.

– Вот как!

Они зашли в маленькую комнатку, в ней не было ни одного окна – одни голые стены. В комнате стояло пианино, был стол и стул, и ничего больше. На столе ещё лежала скрипка, наверное, это была скрипка Аллана.

– Начнём с того, что я возьму на пианино одну ноту. Ноты ты вряд ли знаешь, ты же ещё совсем маленькая. Или ты, может быть, ходила в музыкальный детский сад или что-нибудь в этом роде?

– Нет, – сказала Гюро.

– Не беда. Так даже интереснее! Мы с тобой придумаем свой особенный способ.

– Может быть, я пока выйду и куплю себе газету? – спросила Тюлинька.

– Да, – разрешила Гюро.

Ведь раз уж Аллан всё равно будет придумывать для себя и для Гюро свой особенный способ, то Тюлиньке не обязательно оставаться.

– Вот я беру на пианино ноту ля, – сказал Аллан, – и теперь надо сделать, чтобы эта струна звучала точно так же. – Как по-твоему, теперь правильно?

– Не совсем.

– Молодец! – похвалил Аллан. – А теперь?

– А теперь так.

– Мне кажется, этот тон звучит совсем как твой голос, – сказал Аллан. – Давай скажем, что это твоя струна.

– Моя и Тюлинькина, – сказала Гюро. – У неё тоже такой голос.

– Согласен. А теперь нам нужно струну, которая звучит пониже. Это струна ре. Ты знаешь какую-нибудь женщину, у которой голос пониже, чем у тебя и у Тюлиньки?

– У Эрле, – ответила Гюро и тут же пояснила: – Это моя мама. У неё такой голос.

– Значит, струна ре будет называться Эрле, – сказал Аллан, настраивая вторую струну. Он натянул её так, чтобы получилось нужное звучание. – Интересно, кого ты теперь предложишь. Сейчас нам нужен кто-то, кто говорит басом. Ты знаешь кого-нибудь с таким густым, низким голосом? Может быть, это папа?

– У папы был густой голос. Мой папа умер, но он говорил низким голосом.

– Конечно, – сказал Аллан. – Ты молодец, что помнишь его. Может быть, ты знаешь ещё кого-нибудь с низким голосом?

– Дедушка Андерсен. У него низкий голос.

– Тогда эта струна будет дедушкой Андерсеном.

– А как же тогда Бьёрн? Для него не осталось струны! – огорчилась Гюро. – Бьёрн – дворник из корпуса «Ю». Он очень хороший!

– Почему же не осталось! – сказал Аллан. – На басовой струне есть разные ноты. Хочешь послушать? Дедушке Андерсену мы отдадим самый низкий тон на струне соль, а остальные останутся Бьёрну, но называть её мы будем в честь дедушки Андерсена, потому что иначе всё сразу не запомнишь. Эрле у нас на струне ре, а затем на струне ля Гюро и Тюлинька. Или договоримся, что это будет только Тюлинька?

– Угу, – согласилась Гюро. – А я буду там по секрету.

– А теперь пойдут совсем высокие звуки, – сказал Аллан. – Кому же мы отдадим эту струну, как ты считаешь?

– Сократу, – предложила Гюро. – Он иногда говорит таким тоненьким голоском, и малыш Ларс тоже.

– Ну, вот им и отдадим эту струну, – согласился Аллан. – Запишу-ка я, пожалуй, на всякий случай всё, что мы тут напридумывали, а то как бы нечаянно не забыть. А теперь посмотрим, умеешь ли ты держать скрипку. Где там у тебя подбородок?

Гюро подставила подбородок, и Аллан дотронулся до него пальцем.

– Хороший подбородок, – одобрил он. – Он поможет нам держать скрипку. Возьми её к себе на плечо, а здесь у тебя будет маленькая подушечка, чтобы было не так жёстко. Вот так. Похоже, ты уже видела, как правильно держат скрипку, потому что у тебя неплохо получается.

– Я видела, как играл папа, а вчера видела спиллемана, – сказала Гюро.

– А теперь давай посмотрим, как там твоя рука? С одной стороны будет большой палец, с другой – остальные, но так, чтобы кисти было свободно. Впрочем, этим мы ещё успеем заняться. А теперь посмотрим-ка твой смычок. Отложи пока скрипку.

Смычок – это длинная деревянная палочка. С одной стороны он тонкий и гладкий, а с другой у него есть широкая, как лента, струна. Эта струна вся была сделана из длинного волоса. Аллан подкрутил ленту, она натянулась и распрямилась.

– Ты, может быть, знаешь, из чего эта струна? – спросил Аллан.

– Не знаю.

– Из волоса от лошадиного хвоста, – сказал Аллан. – Лошадям их часто подстригают. Теперь и не подумаешь, что раньше эти волосы были лошадиным хвостом. Когда лошадь скакала галопом, хвост развевался сзади как флаг, а теперь он на твоём смычке.

Он слегка прикоснулся смычком к струнам, но вдруг покачал головой:

– Есть одна вещь, которой ты, наверное, не знаешь.

– Даже очень много, – сказала Гюро.

– Дело в том, что к струне смычка нельзя прикасаться пальцами. Когда нам жарко, пальцы потеют, а это вредно для струн, так что смычок нужно

держат только за деревянную часть. И ещё одну вещь надо знать: конский волос на скрипичном смычке любит, чтобы его натирали канифолью. К следующему разу не забудь купить канифоль и перед тем, как играть, будешь делать так же, как я сейчас. Потрёшь смычок о кусок канифоли. Вот так. А теперь сама возьми в руку свой смычок. В правую руку. Видишь на смычке маленькую ямку? Это место, где живёт большой палец. Он там удобно устраивается, немножко сгибается, а остальные пальцы придерживают, чтобы большой никуда не выскользнул из своего домика. Вот так. А теперь попробуем провести по струне, которую мы отдали тебе и Тюлиньке. То есть нет, только Тюлиньке. Не помнишь, которая это была?

– Помню. Вот эта.

Она осторожно провела смычком по струне.

– Да ты, оказывается, уже и запомнила! – сказал Аллан. – А как она называется, наверное, забыла.

– Не забыла! – сказала Гюро. – Ты сказал «ля», и эта струна была первая, ты с неё начал.

– Правильно.

Гюро водила и водила смычком, но звук получался очень уж жалкий.

– Если ты потвёрже будешь держать смычок, звук будет лучше, – подсказал Аллан. – Осталось ещё много, чего я тебе не сказал, но не всё сразу. Ты умеешь считать до десяти?

– Да, – ответила Гюро.

– Тогда до четырёх уж наверно досчитаешь, – сказал Аллан. – А запомнила, где была струна дедушки Андерсена и Бьёрна?

– Да. Это самая дальняя, у неё густой, низкий голос.

– Приподними-ка руку повыше. Смотри, вот так. Иначе не дотянешься смычком до этой струны.

Аллан немного помог Гюро и дал ей поводить смычком по остальным струнам, а затем сказал:

– А теперь напоследок мы сыграем с тобой вместе.

– Как? – удивилась Гюро.

– Вот так. Ты будешь играть только на одной струне с голосом Тюлиньки и считать при этом раз-два-три-четыре, не обращая внимания, что я играю что-то другое. И я тоже буду считать.

Аллан играл мелодию, а Гюро только один и тот же тон, но вместе с мелодией получилось красиво.

– По-моему, получилось неплохо, – улыбнулся Аллан. – На сегодня уже хватит. Я не хочу, чтобы ты перетрудила руки! К следующему разу поупражняйся дома делать смычком длинные штрихи по всем струнам, считать можешь то раз-два, то раз-два-три-четыре. Как ты думаешь, справишься с таким заданием?

– Да, – сказала Гюро.

– У тебя есть братья и сёстры? – спросил Аллан.

– Нет, никого.

– А бывает так, что ты остаёшься одна?

– Да, когда Тюлинька и Сократ уходят домой обедать, а мама ещё на работе, тогда я остаюсь одна. Но я часто выхожу из дома и иду к маме, иногда играю на дворе, а иногда остаюсь дома. Ещё я бываю одна утром, пока не пришла Тюлинька.

– Ага, – кивнул Аллан. – Так вот знай, что теперь у тебя есть хороший друг, и он всегда ждёт тебя, когда ты приходишь домой, и этот друг – твоя скрипочка. Если тебе грустно, ты можешь пойти к ней и поиграть, чтобы грусть прошла, а когда тебе весело, тоже можно поиграть, и веселья от этого не убудет, а если ты вдруг заскучаешь, то скрипка тебя развлечёт. Она такой молодец, что нисколько не обижается, если на первых порах будет некрасиво звучать. Единственное, чего она не прощает, это если ты пропустишь день, ни разу не поиграв. Она хочет, чтобы ты хоть немножко занималась ею каждый день. Не обязательно, чтобы это было подолгу, но с каждым разом вы будете всё лучше понимать друг друга.

– Хорошо, – сказала Гюро.

Ей показалось, что она пробыла в классе совсем недолго. Время пробежало даже слишком быстро. Однако на сегодня урок был закончен.

– Да, Гюро! – вспомнил Аллан. Перед тем как положить смычок в футляр, мы его немножко ослабляем, чтобы волос не оставался натянутым. Покажи-ка, как у тебя получится. Хорошо, у тебя получилось как надо. Ты помнишь, что тебе надо купить к следующему разу?

– Канифоль.

– Верно, – кивнул Аллан. – Жду тебя в следующий вторник немного пораньше – в половине первого.

Тюлинька сидела в комнате ожидания. Подняв голову от газеты, она спросила:

– Ну что, Гюро, отзанималась на сегодня?

– Да, – ответила Гюро. – Нам надо купить канифоль и в следующий раз прийти в половине первого.

– Понравилось тебе?

– Да, – ответила Гюро, но больше ничего не сказала, голова у неё была слишком занята разными мыслями, ей ведь надо было столько всего помнить: она вспоминала, как звучат струны дедушки Андерсена и Эрле, струны Тюлиньки и Сократа. Гюро не хотела об этом рассказывать, ведь Аллан сказал, что они придумают свой, секретный способ, как учиться на скрипке. Может быть, когда-нибудь потом она и расскажет о нём Тюлиньке, но только не сейчас.

И Тюлинька, глядя на Гюро, поняла, что сейчас лучше не приставать к ней с расспросами. Время от времени она только вздыхала: «Скорей бы уж вернуться домой. Эрле небось ждёт тебя не дождётся, а Андерсен – меня».

– У-у-г-у-у , – прогудела Гюро самым густым голосом, каким только могла, но Тюлинька ни о чём не догадалась. Она же не могла знать, что Андерсен стал теперь струной соль на маленькой скрипочке.

Сократ и ля

Настало утро. Эрле только что ушла, кто-то уже вызвал её по телефону. Тюлинька ещё не приходила. Тюлинька и Андерсен привыкли не спеша позавтракать и сделать вместе что-нибудь по дому, перед тем как Тюлинька уйдёт работать дневной мамой и заодно дежурить на телефоне.

Зато Сократ подоспел как раз в ту минуту, когда Гюро достала скрипку из футляра и подтянула струну на смычке.

Гюро собралась было спрятать скрипку обратно в футляр, но потом поняла, что не стоит. Ведь Сократ приходит сюда каждый день, и если она будет скрывать от него, что играет на скрипке, то ей вообще не придётся

играть. Обыкновенно Сократ приходил не так рано, но сегодня его папа давал первый урок в школе, а мама уехала на синем автомобильчике на работу в город, Аврора тоже ушла в школу, ну вот Сократ и не захотел сидеть дома один и с утра пораньше отправился к Гюро.

– Давай играть, как будто у нас музыкальная школа, где учатся играть на скрипке, – предложила Гюро. – Чур, сначала я буду тебя учить, а потом ты меня, мы будем по очереди учителем. Сейчас я буду Алланом, мне нужно нарисовать бакенбарды.

Гюро достала жжёную пробку, которой они с мамой мазали друг другу нос, играя в «Чёрного Петера», и нарисовала себе на щеках роскошные бакенбарды. Сократ с восхищением наблюдал за этим. Он ещё не был знаком с Алланом, но ничего, когда-нибудь ещё познакомится!

– Сначала мы как будто просто сидим в комнате ожидания, хотя на самом деле мы не будем сидеть, а будем ходить по ней, как будто мы большие ребята, которые тут учатся. Мы будем ходить по комнате и петь, мы всё время заняты музыкой. Петь надо вот так: тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля – сначала вверх, потом вниз.

Сократу это очень понравилось, он расхаживал как большой, распевая высокие и низкие ноты, и Гюро тоже пела. Комната наполнилась голосами.

– Ну вот, попели, а теперь пора начинать скрипичный урок, – сказала Гюро. – Теперь я буду Алланом, а ты приходишь со своей скрипкой. Скрипка на самом деле моя, но пускай она понарошку будет твоя. Начнём с того, что ноты ты вряд ли знаешь. Ты же ещё совсем маленький.

– Немножко знаю, – сказал Сократ. – Аврора меня научила.

– Вот беда! – сказала Гюро. – Раз так, то не знаю, сможешь ли ты научиться особенному, секретному способу.

– Я знаю совсем мало нот, только до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до, а ещё фадиез и соль-диез. Это я не знаю, что значит, но мне нравятся эти слова.

– Ну вот, – сказала Гюро. – Сперва нам надо подтянуть струну на смычке. Она сделана из конского волоса от лошадиного хвоста. Её нельзя трогать пальцами, чтобы на неё не попадал пот. Потом нужно будет купить канифоль, сейчас у нас ещё нет канифоли, мы с Тюлинькой пойдём сегодня и купим, может быть, и ты с нами пойдёшь покупать. Сначала надо настроить скрипку. Для этого нужно пианино, а у нас его нет.

– У нас есть пианино, – сказал Сократ.

– А ты знаешь, где на пианино ля? – спросила Гюро.

– Да, знаю.

– Если ты хочешь играть в эту игру, то принеси мне ля, – сказала Гюро. – У тебя есть ключ?

– Есть, – Сократ с гордостью показал ключ, который лежал у него в кармане.

– Тогда вот что тебе надо сделать. Поднимись наверх, найди на пианино это ля, повтори его и тяни, не переставая, всю дорогу, пока не спустишься и не придёшь ко мне. Тогда мы узнаем, правильно ли звучит скрипка.

Сократ слушал её, вытаращив глаза от удивления. Но ему понравилось предложение Гюро, и он с гордостью согласился выполнить такое важное поручение.

– А может быть, ты тоже пойдёшь со мной? – спросил он на всякий случай.

– Нет. Я останусь со скрипкой здесь, буду слушать телефон и думать, как лучше научить тебя всему, что нужно.

– Если я встречу кого-нибудь, то поеду наверх в лифте, – решил Сократ. – И обратно на нём спущусь, если получится.

– Хорошо, – сказала Гюро. – Запомнил, что тебе нужно делать?

– Запомнил. Я должен принести тебе ля.

Дверь за ним закрылась, и Гюро принялась упражняться на скрипке. Она старательно вспоминала всё, что говорил Аллан, и делала длинные штрихи смычком, отсчитывая вслух «раз-два-три-четыре» то на один длинный штрих, то на два штриха, а то на четыре коротких.

«Пора бы Сократу с нотой ля и вернуться», – подумала Гюро.

Но Сократ всё не шёл.

«Что-то долго он там ходит, – забеспокоилась Гюро. – Должно быть, поднимался пешком, а теперь пешком спускается. Тогда, конечно, это занимает больше времени».

Но Гюро ошиблась, дело было вовсе не в этом. Задание Сократа оказалось труднее, чем они с ним думали. Сперва ему пришлось пешком подниматься по лестнице на девятый этаж, так как не нашлось попутчиков, с которыми он мог бы поехать на лифте. Сократ мог бы подняться на лифте и сам, но он не привык так делать, ведь в Фабельвике не было

никаких лифтов, а в Тириллтопене он всегда ездил на лифте с папой, мамой или Авророй, иногда с Тюлинькой, но один – никогда, поэтому Сократ отправился наверх пешком. Ключ он держал в руке, и вот наконец он добрался до длинного коридора, в который выходили двери квартир. Сократ хорошо знал, где его дверь, так что с этим у него не было затруднений. Он отпер замок и, как полагается, спрятал ключ в карман. Затем он подошёл к пианино и нажал на клавишу с нотой ля.

– Ля-а-а, – повторил он голосом нужный звук.

Он продолжал тянуть его, выходя за порог, запер за собой дверь на ключ и продолжал тянуть ноту ля всю дорогу до конца коридора.

На площадке, по счастью, стояли в ожидании лифта два человека, которым надо было спуститься вниз. Сократ побежал к ним, продолжая тянуть «ля-а-а-а», чтобы тоже заскочить в лифт.

Мужчина и женщина перед лифтом дождались, когда он добежит, и, встретив его с улыбкой, приветливо спросили:

– Тебе тоже вниз? Пожалуйста, если хочешь!

– Да-а-а, – пропел Сократ, – да-а-а.

– Какой же ты у нас весёлый мальчик! – сказала женщина. – Всё поёшь и поёшь. Помнится, когда я была маленькая, я очень любила одну песенку. Как же она начиналась?.. «Белочка по ветке скакала, в лапочках орешек держала, на старой сосне её домик в дупле, она деткам орешек принесла».

Женщина пела и пела до самого первого этажа, пока лифт не остановился. А Сократ, выйдя из лифта, обнаружил, что сбился со своего ля.

Он попробовал вернуть потерянную ноту, но так и не смог найти её наверняка. Какой толк было возвращаться к Гюро, если ля потерялось по дороге: без ля она не будет учить его на скрипке. Поэтому Сократ снова пошёл на девятый этаж, отпер дверь, подбежал к пианино и ещё раз взял ноту ля. На этот раз он уж не станет садиться в лифт, даже если будет кому его подвезти.

Нет уж! На этот раз он спустится пешком и всю дорогу будет петь «ля-а-а», чтобы это ля никуда не ускакало и снова не потерялось.

– Ля-а-а, – пел Сократ.

Спустившись на два этажа, Сократ встретил на площадке женщину, которая мыла лестницу, в этот день была как раз её очередь.

– Ля-а-а, – пел Сократ.

— Подожди, пожалуйста, пока я тут подотру, — попросила женщина. — Я быстро.

— Да-а-а, — пел Сократ.

— А у вас в семье кто моет лестницу? — спросила женщина. — Папа или мама?

— И папа, и мама, а иногда Аврора, — пропел Сократ всю фразу на одной ноте — на ноте ля-а-а.

— Вот это да! — воскликнула женщина. — Никак ты собираешься петь в опере?

— Ля-а-а, — тянул своё Сократ.

— Ещё только минуточку, и всё, — сказала женщина, и тут она на радостях, что покончила с мытьём лестницы, тоже запела весёлую песню.

Сократ пришёл в отчаяние. Никогда он не слышал, чтобы кто-то в доме пел песни, а тут вдруг все как нарочно распелись.

Должно быть, потому, что он поёт, стараясь донести своё ля. Ой, куда же оно подевалось? Опять пропало! Сократ повернул назад и снова помчался вверх, отпер ключом дверь, нажал на клавишу ля и, ступая на цыпочках, крадучись пошёл по коридору, тихонько, почти про себя, напевая ля. Он старался, чтобы его никто не слышал, а то опять кто-нибудь запоёт.

Дойдя до площадки, он осторожно выглянул, что делается внизу. На этот

раз там никого не было. Ему удалось донести ля до самой квартиры, где жила Гюро, и, только дойдя до двери, он запел в полный голос. Но дверь открыла не Гюро. Вместо неё перед ним была Эрле, ненадолго забежавшая с работы.

– Да это ты, Сократ! – встретила она мальчика.

Сократ пулей проскочил мимо неё и влетел в комнату к Гюро.

– Ля-а-а, – пропел он. – Вот тебе ля! Принёс! Еле удержал и больше не могу.

Он повернулся и кинулся назад к Эрле.

– Здравствуйте! – поздоровался он.

Сократ любил тётю Эрле и не хотел, чтобы она подумала, будто он нарочно с ней не здоровается. Эрле приветливо кивнула:

– Рада видеть тебя, Сократ. Поиграйте пока вдвоём. Думаю, скоро уже придёт Тюлинька.

Когда Сократ вошёл в комнату, где была Гюро, она пела «ля-а-а».

«Ля-а-а», отзывалась на скрипке струна.

– Звучит как надо, – сказала Гюро, – так что настраивать не нужно.

И это было очень хорошо, потому что Гюро была не уверена, сумеет ли она проделать это как следует.

– Я два раза терял его, – сказал Сократ. – Каждый раз приходилось возвращаться за ним в квартиру, но всё-таки у меня получилось.

– Долго же ты ходил!

Пришлось Сократу рассказать всё по порядку, и только тогда Гюро поняла, чего ему стоило донести до неё ля.

– Ты просто молодец, – похвалила Гюро. – Раз уж ты, несмотря ни на что, сумел донести эту ноту, то и на скрипке у тебя дело пойдёт и ты научишься играть. А теперь давай начнём. Как думаешь, ты сумеешь держать скрипку? Нет, не так! Ты, наверное, никогда не видел, как на ней играют?

– Видел немножко, – сказал Сократ. – В Фабельвике один человек играл на скрипке, другой – на виолончели, а папа – на рояле.

– Вот как! – воскликнула Гюро. – Сейчас ты держишь её правильно. Теперь – смычок. Большой палец у тебя будет жить в этой ямке, а остальные пальцы будут ему помогать. Пока получилось не совсем правильно, но со временем ты научишься. Начнём со струны ля. Попробуй, можешь ты её найти?

Гюро не стала говорить, что это Тюлинькина струна и немножко её собственная. Об остальных струнах она тоже ничего такого не рассказала, ведь это был её секрет, а раз Сократ немножко знает ноты, то можно сразу называть струны струной ля, струной ре, струной ми и струной соль.

Урок получился такой долгий, что под конец у Сократа очень устали руки и плечи, и тогда Гюро сказала:

– Ну, на сегодня хватит! Давай будем делать так: я буду учить тебя всему, чему сама научусь у Аллана, и пускай это будет нашим большим секретом, а в один прекрасный день мы дадим послушать Тюлиньке и маме, как мы играем.

– Угу, – согласился Сократ. – И моим папе и маме, и Авроре, и моей бабушке, и бабушке, которая живёт в лесу, потому что она умеет играть на барабане, и Мортену, и Нюсси.

– И Бьёрну, и Лилле-Бьёрну, – добавила Гюро. – Это будет замечательный секрет.

Она ослабила струну смычка и спрятала его в скрипичный футляр, а когда всё было благополучно убрано, пришла Тюлинька.

– Вы уже оба тут? – удивилась Тюлинька. – Скажите, вам будет не очень обидно, если мы сегодня не покатаемся на санках или на лыжах? Я подумала, что надо бы съездить в город за канифолью.

– Нам нисколько не обидно, – сказал Сократ. – Правда же, Гюро?

– Нисколечко, – подтвердила Гюро.

– Ну тогда собираемся и пошли! – сказала Тюлинька.

Они поехали в город и нашли там магазин, в котором продавались музыкальные инструменты. У Сократа и Гюро просто глаза разбежались – сколько тут всего было: разные трубы и саксофоны, кларнеты и скрипки, виолончели и большущие контрабасы, флейты и гитары, гармонии и аккордеоны. Кроме инструментов они разглядывали ещё и людей, которые пришли что-то покупать, и людей, которые стояли за прилавком.

Должно быть, тут у всех на уме была музыка. Одни рассказывали про неполадки в своих инструментах, другие – о том, где они сегодня вечером выступают и где выступали вчера и позавчера. Тут было почти как в музыкальной школе, единственная разница, что тут никто не пел, по крайней мере, сейчас.

– Нам нужно купить канифоли, – сказала Тюлинька, когда до неё дошла очередь. – Эта девочка, которая пришла со мной, начала учиться на скрипке, и ей нужна канифоль для смычка. Вы не скажете, может быть нам нужно купить ещё что-то?

– А есть у неё дома пианино? – спросил продавец.

– Нет, – ответила Тюлинька. – Но пианино нам сегодня не купить. Пианино ведь стоит очень дорого. Так что мы ограничимся канифолью.

– Я совсем не то имел в виду, – улыбнулся продавец. – Просто если у девочки нет дома пианино, ей пригодился бы камертон-дудка – вот такой, например. – И он показал вещь, о которой шла речь.

– А ля там есть? – спросила Гюро.

– А как же! – сказал продавец и дунул в камертон.

– Здорово! – обрадовался Сократ.

Лицо у него приняло такое довольное выражение и на нём отразилось такое облегчение, что все, кто был в магазине, невольно обернулись.

Тюлинька тоже посмотрела на Сократа. Она немпожко удивилась. Вообще-то Сократ был тихоней и стеснялся, когда вокруг было много чужих.

А тут он улыбался во весь рот и никого не боялся.

– И что же, по-твоему, так здорово? – заинтересовалась Тюлинька.

– Что там есть ля, – сказал Сократ. – Потому что мне больше не надо будет за ним никуда ходить.

– Это он так, – сказала Гюро. – У нас с Сократом есть один секрет, поэтому он больше не может ничего сказать. Но дудочка – это очень хорошо.

По дороге домой Гюро переглянулась с Сократом и спросила:

– Как по-твоему, может, Тюлиньке можно рассказать?

– Да. По-моему, можно.

И Гюро рассказала ей, в чём секрет. Больше никто о нём не должен знать, кроме Тюлиньки. Тогда они смогут при ней упражняться. Тюлинька серьёзно кивнула, задумалась и ещё раз кивнула.

– Я буду учить Сократа всему, что узнаю сама, – сказала Гюро.

– Замечательно, – поддержала её Тюлинька. – Я рада, что вы мне рассказали. Я сама люблю секреты и умею их хранить.

– Только смотри, не вырони секрет, когда поедешь на лифте, – предостерёг Сократ.

- Ни за что! – заверила Тюлинька.
- И когда Андерсен будет петь, тоже не потеряй.
- Не потеряю. Я ни слова не пророню, пока вы сами не разрешите мне поделиться им с другими.

Гюро и Сократ приняли её обещание.

Эрле делает лыжную пробежку

Гюро стояла и смотрела в окно. За окном шёл снег, но не так, как обычно, а большими хлопьями. Это были не редкие снежинки, а густой снегопад, хлопьев было так много, что ими был заполнен весь воздух. Снег всё валил и валил. Гюро так засмотрелась на это зрелище, что у неё закружилась голова. Она и сама словно бы превратилась в такую снежинку, которая летит с неба, кружась в вышине среди своих подружек, чтобы лечь затем на землю, но едва она касалась земли, как её тут же подхватывал снежный хоровод, и она вновь спускалась из поднебесья в гуще падающих хлопьев.

Мама работала во дворе, она убирала снег трактором. Гюро не обрадовалась снегопаду, потому что сегодня была суббота. В субботу у мамы обычно пораньше заканчивалась работа, и она обещала, что после работы они с Гюро займутся чем-нибудь интересным. А тут вдруг такая погода, и мама на несколько часов задержится на уборке снега, ведь надо расчистить все дорожки между домами, чтобы по ним можно было пройти, и широкую дорогу перед подъездом, чтобы к нему могли подъезжать машины.

Из окна Гюро видела маму. Она отъехала далеко от дома по дорожке между корпусами «Ц» и «Ю». Половину дорожки должна была расчистить мама, а другую половину – Бьёрн. Маму на тракторе так засыпало снегом, что она стала вся белая. На голове у мамы была вязаная шапочка красного цвета, но сейчас она стала белой. Белыми стали мамин коричневый шарф и синяя курточка. Казалось, что на тракторе ездит какой-то белый дед. А навстречу мамину ехал ещё один трактор. На нём сидел Бьёрн, и он тоже стал белым дедом. Казалось, они вот-вот столкнутся, наехав друг на друга, но тут Эрле подала назад, уступая дорогу Бьёрну, затем Бьёрн подал назад, а Эрле свер-

нула в сторону, и глядь – дорожка уже чистая. Оба трактора благополучно разъехались, а затем развернулись в обратную сторону.

Можно было подумать, что два трактора сами встретились, чтобы поздороваться, а белые деды тут ни при чём. Вот на дорожке показалась женщина, тоже вся с головы до ног белая. На ней были надеты смешные шаровары навыпуск, ветровка, на голове большая вязаная шапка, на руках варежки, шея повязана шарфом. В одной руке она несла лыжные палки и придерживала на плече лыжи, в другой руке был поводок, на поводке рядом с ней шла большая белая собака.

Женщина посмотрела на окно и, увидев Гюро, помахала рукой. Гюро сразу соскочила со стула. Это были Тюлинька и Индивид, Тюлинька вышла из дому с лыжами. Значит, она зашла за Гюро, чтобы позвать её на лыжную прогулку!

Гюро бегом побежала открывать дверь, и в квартиру тут же влетела белая собака, отряхнулась и начала носиться по комнатам. Из белой собака превратилась в золотистую, местами она была немножко чёрная, но золотистого цвета было гораздо больше.

– Караул! От него всё тут будет мокрое!

– Ты сегодня не должна была приходить, – сказала Гюро. – Сегодня ведь суббота, а мама говорит, что в субботу ты выходная.

– Всё правильно, суббота – мой выходной день, – сказала Тюлинька. -- Поэтому мы с Андерсеном собрались сегодня покататься на лыжах. С нами пойдут Сократ и малыш Ларс. Андерсен пошёл за Ларсом, а я позвонила Сократу, так что давай собирайся! Когда выйдем, то предупредим Эрле. Она там на тракторе убирает снег.

– Значит, ничего страшного, если зазвонит телефон, все и так видят, что мама на улице.

– Конечно, – сказала Тюлинька. – Давай, детка, поскорей одевайся! Хочешь, я помогу тебе с сапогами?

– Я сама!

Гюро быстро оделась. Тюлинька сходила в кладовку для спортивных принадлежностей за её лыжами, и они вышли из дома.

Когда Тюлинька стала надевать лыжи, оказалось, что это не так-то просто сделать, потому что Индивид рвался побегать и никак не мог по-

нять, почему его заставляют ждать. Потом ему страшно понравились эти длинные доски на ногах у Тюлиньки и Гюро. Он попробовал выхватить одну лыжу у Тюлиньки, чтобы с ней поиграть, а ещё лучше погрызть, но тут Тюлинька на него прикрикнула:

– Слушай, Индивид! Если ты хочешь идти с нами гулять, то води себя как следует. А раз ты не слушаешься, я тебя пока привяжу.

Она привязала Индивида к столбу, на котором сверху была приделана табличка. И привязанный Индивид растерянно глядел из-под неё на людей, которых считал своими друзьями и не ожидал от них такого подвоха.

Затем к ним присоединился Сократ, а следом за ним подошли Андерсен и Ларс. Увидев их, Индивид замахал хвостом и запрыгал от восторга – он любил, когда собиралось большое общество.

Надо держать его покрепче, пока не перейдём через дорогу, а возле леса можно будет отпустить, – сказала Тюлинька. – Слушай, Андерсен, помоги его придержать, а то он так тащит, что мне одной с ним не справиться.

Индивид чуть не уволок за собой обоих. Но Андерсен был на лыжах и затормозил плугом, да ещё рявкнул на него басом. По-видимому, его голос подействовал на Индивида, который привык к высокому голосу Тюлиньки, и он стал вести себя послушнее.

– Он слушается струны соль, – сказала Гюро, но никто, кроме Сократа, не понял, что она этим хотела сказать, потому что он знал, как звучит эта струна, хотя и не знал, что у Гюро с Алланом эта струна называлась струной дедушки Андерсена.

Завидев Эрле, Тюлинька помахала ей и сказала, что они собрались на лыжную прогулку.

Они перешли через дорогу и вышли на лыжную, уходящую в глубь леса. Тут можно было дать Индивиду побегать. Индивид точно с цепи сорвался. Он то бежал впереди, то делал крюк, исчезая в лесу, потом вдруг выскакивал откуда-то сзади, с разбегу налетал на людей, сбивая их с ног, потом снова исчезал в лесу. Тюлинька шла впереди, за нею Ларс, затем Сократ и Гюро, а дедушка Андерсен замыкал шествие. Хорошо, что все тут предпочитали одну и ту же скорость – дети были ещё малы, а взрослые уже немолоды и не любили спешить, поэтому они составляли друг другу подходящую компанию на лыжной прогулке.

– Нам идти далеко-далеко, – сказал Сократ. – Надо пройти пять миль. Но я держусь и всех обойду.

Наверное, Сократ слышал, как по радио рассказывали о пятимильной лыжной гонке, поэтому он ринулся вперёд и обогнал Ларса и Тюлиньку. Но продержался он недолго. Скоро Сократ совершенно выдохся, и ему пришлось постоять и отдохнуть, прежде чем продолжить прогулку. Гюро тоже прибавила ходу, потому что почувствовала вдруг необыкновенный прилив сил. Лыжи скользили так легко, и Гюро обошла всю компанию. Очувтившись впереди всех, она вдруг почувствовала, что рядом нет никого и она одна наедине с лесом. Лес стал какой-то непривычный: всегда он был зелёным, а сейчас стоял весь белый – все ёлки и сосны стали белыми, белыми были и попадавшиеся там и сям лиственные деревца, и такая тишь кругом...

Лыжня впереди сделала поворот, и все, кто был позади, скрылись из виду.

– Гюро! – услышала она издалика чей-то голос. Это прозвучал голос Тюлиньки. Тюлинькина струна ля.

– Гюро! – позвал дедушка Андерсен на струне соль.

– Гюро! Гюро! – вторили им Сократ и Ларс. Оба на струне ми.

Если бы тут была мама, прозвучала бы и струна ре. Голоса ещё раз позвали, и Гюро откликнулась.

– Я здесь! – ответила она так громко, как только могла.

Остальная компания так быстро за ней не поспевала, и Гюро ещё немного постояла в одиночестве, дожидаясь, когда они покажутся. Вот если бы у неё сейчас была при себе скрипка, она сыграла бы на ней, чтобы лес послушал!

Гюро взмахнула лыжной палкой, как будто это смычок, согнула левую руку так, как будто держит в ней скрипку, и тихонько запела, получилось, как будто она играет на скрипке. Но тут подросли все остальные, и Гюро встретила их, опираясь на лыжную палку. Гюро просто дожидалась, когда они её догонят.

– Зачем ты так быстро побежала? – рассердился Сократ. – Это же я должен был держаться, потому что мне это пришло в голову первому.

– Ну, в следующий раз ты побежишь вперёд, – ответила Гюро. – И пускай один раз выиграет Ларс, один раз – Тюлинька и Андерсен, чтобы никому не было обидно.

– Мы и так не обидимся, – сказала Тюлинька. – В лесу сегодня удивительно хорошо. А вон там пригорок, так что можете с него скатиться.

Все начали кататься с горки, и Гюро плюхнулась так, что лыжи задрались кверху, а сама она вся извалялась в снегу, но она тут же поднялась. Теперь она стала ещё белее, чем мама на тракторе. Сократ долго держался на ногах и всё время кричал: «Посмотрите на меня! Посмотрите на меня!»

Ларс, глядя на него, так зазевался, что забыл про лыжи, они встали поперёк, и он кубарем покатился с горки. Увидев это, Сократ так испугался, что тоже упал. Все дети – Гюро, Сократ и Ларс – раз пятнадцать скатились с горки, пока Тюлинька не сказала:

– Сегодняшняя лыжная вылазка была только пробная. В другой раз, когда у нас будет побольше времени, мы покатаемся ещё, а сейчас пора домой. Мы с Андерсеном сегодня идём в гости, нас позвала на обед хозяйка пансионата. Сократ и Аврора поедут с родителями в город, а к Ларсу придёт в гости тётя. Индивид поедет кататься на машине, а тебе, Гюро, пора домой, потому что суббота у вас с мамой день, когда вы можете побыть вместе.

– Да, – согласилась Гюро. – Только сперва ей нужно закончить работу на тракторе.

К тому времени как они вернулись из леса, снег уже перестал, и Эрле закончила убирать дорожки. Гюро разделась, все вещи на ней были мокрые, она приняла ванну и переоделась во всё чистое. И тогда Эрле сказала:

– Ну вот, Гюро. Я подумала, что бы нам такое сделать ради праздника, и решила испечь торт. Давай позовём Бьёрна и Лилле-Бьёрна. Я знаю, что сегодня он у папы. Может быть, сбегашь к ним, чтобы позвать?

– Да, – сказала Гюро.

Накинув куртку и надев сапоги, она побежала выполнять поручение. Спустя минуту она уже влетела в подъезд корпуса «Ю» и позвонила в дверь квартиры, где жили Бьёрн и Лилле-Бьёрн.

Но открыл ей не Лилле-Бьёрн, а незнакомая женщина с каштановыми кудрями. Она вышла в красном переднике и удивленно посмотрела на Гюро.

– А Бьёрн дома? – спросила Гюро.

– Нет, они с Лилле-Бьёрном уехали в кино, – сказала женщина, – но вот-вот будут дома, утренний сеанс, наверное, уже кончается.

– Понятно.

Она застеснялась чужой тётеньки и, не говоря больше ни слова, убежала.

– Ну, что они сказали? – спросила Эрле.

– Ничего. Их не было дома, – сообщила Гюро. – Там была чужая тётенька с кудряшками и в красном переднике. А Лилле-Бьёрн и Бьёрн ушли в кино.

– Вот как? – сказала Эрле. – В переднике? Значит, она осталась дома за хозяйку. Ну что ж! Не будем им мешать. Как можно! Сейчас я поставлю тесто, чтобы испечь хлеб, и помою полы в квартире.

Быстро замесив хлеб, Эрле принялась за полы, но работа у неё шла не так весело, как тогда, когда они с Гюро вместе наводили чистоту. Мама сердито шуровала тряпкой, а затем заглянула в комнату Гюро:

– Ты что это покидала в кучу мокрую одежду? Сказано было тебе – повесь и прибери за собой!

– Так я же ещё не успела, – стала оправдываться Гюро. – Ты сама посылала меня к Бьёрну.

Гюро села на кровать и взяла в руки скрипочку. Она даже не пробовала сыграть какую-нибудь мелодию, а только водила смычком по струнам. Покончив с мытьём, мама взялась за тесто. Сделав два хлеба, она сунула их в печку и включила духовку.

– Ну вот, – сказала она. – Сейчас хлеб подымется и начнет печься. Когда прозвенит звонок, выключи духовку. Не забудешь, Гюро? А я сделаю пробежку на лыжах, пока ты упражняешься на скрипке. Что-то у меня сегодня голова гудит от усталости, поэтому я прогуляюсь одна. В лесу есть освещённая лыжня, так что не страшно, что на улице темно. Помни про хлеб в печке, Гюро! Я вернусь через часок.

– Хорошо, – сказала Гюро.

На душе стало совсем невесело и даже тоскливо.

И она решила обратиться за утешением к скрипочке. Аллан же сказал, что, когда ей будет грустно, скрипочка её всегда утешит. Она встала как полагается и заиграла. Ей действительно стало полегче, потому что всё время надо было думать о том, где там какие звуки. Не успела Гюро как следует наиграться, как вдруг в дверь позвонили. Гюро открыла. За дверью стояла незнакомая женщина.

– От вас, что ли, несутся эти ужасные звуки? – спросила она. – Разве ты не знаешь, что нельзя упражняться после обеда? В это время у людей тихий час, все отдыхают. Тем более сегодня ещё и суббота! Я и так каждый день до позднего вечера на работе, так что в выходные хочу покоя, чтобы никто не мешал отдыхать.

– Хорошо, – ответила Гюро. – Я больше не буду.

– Значит, договорились, – сказала женщина. – Казалось бы, уж твоя мама как дворник должна бы знать правила.

– Её нет дома. Она сейчас вышла.

– Ну ладно. Только не забудь, что я сказала.

Теперь Гюро и вовсе не знала, чем бы ей заняться, но потом всё-таки придумала: можно поупражняться, как правильно надо писать ноты. Аллан показал ей несколько нот, и нотную бумагу ей уже купили, и Аллан велел ей попробовать самой написать песенку для четырёх струн. Гюро устроилась за кухонным столом, тихонько напевала и записывала, напевала и записывала. От этого ей тоже становилось по-

легче на душе, как будто скрипка и тут её утешала, хотя Гюро сейчас и не играла на ней.

Тут зазвонил таймер духовки, и Гюро её выключила, как показывала мама. По кухне разлился вкусный запах. Скорей бы уж возвращалась настоящая мама вместо сердитой Эрле, которая отправилась на прогулку.

Гюро показалось, что прошло очень много времени. Наконец она услышала, что кто-то пришёл. Это была мама. Щёки у неё разругались, и лицо стало ласковым.

– Привет, Гюро, – сказала она. – Прости, что я резко себя вела. Это всё от усталости, но после такой прогулки мысли приходят в порядок. Сейчас мы с тобой проведём субботний вечер по-праздничному: сначала вкусно поужинаем, а потом я тебе почитаю или, если хочешь, сыграем в «Чёрного Петера».

Она вынула из духовки хлебы. Они получились очень красивые, и от них вкусно пахло свежей выпечкой.

И тут вдруг раздался звонок. Гюро от испуга переменилась в лице. Ведь она же больше не играла на скрипке. Только бы это не за мамой, а то вызовет кто-нибудь и мама опять уйдёт!

Мама пошла открывать. За дверью стоял Бьёрн.

– Привет! – сказал он. Я вот что... Я очень хотел... Лилле-Бьёрн очень хотел... Чтобы вы зашли к нам сейчас в гости. У нас тут такое дело... Сестра испекла торт, и нам хочется, чтобы вы с ней познакомились.

– Никак у кого-то день рождения?

– Ну да, – сказал Бьёрн. – У меня. Вот мы с Лилле-Бьёрном и сходили с утра в кино, а вечером очень хотелось бы собраться с друзьями. Но у вас, может быть, были другие планы? Ммм, до чего вкусно у вас тут пахнет! – сказал он, потянув носом воздух.

– Сегодня полагалось бы дарить тебе подарки, – сказала Эрле. – А мы подарка не приготовили. Мы же ничего не знали.

– Даже не думайте! – сказал Бьёрн. – Если вы придёте, это и так будет самый лучший подарок.

– Спасибо. Ну, Гюро, что ты скажешь на это?

– Да! – воскликнула Гюро. – А можно я возьму с собой карты?

– У Лилле-Бьёрна есть игра, которую ему подарила Эрле на Рождество, – напомнил Бьёрн. – Так что будет во что нам всем поиграть.

– Тогда пошли, – сказала Эрле. – Я только быстренько переоденусь, а то я только что вернулась с лыжной прогулки.

– Хорошо, – сказал Бьёрн и ушёл.

– Как жаль, что нам нечего ему подарить, – вздохнула Эрле.

Она снова стала такая, как всегда, – добрая и приветливая.

– А я придумала! – сказала Гюро. – У тебя же есть хлеб. Вот и подари. Он, наверное, обрадуется.

– Ты так считаешь? Ладно, пускай будет по-твоему. Как удачно вышло, что я надумала испечь хлеба!

– Да, – согласилась Гюро.

Она не стала говорить, что мама была сердитая и вздумала печь хлеб со злости, а просто сказала «да».

Музыка тут и там

Гюро снова отправилась на музыку к Аллану. Они с Тюлинькой ехали туда уже в четвёртый раз. Поездки стали привычными. Теперь они уже знали, на какой поезд садиться и когда он отправляется. По-дойдя к школе, они привычно вошли в дверь. Тюлинька, как всегда, села в комнате ожидания, а Гюро побежала по коридору искать Аллана, он сказал, что это можно. В коридоре со всех сторон слышна была музыка. В одном классе кто-то играл на рояле, в другом – на контрабасе. Откуда-то слышалась флейта, ещё где-то играл кларнет, в следующем классе упражнялись на барабане. Это было очень здорово. Гюро чувствовала себя здесь уже совсем как дома. Наконец она услышала скрипку – там и был Аллан. Гюро открыла дверь. Ей повезло – Аллан не сразу заметил, что кто-то вошёл, так что можно было посмотреть и послушать, как он играет.

Гюро тихонько постояла, слушая Аллана, но скоро он всё-таки обратил на неё внимание и перестал играть.

– Здравствуй, Гюро! Молодец, что пришла. Как руки? Не замёрзли?

Гюро потрогала пальцы и сказала:

– Нет, не замёрзли.

– Давай послушаем, как сегодня поживает твоя скрипочка! Надо настроиться, чтобы наши скрипки звучали одинаково. Я уже сгораю от нетерпения.

– А почему? – спросила Гюро, хотя уже поняла, о чём речь.

– Ты приготовила мне песенку? – спросил Аллан. – На свободных струнах?

– Да.

– Придётся мне ещё немного потерпеть, – сказал Аллан. – Потому что сначала ты должна сделать несколько хороших длинных штрихов, а затем мы с тобой поиграем вдвоём. Ну, начали!

Гюро сделала много длинных штрихов на всех четырёх струнах, а затем Аллан сказал:

– Сейчас я напишу на доске, какие ноты тебе брать, когда мы будем играть вдвоём. Ты уже знаешь, как пишется самая низкая нота, и мне не обязательно писать, что это дедушка Андерсен?

– Да. Она стоит под самой нижней линейкой, и сверху у неё надеты две шапочки.

– Правильно.

– И ре тоже под линейкой, – сказала Гюро. – И у неё одна шапочка.

– Да, – подтвердил Аллан. – А ля уютно устроилось посередине между двумя линиями, а ми на струне Сократа живёт у нас на верхнем этаже, вот здесь. Знаешь, – продолжал он, – по-моему, ты была очень прилежной девочкой и много упражнялась. Видно, что ты ни одного дня не пропустила без скрипки.

– Один пропустила, – сказала Гюро. – В субботу, оказывается, у всех тихий час, и одна тётенька ужасно рассердилась.

– Представляю себе! – сказал Аллан. – Может быть, тебе лучше упражняться утром, раз ты живёшь в многоквартирном доме? Ты ведь, наверное, рано встаёшь?

– Очень рано, – сказала Гюро. – Мы с мамой встаём в шесть часов, потом выходим пробежаться, потом возвращаемся и завтракаем, а потом мама уходит и ездит на тракторе или ещё что-нибудь такое делает, а я играю, пока не придёт Тюлинька, иногда приходит Сократ, и тогда...

Тут Гюро ойкнула, так как чуть было не выдала свой секрет, но она вовремя остановилась.

– Что это ты вдруг? -- спросил Аллан.

Гюро немножко подумала и сказала:

– Тебе я могу сказать. Тогда мы играем, что я – это ты, а Сократ – как будто я, и я учу его играть, иначе ему будет обидно.

– Ну, это неплохо, – сказал Аллан. – Так, значит, у тебя уже появился ученик! Ты уж приведи его как-нибудь сюда, чтобы я послушал, чему ты его научила.

– Угу, – кивнула Гюро.

Аллан кончил писать на доске, и они поиграли вдвоём.

– У тебя хорошо получилось, Гюро, – похвалил её Аллан.

– Иногда бывает совсем не хорошо, – пожаловалась Гюро.

– Ничего, не огорчайся! Главное, что ты сама это слышишь. Вот погоди. Раз ты упражняешься, у тебя с каждым разом будет получаться всё лучше. А теперь сыграй-ка мне свою мелодию.

– В голове у меня она звучит красиво, – сказала Гюро, – А когда играю, получается не то. У меня там надо играть быстро, а я не помню, сколько должно быть быстрых нот.

– Давай посмотрим!– сказал Аллан. – У тебя написаны ноты?

– Да. Но я не помню точно, сколько между ними должно быть линеечек.

– У тебя хорошая мелодия, – сказал Аллан. – Но, по-моему, ты забываешь о счёте. Можно я тоже её сыграю?

– Можно. Она же твоя.

У Аллана мелодия прозвучала очень хорошо, и он сказал:

– Я рад, если она моя. А теперь продолжим урок. Ведь нужно, чтобы к следующему разу ты выучила что-то новое.

Они позанимались ещё. Когда урок закончился, Аллан достал что-то из кармана.

– Как ты думаешь, – спросил он Гюро, – согласится кто-нибудь, Тюлинька или твоя мама, пойти с тобой сегодня вечером на концерт? У меня, понимаешь, тут два билета, а я сам пойти не могу. Тебе было бы интересно, потому что сегодня дают концерт для скрипки с оркестром. Давай сейчас спросим Тюлиньку!

Тюлинька так и просияла от радости:

– Конечно же я пойду на концерт, – обрадовалась она. – Это же замечательно! И как я сама до этого не додумалась!

– Иногда просто нужен повод, – сказал Аллан. – Всего хорошего, Гюро! Сейчас мне самому пора бежать на урок, учитель уже ждёт меня. Встретимся на следующей неделе в то же время. Ты сегодня очень хорошо занималась.

Тюлинька и Гюро пошли на поезд, и Тюлинька вдруг сказала:

– Ничего, если мы по пути зайдём в городе в одно место?

– Ничего, – сказала Гюро.

Она была даже рада, если поездка затянется: тогда можно будет спокойно вспоминать всё, что она играла, и всё, что услышала сегодня от Аллана.

Они съездили в город, и Тюлинька там зашла в какое-то место и вышла оттуда очень довольная.

– Всё получилось, как я хотела, – сказала она. – Достала ещё два.

– Чего – два? – спросила Гюро.

– Скажу, когда приедем домой, – сказала Тюлинька. – Можешь подождать меня во дворе, пока я зайду к Бьёрну? – спросила она, когда они приехали в Тириллтопен.

Гюро осталась ждать со скрипкой в руках. Мимо проходили несколько больших ребят:

– Что это у тебя такое? Ты что, играешь на скрипке? Лучше бы ты играла на какой-нибудь трубе, тогда тебя взяли бы в оркестр. А ну-ка покажи, что там за штуковина!

– Нет, – сказала Гюро. – Её нельзя вынимать на улице. Сейчас слишком холодно.

– Скрип-скрип-скрипочка, – стал дразниться один из мальчишек, делая вид, как будто он водит смычком по струнам.

– Тоже мне! Чего тут смешного! – воскликнула Гюро.

– Ишь, какая гордая! – сказал другой. – Смотри у меня! А вот я сейчас как возьму и засуну в сугроб твою скрипку!

Гюро ничего не ответила, только посмотрела. Тут, к счастью, вернулась Тюлинька. Она витала где-то далеко в своих мыслях и ничего не заметила.

– Как славно, что у тебя нашлась компания и ты была не одна, – сказала она.

Ребята промолчали. Гюро тоже не сказала ни слова, только покрепче прижала к себе скрипку. Не будет она ничего говорить про этих дураков. Ещё чего не хватало – про них разговаривать!

Когда они пришли домой к Гюро, мама как раз ставила варить картошку.

– Я должна передать тебе что-то важное, – сказала Тюлинька.

– Ох, – вздохнула Эрле. – Неужели опять кто-то звонил? Или тебя поймали на улице?

– Нет, – улыбнулась Тюлинька. – Дело в том, что сегодня вечером ты идёшь на концерт.

– На концерт? – удивилась Эрле.

– Ну да! – сказала Тюлинька. – Бьёрн тоже идёт. А Андерсен – нет. У него сегодня мальчишник.

– Мальчишник? – переспросила Эрле.

– Ну да, это я так называю их посиделки, – сказала Тюлинька. – На самом деле к нему придут два старых приятеля, с которыми он вместе плавал. Они любят посидеть в своей компании. А я приду к ним попозже.

– Ну, а Бьёрн? – спросила Эрле.

– Сперва он ответил «нет», – сказала Тюлинька. – Но, когда услышал, что вы с Гюро тоже идёте, согласился. У него сделалось какое-то странное выражение, и он буркнул что-то такое, что он к этому не привык, но тогда я сказала, что, значит, давно пора начать привыкать. Мы поедем не на машине, а на поезде. Тогда Бьёрну не придётся думать о парковке и тому подобных вещах.

– Ой, Тюлинька, как же ты умеешь обо всём позаботиться! – обрадовалась Эрле.

– Это не она, а Аллан придумал, – сказала Гюро. – Он первый подарил нам два билета.

– А я купила к ним ещё два, – сказала Тюлинька. – И все места рядом.

После ухода Тюлиньки Эрле сказала:

– Надо пойти, Гюро. Тюлинька хотела нас порадовать, и, может быть, побывать на концерте действительно будет интересно.

Вечером все вместе пошли на станцию. Гюро не сразу решила, с кем из троих идти за руку: держаться ли ей за Эрле и Бьёрна, но как же тогда Тюлинька? Поэтому она бежала впереди всех, потом возвращалась и, посмотрев на них, снова убегала вперёд. Ей вдруг стало до того радостно, как будто ноги вообще не касаются земли, а волосы развеваются сзади флажком: они у неё так отросли, что шапка их не закрывала.

– Побереги силы, – сказала Тюлинька. – Оставь немножко в запасе для концерта.

Гюро такой совет показался странным – разве нужны силы, чтобы тихо сидеть и слушать музыку?

На станции были люди, которые тоже ждали поезда, чтобы ехать в город, но их было не так много, как по утрам, так что в вагоне на всех хватило сидячих мест.

– Жаль, что Лилле-Бьёрн не поехал с нами сегодня, – сказала Эрле. – Ему бы тоже было интересно.

– Да, – сказал Бьёрн. – Но ему надо было сегодня ехать домой. Может быть, он скоро останется жить у меня, потому что его мама собирается надолго уехать.

– Наверное, он тогда будет ходить в школу в Тириллтопене? – спросила Тюлинька.

– Мы постараемся так и устроить, – сказал Бьёрн. – Иначе ему придётся слишком далеко ездить. Я думаю, он приедет к осени.

– Тогда ты и у него сможешь стать дневной мамой, – сказала Гюро Тюлиньке.

– Хорошо бы, чтобы после школы дома его встречал кто-то, с кем можно поговорить, – сказал Бьёрн. – А то у меня, бывает, за весь день не находится времени заглянуть домой.

Приехав в город, они пешком добрались до концертного зала. У входа они увидели толпу народа, а когда вошли, то попали в толпу в гардеробе: всем надо было раздеться и сдать пальто.

Женщины, которые принимали одежду, едва успевали развешивать её на крючки и выдавать людям номерки, чтобы каждый знал, где висит его вещь.

– Давайте держаться вместе, – сказала Тюлинька.

Она достала гребёнку и причесала волосы. Дождавшись, когда она закончит, они все вместе пошли в зал искать свои места. Тюлинька уже бывала тут прежде, поэтому она шла впереди, ведя за собой остальных, она отыскивала нужный ряд и правильные места.

– Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать – нам сюда, – сказала она. Она прошла к своему месту первая, за ней Гюро и Эрле, а самым последним Бьёрн.

Все, кто играл в оркестре, уже были на сцене. Сцена возвышалась над залом, где сидели Гюро и её спутники. Наверное, так сделано нарочно, чтобы всем было лучше видно музыкантов, и Гюро глядела

туда во все глаза. Сначала она посмотрела на тех, у кого были скрипки, их было много, а затем посмотрела на тех, у кого были скрипки немного большего размера – альты. Ещё были там и совсем большие, они стояли на полу и назывались виолончелями. Потом там были всяческие духовые инструменты: кларнеты, гобои, фаготы, флейты, медные трубы, а ещё барабаны и литавры. Один большой инструмент с натянутыми сверху вниз струнами стоял на полу, он весь так и сверкал золотом.

– Это арфа, – объяснила Тюлинька.

– Уже началось? – спросила Гюро, потому что все заиграли на своих инструментах, но только так, как будто у каждого была своя мелодия, а вместе получалась какая-то неразбериха, в которой не было ни складу ни ладу. Наверное, музыканты ещё только настраивали свои инструменты и проверяли звучание.

Затем вошёл человек со скрипкой, но он не сел, а остался стоять, и люди при его появлении захлопали, а затем вошёл человек с дирижёрской палочкой. Он встал на небольшое возвышение, откуда его хорошо было видно всем музыкантам в оркестре.

И вот он поднял руки. Весь оркестр умолк, и вдруг началась музыка. Гюро даже немножко напугалась, уж больно много музыки на неё обрушилось, но потом произошло что-то замечательное. Музыка была повсюду, она наполняла воздух, как ветер. Гюро казалось, что ещё немножко – и она как пёрышко взмует в воздух. На всякий случай она крепче схватилась за маму и Тюлиньку. Потом она увидела, что Бьёрн тоже держит маму за другую руку: должно быть, и он испугался, что музыка унесёт его, как ветер.

Играли скрипичный концерт Бетховена, и сейчас я бы очень хотела, чтобы книга могла передавать звучание и читатель тоже это услышал. Если тебе когда-нибудь случится услышать по радио объявление, что сейчас будет исполнен скрипичный концерт Бетховена, ты тоже сможешь его послушать точно так же, как Гюро. Гюро слушала и вдруг поняла, что значили слова Аллана, когда он говорил про красивое и чистое звучание. Перед человеком, который играл на скрипке, даже не было нот. Иногда он играл с закрытыми глазами. И хотя он стоял отдельно,

и он, и дирижер, и оркестр играли так слаженно, как будто у них одно дыхание.

Когда музыка кончилась, сначала было совсем тихо, а потом разразилась буря аплодисментов. Все вокруг хлопали в ладоши, а Тюлинька махала платочком и кричала «браво!». Гюро не махала, но тоже хлопала и глядела на человека, который играл на скрипке. У него был такой вид, точно он только что очень быстро пробежал очень длинную дистанцию. По лицу у него стекали капельки пота, он отёр их платком и всё время кланялся и кланялся, потом пожал руку дирижёру и одному человеку из оркестра, который играл на скрипке, ещё раз поклонился и ушёл. Но ему пришлось выйти ещё раз, и тут ему стали дарить цветы, и все вокруг хлопали и хлопали.

После этого наступил антракт, и Тюлинька сказала:

— Пожалуй, на сегодня с нас хватит. Во втором отделении будут играть симфонию, но на первый раз этого будет многовато для ушек Гюро. Да и время уже позднее. Так что лучше уж мы пойдём, в следующий раз останемся подольше.

— Да, — согласилась Эрле. — Это было так замечательно, Тюлинька! Я и не знала, что может быть такая красота! Слушать музыку в том же зале, где играют музыканты, — это действительно что-то особенное.

Они поехали домой, и Гюро почти всю дорогу молчала. Она боялась заговорить, чтобы музыка не улетучилась.

Но музыка не улетучилась. Она сопровождала Гюро всю дорогу и осталась с ней, когда Гюро легла в постель, и продолжалась даже во сне.

Тюлиньке звонят по телефону

В Тириллтопен пришла весна. Земля почти всюду освободилась от снега. Остатки его ещё белели в тенистых местах и в лесу, но на дорогах он стоял, деревья выбросили почки и вот-вот готовы были распуститься. Из-под земли просунулись налитые соком ростки. Проснувшись от долгой подземной спячки, они нетерпеливо стремились выбраться к свету.

А дома-то! Дома Тириллтопена! Скажете, дома не могут выбрасывать почки и распускаться? На свой лад и они делали то же самое! Зимой многоэтажные корпуса простояли притихшие. Казалось, что они тоже зябко съёжились, люди почти не виделись друг с другом, потому что все поскорей спешили укрыться – мороз всех загонял в дома. Но едва солнышко начало пригревать, дома словно бы ожили. Балконные двери стояли раскрытые, жильцы повыходили на улицу, радуясь солнцу, и вывешивали на воздух свои вещички. На улице сразу сталолюдно, словно в Тириллтопене прибавилось народу. На самом деле было не так. Народу осталось столько же, сколько и было, только сейчас люди стали больше показываться на улице. За зиму Гюро прошла много уроков у Аллана, а Сократ прошёл много уроков у Гюро. Мешало только одно неудобство: Сократу приходилось играть на большой скрипке, которая досталась Гюро от папы. Всё было ничего, пока играть нужно было только на свободных струнах, но, когда пошли упражнения, в которых должны были участвовать пальцы левой руки, начались трудности. Руки у Сократа были ещё коротки, а пальчики слишком малы, чтобы дотянуться туда, где надо было зажать струну.

Несколько раз Гюро давала ему поиграть на своей скрипке, чтобы и он мог хоть немножко поупражняться. Но чаще всего на ней упражнялась только Гюро. Она уже начала развивать мизинец левой руки, и это давалось ей нелегко, потому что мизинец не привык делать что-то отдельно от других пальцев и ему трудно было находить нужные ноты.

Никто, кроме Тюлиньки, не знал, что Сократ играет на скрипке. Ведь они договорились хранить это в секрете до тех пор, пока он не научится играть вместе с Гюро маленькие пьески.

С началом весны на упражнения стало оставаться всё меньше времени, потому что с утра Гюро и Сократа так и тянуло на улицу. Сократ теперь уже не так боялся других детей, иногда в играх участвовало много детворы, иногда к Гюро и Сократу присоединялся только малыш-Ларс из корпуса «Ю». Игр было столько, что не знаешь, как и успеть во все поиграть. Иногда они прыгали через верёвочку, и тут пришлось очень кстати, что они были втроём: двое крутили скакалку, а один прыгал. Ещё играли в классики и катались на велосипеде на площадке перед магазином, изображая из себя взрослых. Они наблюдали за старшими ребятами, которые переговаривались сиплыми голосами. У старших были мопеды и мотоциклы, и они щеголяли друг перед дружкой, показывая, как умеют ездить на одном только заднем колесе. У тех, кто уже вырос, но всё ещё не дорос до мотоцикла, были велосипеды, и они тоже показывали, как могут ездить на заднем колесе. Наглядевшись на них, Сократ тоже начал было изображать из себя взрослого, поднимать на дыбы свой трёхколёсный велосипедик и разговаривать грубым голосом, но потом это у него прошло.

Дни стали длиннее, и Гюро проводила во дворе всё больше времени, и только, когда наступал вечер, вспоминала, что ни разу за весь день не брала в руки скрипку. Она порывалась достать скрипку из футляра, но мама не позволяла, опасаясь, что уже поздно, кто-нибудь из соседей хочет отдохнуть или просто побыть в тишине.

– Знаешь что, Гюро? – сказала однажды Эрле. – Мне кажется, ты должна сказать себе, что будешь заниматься в определённые часы. Например, с утра, когда я уйду на работу, как это было зимой. Тогда тебе не придётся всё время мучиться мыслями о том, что ты собиралась позаниматься, но так ничего и не сделала.

– Угу, – согласилась Гюро и на следующий день после завтрака достала из футляра скрипку, подтянула смычок и поупражнялась, как учил её Аллан.

Поделав упражнения, она стала сама подбирать мелодии. И вдруг припомнила одну, которую почти позабыла. Это была песенка, которую ей много-много раз пел перед сном папа. Песенка была немного печальная и не слишком быстрая, а главное, очень красивая.

Когда к ней пришёл Сократ, ему досталась только большая скрипка, Гюро так увлечённо упражнялась, что не смогла оторваться от своей.

– Скоро ты возьмёшь меня на урок к Аллану? – спросил Сократ. – Ты же обещала!

– В следующий раз я спрошу разрешения, – сказала Гюро.

– Хорошо, – согласился Сократ. – А дома я ничего не буду рассказывать. Скажу только, что поеду с тобой в город. Тогда никто не узнает, что я тоже играю.

– Да, – сказала Гюро. – Вот послушай, Сократ. Это – гамма.

– Та-та-та-та-та-та-та, – повторил Сократ.

– Правильно. А сейчас ты у нас выучишь гамму ля-мажор. Её легко запомнить, потому что она начинается на струне ля.

– Ля-а-а-а, – пропел Сократ. Уж что-что, а ля-то он знал!

Тут вдруг зазвонил телефон. Тюлинька ещё не пришла, поэтому Гюро сняла трубку сама.

– Это квартира дворника, слушаю вас! – сказала она, как Тюлинька.

– Здравствуйте! Позовите, пожалуйста, фру Андерсен, – ответили в трубке.

– Она ещё не пришла, – сказала Гюро. – Она придёт только в десять. Сначала ей надо позавтракать с Андерсеном, помыть посуду и всё такое.

– Ну да, – сказали в трубке. – В газете так и было написано. Я думала выйти пораньше. Ну что ж! Значит, не получилось. Я позвоню ещё раз попозже.

– Хорошо, – сказала Гюро.

В трубке щёлкнуло, и Гюро положила её на место.

– Знаешь, Сократ, – сказала Гюро. – оказывается, в газете написано, что кто-то должен позвонить Тюлиньке.

– Мама читала газету перед тем, как уйти на работу, – сказал Сократ. – Но она ничего такого не говорила.

Когда пришла Тюлинька, её встретили две любопытные мордашки.

Гюро заговорила первая:

– Тебе звонила какая-то тётенька, она сказала, что в газете было написано, что она должна тебе позвонить.

– Да, действительно, – сказала Тюлинька. – Только она позвонила слишком рано.

– А почему в газете сказано, чтобы она тебе позвонила? – спросила Гюро.

– Нет, не совсем так, – стала объяснять Тюлинька. – Понимаешь, дело в том, что мне нужна одна вещь, но ведь не всегда у человека есть деньги, чтобы купить что-то новое. Поэтому я написала в газете, что хочу купить не новую, а старую.

– Купить старую вещь? – удивилась Гюро.

– Ну да, – сказала Тюлинька как ни в чём не бывало.

Выражение лица у неё при этом было такое же, как всегда, но Гюро всё равно почувствовала, что она отчего-то волнуется.

В этот день Тюлиньке звонили ещё, и не один раз. Телефон то и дело звонил, Тюлинька брала трубку и разговаривала приглушённым голосом, так что было трудно расслышать, о чём она говорит.

– Подите-ка вы погулять на дворе, – сказала Тюлинька. – До двенадцати я должна сидеть на телефоне, так как в газете я написала, что меня можно застать с десяти до двенадцати.

– И ты всех их попросила позвонить? – не унималась Гюро.

– Я не думала, что их окажется так много, – сказала Тюлинька.

– Ты не хотела, чтобы дедушка Андерсен знал? – попыталась догадаться Гюро. – Это будет сюрприз для него?

– Не совсем так, – сказала Тюлинька. – Но он сегодня собирался пойти на причал. Как только настала весна, он каждый день стал туда ходить. В этом нет ничего странного, ведь он – бывший моряк. Поэтому я и написала, чтобы мне звонили сюда, я же здесь сижу, с вами.

Когда Гюро и Сократ собрались уходить, в дверь позвонили, на площадке они увидели женщину с пятого этажа.

– Вот уже час я пытаюсь дозвониться до дворника, – сказала она. – Скажите, неужели дворник Эрле висит на телефоне всё утро! Я думала, что у неё есть дела поважнее!

– Разумеется, – ответила Тюлинька. – Телефонные звонки принимаю за неё я, а сегодня их было особенно много. Так какое у вас к ней дело?

– Мне нужна помощь, чтобы повесить ящики для цветов, – сказала женщина. – Мне с такой тяжестью не справиться.

– Хорошо, я ей передам. Номер квартиры?

– Пятьсот пять, – сказала женщина. – Высаживать цветы ещё рановато, но мне нужно, чтобы всё было готово к тому времени, как настанет тепло. Муж так занят, что его не допросишься. Вот я и решила попросить дворника.

– Я уверена, что вы обратились по адресу.

Снова зазвонил телефон, и Тюлинька бегом бросилась в комнату.

– Да, спасибо, – сказала она. – Но, к сожалению, я уже остановила свой выбор на другом предложении. До свиданья.

Вволю наигравшись во дворе, Гюро и Сократ проголодались и вернулись домой за вторым завтраком. Пришла и Эрле. С утра она работала во дворе, окапывала кусты и деревья возле дома, так что пришла усталая и перепачканная в земле, но лицо у неё было довольное, Эрле любила работу на открытом воздухе.

– Ну как? Много набралось заявок? – спросила она.

– Да нет! – ответила Тюлинька. – Всего лишь одна.

– О, как странно! – удивилась Эрле. – Ко мне подошёл один мужчина, он даже нарочно спустился во двор сказать, что не мог сегодня позвонить по нашему телефону, у нас всё время было занято. Я и подумала, что заявок меня ждёт целая куча.

– Нет-нет! Всего-то одна и есть из пятьсот пятой квартиры. Там надо закрепить ящики для цветов, – сказала Тюлинька.

Тут зазвонил телефон, и Тюлинька почему-то испугалась. Эрле сама взяла трубку.

– Что вы, ничего! – сказала она. – Пожалуйста, я сейчас же передам всё, что нужно.

– Это... О чём это? – спросила Тюлинька.

– Ничего особенного, – сказала Эрле. – Хозяйка Индивида просила передать, что тебе не нужно сегодня его выгуливать. Она будет дома и сама пойдёт с ним в лес.

– Это очень кстати, – обрадовалась Тюлинька. – Скажите, не могли бы вы до обеда обойтись сегодня без меня? Мне нужно срочно съездить в город по одному делу. И если у тебя, Эрле, найдётся рюкзак, то не могла бы ты мне его одолжить?

– Рюкзак-то найдётся, – сказала Эрле. – Никак ты собралась отправиться в туристический поход?

– Ну что ты! – засмеялась Тюлинька. – Просто хочется пофорсить немножко спортивным видом!

Рюкзак у Эрле был старый и видавший виды, потому что не раз побывал в походах. В городском пальто и с рюкзаком за плечами Тюлинька отправилась в путь. Гюро и Сократ проводили её удивлёнными взглядами, не понимая, почему она не позвала их с собой, но вскоре оба об этом забыли, занятые другими интересными делами.

Маленький секрет

Вернулась Тюлинька из города уже к обеду. Рюкзак был у неё на плечах, и, подойдя к корпусу «Ц», она подозвала Гюро и Сократа: – Скажите, можете вы ненадолго зайти со мной в дом? – спросила она. – Мне кажется, кое-что мы уже выполнили.

– Что уже выполнили? – заинтересовалась Гюро.

– Часть нашего секрета, – сказала Тюлинька.

Они зашли с Тюлинькой в дом, Тюлинька сняла рюкзак и достала из него что-то продолговатое.

Это был скрипичный футляр.

– Вот, Сократ, – сказала она. – Теперь у тебя наконец будет своя скрипка. Это тебе от меня.

И Гюро, и Тюлинька увидели, как обрадовался Сократ. Он так обрадовался, что у него даже покраснелись щёки.

– Ах, – только и выговорил он и вынул скрипку из футляра.

Она была такая же маленькая, как у Гюро. Правда выглядела она постарее и была слегка потёртой, но все струны были на месте, и в футляре рядом со скрипкой лежал смычок, а рядом, в специальном отделении, кусочек канифоли.

– Позвонило очень много людей, – сказала Тюлинька, – но женщина, которая продала мне эту скрипку, сказала, что её сынишка играл на ней три года, а теперь ему нужно купить другую скрипку, потому что из этой он вырос, и я подумала – раз этот мальчик продолжает учиться, значит, он бережно обращался со своей первой скрипкой, и вот теперь она

досталась тебе, Сократ. Видишь, Гюро, теперь вы можете играть вместе.

– Сначала надо её настроить, – сказала Гюро, потому что так сказал Аллан, когда они в первый раз должны были вместе играть.

Она достала скрипку и камертон-дудку и рьяно принялась настраивать!

– Ну вот, теперь почти хорошо, – объявила наконец Гюро. – Мы сыграем мелодию, которую уже знаем, – предупредила она Сократа, – и будем смотреть в ноты на пюпитре.

– Хорошо, – сказал Сократ, и они заиграли.

Едва они кончили, как за дверью послышался шум – кто-то пришёл. Это была Эрле. Сократ убежал в комнату Гюро и спрятал скрипку в шкаф. Он успел как раз вовремя. Эрле вошла со словами:

– Ну и громко же ты играла, Гюро! Тебя было слышно ещё с того конца коридора. Но ничего, до обеда можно.

– Кстати, – заговорила Тюлинька. – Перед тем как уйти домой к Андерсену я хотела сказать вам одну вещь. Не могли бы вы завтра в шесть прийти к нам в гости?

– Спасибо, с удовольствием, – сказала Эрле. – К этому времени я как раз закончу работу.

– Я хочу пригласить также и Сократа с родителями и сестрой, – сказала Тюлинька. – И конечно же Бьёрна и Лилле-Бьёрна, и Эви с Нюсси, и Лиллен, она же моя самая давняя подруга, а может быть, ещё и бабушку из лесного дома – мы с ней ходим в швейный клуб.

– Вот это да! У тебя прямо-таки большой приём! – сказала Эрле. – Уж не празднуете ли вы чей-нибудь день рождения?

– Да, – сказала Тюлинька. – Мой. Мы с Андерсеном за несколько дней начали печь пироги. Всё будет замечательно. Кто-то будет сидеть на стульях, а кто-то посидит на полу.

– Я очень рада такому празднику, – сказала Эрле. – Но теперь мне пора уходить.

– Правда же, хорошо, что все соберутся завтра? – сказала Тюлинька, когда Эрле ушла. – Вы с Сократом выступите перед всеми, и у Сократа дома узнают, что он играет на скрипке. А то, пока это секрет, он не может взять домой скрипку и упражняться.

– Ни-ни! – сказала Гюро. – Сегодня, Сократ, тебе ни за что нельзя забирать скрипку домой.

– Я не буду. А очень хочется!

– Эрле-то чуть было не застала нас врасплох! – сказала Тюлинька. – Ты молодец, Сократ, что вовремя успел.

Сократу в этот день нельзя было позавидовать. Уходя домой обедать, он должен был спрятать скрипку в шкафу у Гюро. После обеда он снова пришёл, но Эрле то и дело забежала с работы. Сократу оставалось только одно – потихоньку заглядывать в шкаф, чтобы полюбоваться скрипкой. Зато на другой день с утра можно было наиграться всласть, потому что дома остались только Тюлинька и Гюро, а Эрле отправилась в Центр покупать подарок для Тюлиньки.

Подарок она делала не только от себя. Она заранее поговорила с родителями Сократа и с Бьёрном. Они решили сложиться деньгами и сделать Тюлиньке подарок сообща. Так что утром Гюро и Сократ провели генеральную репетицию. Генеральной эта репетиция называется не потому, что для генералов. Генеральной называется самая последняя репетиция перед выступлением на концерте.

– Вальдемар, и Кристина, и Тюлинька будут как будто бы слушатели, – сказала Гюро.

– А можно я позову Чучело? – спросил Сократ. – А то он даже ещё не знает, что у меня теперь есть скрипка, а с ним и слушателей будет больше.

– Ладно, а я пока поупражняюсь, – сказала Гюро. – Как будто концерт ещё не начался.

Вскоре Сократ вернулся обратно. У Чучела был очень радостный вид оттого, что его взяли на концерт. Его усадили на отдельный стул, потому что Чучело был огромной куклой в полосатых штанах, бархатной курточке и с кепкой на голове. Вальдемар и Кристина уместились на одном стуле, а Тюлинька устроилась на табуретке, которую дети принесли из кухни.

– Сначала мы входим, – сказала Гюро, – потом кланяемся, как будто не знаем никого, кто будет нас слушать, а скрипку несём под мышкой – вот так.

Они удалились в прихожую, и затем вошли в комнату. У обоих были серьёзные лица, на Вальдемара, и Крестину, и Чучело, и Тюлиньку

они посмотрели, как будто те были чужие.

– Начнём с гаммы до мажор, – сказала Гюро, – тогда все сразу увидят, что мы серьёзно учимся и играем не как попало. Один раз сыграем медленно, затем быстро. Раз, два, три, четыре...

Они два раза проиграли гамму, и Сократ отвесил низкий поклон.

– А сейчас мы сыграем то, что написано у меня в нотах. Ну, ту пьесу, которой я научила тебя позавчера.

– Да, – сказал Сократ.

Для этого понадобился пюпитр, чтобы установить на нём ноты.

– Надо не забыть поставить пюпитр перед тем, как начнём играть, – сказала Гюро.

– Да, – сказал Сократ.

Он так волновался, что говорил только односложно. Но, похоже, ему нравилось то, что происходит, потому что он улыбался во весь рот.

– Веди себя серьёзно, Сократ, – сказала Гюро. – Начинаем играть.

Когда они закончили, Тюлинька им похлопала, а Чучело свалился со стула: как видно, и он был взволнован.

– Теперь мы поиграем как придётся, но только очень быстро, – сказала Гюро. – Чтобы все думали, что мы очень много всего умеем.

И тут зазвонил телефон.

– Квартира дворника, – сказала Тюлинька. – Ах, простите! Мы уже перестали и уходим на прогулку. Спасибо, что сказали! – добавила она. – Вот беда! Оказывается, в верхней квартире молодой человек готовится к экзаменам. Ему нужно заниматься, а из-за нас ничего не идёт в голову. – Быстренько всё убираем! И ты, Сократ, давай-ка спрячем твою скрипку вместе с футляром в рюкзак и возьмём его с собой. Мы идём за

Индивидом. Сейчас как раз пора вести его на прогулку, а скрипка пускай полежит в рюкзаке, пока не понадобится вечером.

– Да, – сказал Сократ. – А можно, Чучело побудет здесь?

– Конечно же можно, – сказала Тюлинька. – Вальдемару и Кристине будет с ним веселей.

Индивид очень обрадовался, когда они за ним пришли. При виде рюкзака он и вовсе ошалел от радости, вообразив, что его ждёт большая прогулка. Индивид очень хорошо знал, что такое рюкзак, потому что хозяин дома доставал его тогда, когда отправлялся в туристический поход на несколько дней.

Индивид носился по квартире как очумелый, насккивал на Тюлиньку, чуть не сбивая её с ног, а уж Сократ от его прыжков по-настоящему повалился на пол. Гюро поймала Индивида, повисла у него на шее и прикрикнула:

– Фу! Перестань беситься!

Наконец Тюлинька спрятала рюкзак в ванной, нашла поводок и сказала:

– Смотри, Индивид, не смей больше валять дурака! Мы просто ходим в лес как обычно.

Индивид, кажется, не очень поверил. Он так рванулся по коридору к двери, что Гюро и Сократ кинулись на помощь Тюлиньке, чтобы он не свалил её с ног. Выйдя из парадной, он несколько успокоился. Они перешли через дорогу и направились в лес. В лесу было хорошо. Дождя давно уже не было, так что дорожки были сухие и чистые. Тюлинька с шумом втянула ароматный весенний воздух и сказала:

– Ах, как хорошо! Правда же мне повезло, что к дню моего рождения выдалась такая чудесная погода?

– Ой! Поздравляю с днём рождения! – спохватилась Гюро. – Надо же, Сократ! Мы с тобой совсем забыли, что надо сказать в такой день! Но это же ничего. Вот придём к ней вечером в гости, тогда и скажем.

И тут навстречу выбежали два парня, ещё не очень взрослые. Мчались они страшно быстро и чуть не сбили с ног Тюлиньку. Она громко спросила:

– Куда это вы? Что за спешка?

Ребята ничего не ответили и даже не остановились. И тут Гюро заметила, в чём дело.

— В лесу дым, — сказала она. — Может быть, кто-то разжёл костёр?

— Караул! — воскликнула Тюлинька. — Уж больно много дыму. И дымится в той стороне, где стоит лесной дом. А ну-ка давайте бегом!

Тюлинька, Гюро и Сократ припустили бегом, а Индивид помчался как ураган. И вот впереди показался лесной дом. Во дворе бабушка что-то говорила курочкам. Должно быть, она выпустила их погулять, курочкам ведь тоже хочется побегать на воле. Корова Роза и Бычок ещё оставались в хлеву, их не выпускали, пока не появится свежая, сочная травка. Сейчас трава была блёкая и сухая: прошлогодняя, зимовавшая под снегом.

Бабушка и Самоварная Труба удивленно смотрели на бегущих навстречу людей, но ещё больше бабушка удивилась, когда Тюлинька на бегу закричала:

— Где у вас телефон — на кухне или в комнате?

– На кухне, – сказала бабушка.

Тюлинька влетела в дом и позвонила в пожарную часть, потом, выбежав сказала:

– В лесу пожар.

– Тогда надо взять топоры и другие принадлежности, – решила бабушка. – А ну кыш в курятник! – приказала она курицам.

Загнав их в курятник, она повела всех в лес, туда, откуда шёл дым.

Когда они подошли к тому месту, где был пожар, бабушка отпилила несколько веток и раздала своим спутникам:

– Сбивайте пламя, – сказала она – Только этим и можно с ним справиться, но смотрите, чтобы у вас ветки не занялись.

Самоварной Трубе и Индивиду веток не выдали. Индивид конечно же решил, что это такая новая игра. Люди балуются с ветками, а ему надо их выхватить. Но Тюлинька не на шутку рассердилась:

– Послушай, Индивид! Пора бы тебе различать, где игра, а где серьёзное дело. Ведь не хочешь же ты, чтобы весь лес сгорел? Отстань и побереги свой хвост, чтобы не подпалить.

Бабушка хлестала веткой по горящей траве, стараясь сбить огонь. Кое-где занялись уже и деревья. Тут Гюро заметила, что загорелся стог сена, который припасла бабушка. Гюро стала хлестать по стогу. Бабушка сначала не поняла, почему Гюро так делает, а потом увидела и похвалила:

– Молодец, Гюро. Этот стог у меня один из лучших. Жалко было бы, если бы он сгорел.

Они долго сбивали ветками пламя, но справиться с огнём не могли. В лесу было очень сухо, оранжевые язычки расползались во все стороны, и уследить за всеми было невозможно.

Наконец они услышали шум подъезжающей пожарной машины, и вскоре она уже въехала во двор. Пожарные выскочили из машины, протянули шланги и принялись заливать пламя водой. Кроме того, они срубили несколько деревьев, и через некоторое время пожар, казалось, потух.

– Хорошо, что вы вызвали нас вовремя, – сказал начальник пожарной команды. – Мы ещё побудем здесь и посмотрим, не загорится ли огонь снова. В такую сушь, никогда не известно, чего ожидать.

– Можете зайти в дом и сварить себе кофе, – сказала бабушка.

Тюлинька вдруг глянула на часы и воскликнула, обратившись к бабушке:

– Караул! Андерсен давно ждёт меня домой. Я же приходила, чтобы позвать тебя сегодня вечером в гости.

– Я бы и рада пойти, – сказала бабушка, – да разве уйдёшь, когда тут лесной пожар. Тут, понимаешь, надо сидеть дома да держать ухо востро, как бы опять не загорелось.

– Да, конечно, – сказала Тюлинька. – Как не понять. Ну что, дети? Скажем наш секрет бабушке? Она же не может прийти в гости, и я точно знаю, она никому не проговорится.

– Угу, – согласилась Гюро.

– Да, – сказал Сократ.

В глубине души ему очень хотелось, чтобы она проговорилась.

– Дело в том, что я купила Сократу старую скрипку. Они никому ничего не говорили, и Гюро учила его всему, что узнавала сама в музыкальной школе у Аллана. А сегодня Гюро и Сократ выступят перед всеми, но об этом знаем только мы трое. Ну а теперь ещё и ты.

– Это очень интересно, – сказала бабушка. – Я бы охотно послушала, но придётся как-нибудь уж в другой раз. Так, значит, ты купила старую скрипку. А я слыхала, что старые-то как раз самые дорогие.

– Да, но эта скрипка не из таких, – объяснила Тюлинька. – Те – старинные, а эта старая в том смысле, что кто-то ею уже пользовался.

– А я вот тоже давно подумывала, как бы мне купить пианино, – размышляла бабушка. – Чтобы Мортен учился на нём играть, а может, и какая-нибудь из девочек.

– А ты попробуй! – посоветовала Тюлинька. – Дай в газету объявление, что ищешь старое пианино. Однако нам пора домой.

Андерсен встретил Тюлиньку сердито:

– Я тут сижу и жду тебя с обедом. Мы же договорились пообедать пораньше, чтобы отдохнуть перед тем, как придут гости, а ты где-то там бегаешь и ни о чём не думаешь.

– Знаешь, а ты ведь впервые на меня по-настоящему рассердился, – сказала Тюлинька. – Мне бы тоже стоило рассердиться и как следует

с тобой поругаться, но сейчас мне не до того. Сейчас я расскажу тебе, почему я так задержалась.

Тюлинька всё рассказала, и Андерсену стало совестно:

- А я-то на тебя злился! Дай я лучше тебя расцелую, а потом мы пообедаем и хоть немножко приляжем перед тем, как начнут собираться гости.

На первом этаже в это время Гюро и Эрле тоже обедали, и Гюро рассказывала маме, какое у неё сегодня было приключение. Потом Эрле вытянулась на полу, чтобы отдохнуть по своему обыкновению, а Гюро, пока мама отдыхала, натёрла канифолью смычок и приготовила всё к вечеру.

– Ну как, доченька, ты рада, что идёшь в гости? – спросила Эрле, когда проснулась.

– Рада, но немного боюсь. Мне же сегодня играть.

– Всё будет прекрасно, – успокоила её Эрле. – Все знают, что ты только недавно начала учиться.

– Угу, - кивнула Гюро. – Но эту, Лиллен, я всё равно боюсь.

– Брось! Помни, что она подружка Тюлиньки и Тюлинька её любит. Она говорит, что Лиллен всегда болтает чепуху, а так она неплохая. Кроме того, она очень одинока и для неё радость повидаться со знакомыми.

Хорошо ходить в гости в том же доме, где живёшь. Гюро и Эрле даже не понадобилось одеваться как на улицу.

Понемножку собирались гости: пришли Гюро и Эрле, пришли Сократ и Аврора, Эдвард и Мари. Потом пришли Бьёрн и Лилле-Бьёрн. Эрле пришла с огромным свёртком и сказала:

– Это от нас – от всех, кто сюда пришёл.

– Как интересно! – обрадовалась Тюлинька. Но я подожду, когда подойдут и все остальные.

Пришли Нюсси и её мама, а последней пришла Лиллен. Собрались все. Тюлинька стала разворачивать свои подарки.

– Я и не думала, что у меня будет такой роскошный день рождения. Ведь это даже не круглая дата, – сказала Тюлинька. – Мне сегодня исполняется только шестьдесят семь.

Первым она открыла большой свёрток. Это оказался рюкзак, и Тюлинька ему очень обрадовалась:

– Как же он пригодится, когда мы отправимся пожить на природе! – сказала она Андерсену. – У тебя уже есть рюкзак, а теперь будет и у меня.

Нюссина мама нарисовала красивую картину. На ней был изображён лес, а по лесу гуляла дама с большой золотистой собакой. Это были Тюлинька и Индивид.

Лиллен купила для Тюлиньки передник. Она думала, что, выйдя замуж, Тюлинька только и делает, что занимается хозяйством.

Но Тюлинька сказала:

– Как славно, Андерсен! Теперь у нас есть передник. Мы можем надевать его по очереди.

Сам Андерсен подарил какую-то длинную и тонкую коробку. Было очень интересно, что там спрятано.

– Нипочём не угадаешь, что это такое! – сказал он.

– Действительно. Что же это может быть? Может быть, зонтик?

Это была подзорная труба, потому что Тюлинька любила разглядывать звёзды.

– Зимой будем выходить на балкон и глядеть на звёздное небо, – сказал Андерсен.

– Спасибо огромное! – растрогалась Тюлинька. – Ну ты и выдумщик!

– Тут есть подарок и от Индивида, – сказал Андерсен. – Вот, пожалуйста!

Это были ремешки с шипами, которые можно привязывать к подошвам в скользкую погоду. Чтобы Тюлинька не упала, когда Индивид изо всех сил дёрнет за поводок.

– Вы только посмотрите! Даже не знаю, что и сказать. Спасибо вам всем. Представляете себе, когда я жила в пансионате – ещё до того, как туда приехал Андерсен, – я часто сама себе покупала подарок на день рождения, чтобы было так, как будто кто-то обо мне помнит. А теперь давайте за стол!

На столе было много-много сладких пирогов и булочек, и кофе, и шоколад со сливками. Но хотя там было столько вкусных вещей, двое из гостей почти ничего не ели. Это были Гюро и Сократ.

– Я припрячу для вас угощение на потом, – шёпотом сказала им Тюлинька. – А сейчас можете выйти и сбегать сами знаете за чем.

Гюро и Сократ потихоньку выбрались из-за стола и отправились в корпус «Ю» на одиннадцатый этаж. Они позвонили в квартиру, где жил Индивид. Дверь открыла хозяйка, которая называла себя его мамочкой:

– Я уже знаю, за чем вы пришли, – сказала она. – Погодите только, пока я запру в кухне Индивида, потому что он, знаете ли, не может спокойно видеть рюкзаки.

Затем она вынесла им старый рюкзак Эрле, и они бегом помчались назад, в корпус «Ц», и поднялись на лифте.

Тюлинька уже поджидала их под дверью и быстро шмыгнула с рюкзаком в кухню.

– А теперь сделаем так, как мы договаривались, – сказала она.

Она вошла в комнату и хлопнула в ладоши.

– Что такое? Кто-нибудь будет держать речь? – спросила Лиллен.

– Не речь, – сказала Тюлинька. – Одна маленькая девочка выступит перед нами на скрипке. Она получила скрипку в подарок на Рождество, с тех пор взяла несколько уроков у учителя, которого зовут Аллан. Пожалуйста, Гюро! Прошу!

Гюро вошла одна. Она поклонилась и сыграла колыбельную, которую когда-то давно пел ей папа.

Когда она закончила, все захлопали, а Эдвард сказал:

– Какая милая мелодия! Я тоже слышал её. У тебя есть эти ноты?

– Нет. Только у меня в голове, – сказала Гюро.

Гюро вышла, а Тюлинька снова хлопнула в ладоши и сказала:

Дело в том, что у Гюро тоже уже есть ученик, и сейчас мы послушаем ещё одно выступление. – Установив пюпитр для нот, она снова пригласила: – Прошу!

Вошли Гюро и Сократ. Лица у них были очень серьёзные. Оба поклонились.

– Ну и ну! – удивился Эдвард.

– Раз, два, три, четыре, – сказала Гюро.

– Вот это да! Сократ! – не верила своим глазам его мама.

– Тсс, – шикнула Аврора.

Гюро и Сократ заиграли.

Закончив, они поклонились, торжественно удалились на кухню, вернулись и поклонились ещё раз, потому что аплодисменты не стихали.

– Как это вам удалось? – спросил Эдвард. – И где он позаимствовал скрипку?

– Это его скрипка, – сказала Гюро. – Так что ему не нужно заимствовать. Это Тюлинька ему купила.

– Да, – сказала Тюлинька. – Помните, я сказала, что сама себе покупала в магазине подарки, а на этот раз мне больше всего хотелось, чтобы у Сократа была скрипка, а то он так мучился с большой, которая есть у Гюро. Скрипка обошлась недорого, так что вы можете из-за этого не переживать.

– Мне показалось, что они местами фальшивили, – не утерпела Лиллен.

– Неужели, Лиллен? – сказала Тюлинька. – Знаешь, чему тебе надо бы поучиться? Тебе надо научиться слышать верный тон. Поначалу всегда проскакивают фальшивые звуки – как же без этого! – но главное-то в том, что другие были совершенно чистыми, и это, мне кажется, здорово! Попробуйте сами, если хотите, тогда вы сразу поймёте, как это трудно.

Все захотели потрогать скрипки, а в завершение Гюро и Сократ стали играть что попало, с бешеной скоростью, просто потому, что это было забавно. И тут раздался звонок. Это были соседи.

– Что это вы здесь шумите весь вечер! – сказали они. – Мы хотим покоя и не согласны терпеть это безобразие!

– Всё, всё, извините, пожалуйста! – сказала Тюлинька.

– Давайте перейдём к нам, – предложил Эдвард. – Тогда мы ещё поиграем, а я сяду за пианино.

Они отправились туда всей компанией, но едва начали играть, как зазвонил телефон.

– Сейчас нас и отсюда, наверное, прогонят, – огорчился Эдвард, снимая телефонную трубку.

Но оказалось не так. Звонили не сердитые соседи, а бабушка из лесного дома.

– Тут они, что ли? – заговорила она сначала сама с собой. – Ага, они тут! Я пыталась дозвониться Тюлиньке, но там никто не отвечал.

– Понятно, – сказал Эдвард. – Мы всей компанией перешли сюда. Как жаль, что вы, бабушка, не смогли прийти. Я слышал, вы побоялись бросить дом.

– Да, – стала рассказывать бабушка. – И правильно сделала. Потому что тут снова загорелось. Я к вечеру прилегла маленько вздремнуть, а остальные все были в доме, тут оно и началось. Пожарные здесь, на месте, но они говорят, что хорошо бы ещё людей на подмогу, потому что надо спиливать деревья, работы много. Мы понимаем, что у вас там праздник, но, может, придёте?

– Конечно, – сказал Эдвард. – И позову всех, кого знаю. Мы постараемся быть у вас как можно скорей. – Требуется наша помощь, – объявил Эдвард, положив трубку. – В лесу начался пожар. Наденьте какую-нибудь подходящую одежду.

– Гюро и Сократ, наверное, ещё малы, чтобы брать их с собой на пожар, – сказала Мари.

– Я так не думаю, – возразил Эдвард. – Они тоже любят гулять в лесу, любят лесной домик. Пускай только пообещают, что никуда не будут уходить со двора, чтобы нам не надо было за них тревожиться.

– А я, пожалуй, не пойду, – заявила Лиллен. – Я такая нервная!

– Оставайся тогда у нас в квартире, – предложила Тюлинька. – Я приготовила тебе постель в маленькой комнате. Ты можешь там полежать с книжкой и поспать. Мы с Андерсеном, наверное, до ночи не вернёмся.

Гости разошлись по домам, чтобы переодеться во что-нибудь попроще, и все по дороге рассказывали встречным о том, что случилось. И вот что удивительно: если обыкновенно люди в Тириллтопене жили каждый сам по себе, а молодежь часто слонялась без дела, не зная чем себя занять, то тут все вдруг поняли, что надо делать. Эдвард встретил большого мальчика, которого звали Кнут. Эрле встретила девочку, которую звали Грю. Те передали известие всем знакомым и незнакомым, и вскоре к лесу потянулась целая толпа народу. Многие несли с собой лопаты и топоры, а Бьёрн – бензопилу, которую недавно купил. Вообще-то он приобрел её для хижины в Кюлпене, но тут она как раз очень пригодилась. У Эрле был топор, а Тюлинька и Андерсен припасли то, о чём больше никто не подумал: они собрали и захватили с собой все оставшиеся от праздника

пирожные и булочки. Нюссина мама взяла с собой большой пакет кофе, хлеб и пачку маргарина.

Подойдя к дому в лесу, они даже испугались: пожар полыхал так, что над лесом стояло зарево, и горело неподалеку от дома. Пожарные были на месте, и к ним подъехало ещё несколько пожарных машин. Всем дали задание, кому и что надо делать. Отец и восемь детей пилили большое дерево, которое росло поблизости от дома. Теперь помощников прибавилось, и было решено, где лучше всего проложить просеку, чтобы остановить пожар. Мортен поливал из ведра ёлочку, которая росла внутри ограды. Это было его деревце, его подарил Мортену Ларс ещё несколько лет назад, это дерево было вынута экскаватором вместе с почвой, когда через лес прокладывали дорогу. Ёлочку перенесли на участок, она с тех пор выросла и стала Мортену выше головы. Мортен решил на всякий случай хорошенько облить водой дерево и траву вокруг.

Все дружно взялись помогать, и все вдруг поняли, как они любят свой лес, так близко расположенный к Тириллтопену. Наверное, все в нём гуляли и все знали домик в лесу.

В хлеву громко мычали корова Роза и Бычок. Они не очень-то понимали, что происходит вокруг, но слышали человеческие голоса и что-то почувствовали. Они просили, чтобы их выпустили, и не хотели оставаться взаперти.

– Как думаешь, не забрать ли мне животных к Ларсу? – спросила бабушка. – Для них тут сейчас не лучшее место. А так останутся целы, если вдруг пожар перекинется на хлев.

– Да, – сказал отец восьмерых детей. – Ты права, бабушка. Позови с собой кого-нибудь в помощь, а я пока посажу кур в ящик, чтобы увезти их на тачке.

В помощь бабушке отрядили Мортена и двух взрослых парней.

– Можно мы с вами? – спросила Гюро. – Мы будем присматривать.

– Отчего ж нельзя, пойдём вместе, – сказала бабушка. – Эй, Самоварная Труба, где ты там?

Самоварной Трубы нигде не было видно. Испугавшись громких голосов, она забилась под бабушкину кровать и ни за что не хотела вылезать.

– Ладно, оставь её здесь, – сказала женщина, которую звали Мартой. – Можешь положиться на нас, мы её тут не бросим, если придётся вдруг уходить. Но я думаю, они справятся с пожаром, правда?

– Я очень надеюсь, – вздохнула бабушка. – Ну, мы пошли.

К счастью, дорога к Ларсу вела прочь от пожара. Когда корову Розку и Бычка вывели из хлева, они норовили вырваться. Но с бабушкой было двое сильных парней, которые могли удержать испуганных животных. Помощь Гюро и Сократа тоже оказалась не лишней, они помогали толкать тачку с курицами.

Сначала в воздухе чувствовался жар, но чем дальше в лес, тем становилось спокойнее, только видны были позади клочья дыма, а потом и вовсе стало незаметно признаков пожара. Гюро ещё никогда не заходила поздним вечером так глубоко в чащу леса, это было настоящее приключение, хотя и печальное, потому что в лесу был пожар. Дул несильный ветер, и деревья раскачивали макушками. Самые старые из них потрескивали. Иногда за деревьями слышался шорох. Может быть, это пробежала лиса, а может быть, только мышонок. Разве узнаешь, кто там шебаршится! Один раз кто-то ухнул, и бабушка сказала:

– Это кричит сова.

Наверное, она заметила, что Гюро и Сократ вздрогнули.

Наконец они пришли на хутор Ларса и Анны. Дома они застали одну только Анну. Ларс, наверное, узнал, что случился пожар, и, взяв топор, отправился помогать.

– Вот здесь можно оставить скотину, – сказала Анна бабушке. – Я за ней присмотрю. А кур можно пока в амбар, я боюсь запускать их в курятник к нашим курам. Дело уже к ночи, и они могут обидеться на запоздалых гостей.

Потом все устроились в просторной кухне, и Анна дала им попить горяченького, чтобы они согрелись перед тем, как отправиться в обратный путь.

В стороне от дома была вырублена широкая просека, а пожарные с несколькими добровольцами затеяли что-то непонятное. Гюро ужасно испугалась: они разводили огонь там, где не было никакого пожара.

– Разве можно! – воскликнула Тюлинька, которая собирала с земли и оттаскивала в сторонку валявшиеся после рубки ветки. – Что вы такое придумали!

– Мы пускаем встречный огонь, – сказал пожарный. – Отойдите-ка все подальше! Сейчас увидите.

И Гюро увидела, как огонь старого пожара встретился с новым огнём. Оба пожара столкнулись и вступили в схватку друг с другом. Оба скоро обессилели и, взметнувшись напоследок снопом искр, упали, приникнув к земле. Пожарные залили всё водой, и внезапно наступила темнота. Место, где горело, сильно дымилось.

— Ну, кажется, справились! — сказал один из пожарных. — Но одни бы мы пожара не одолели.

— Вы уверены, что снова не полыхнёт? — спросила бабушка.

— Нет, — сказали пожарные. — Наверняка тут ничего нельзя знать, поэтому мы оставим на ночь несколько человек наблюдать. Остаётся только надеяться, что скоро пройдёт дождь. Сейчас, вон, почва сухая, как порох, до самых корней. Такая сушь, что того гляди самая земля под деревьями загорится.

— Хорошо, что вы скотину увели подальше, бабуля. Жалко было слушать, как она мычала.

— Гаффф! — послышалось вдруг из спальни. Это Самоварная Труба наконец осмелела.

— Ну, мы пошли в дом варить кофе, — сказала Эви.

Куртка на ней была разодрана в нескольких местах, а лицо чёрное от сажи.

— Кабы знать, что тут соберётся столько народу! — сказала бабушка. — Похоже, я ещё утром, во время первого пожара, истратила весь кофе, ни зёрнышка не осталось.

— А я принесла с собой большой пакет, — успокоила её Эви. — Тюлинька и Андерсен принесли пирожные, а у меня есть хлеб и маргарин.

В лесном домике собралось такое большое застолье, какого там ещё никогда не бывало, но продлилось оно недолго, все смертельно устали. Эрле еле держалась на ногах, и она тяжело опустилась на стул рядом с Гюро.

— Знаешь что, Гюро, — сказал подошедший Бьёрн, — похоже, нам с тобой надо поскорее отвести маму домой, а то ведь она работает за двоих. По-моему, без нашей помощи ей не хватит сил дойти до дома.

Вот ещё! — возмутилась Эрле. — Просто мне надо немного отдышаться. Ты сам наработался не меньше моего.

Все большой толпой двинулись восвояси. Многие раньше вообще не знали друг друга и впервые познакомились здесь. Тюлинька шла с Андерсеном и ещё какими-то людьми. Она до того устала, что сомневалась,

сумеет ли дойти до дома, но всё-таки дошла и сразу свалилась в постель, как была, чёрная от копоти.

Лиллен лежала в постели в маленькой комнатке, даже не подозревая, какую работу одолели за этот вечер жители Тириллтопена.

Она узнала об этом утром. Рано проснувшись, она на цыпочках зашла в розовую комнату, чтобы всласть поболтать с Тюлинькой.

У Тюлиньки постельное бельё было украшено белыми кружевами, оно служило ещё её родителям, а в старые времена простыни и наволочки было принято так украшать. И вот среди кружев Лиллен увидела измазанное сажей лицо.

— Господи! — ужаснулась Лиллен. — Как же ты выглядишь!

— Подумаешь, как я выгляжу! — сказала Тюлинька. — Скажи-ка, Лил-

лен, неужели ты никогда в жизни не видала пожарного?

С этими словами Тюлинька снова заснула. Из комнаты Андерсена тоже доносились храп и сопение.

— Ну что же, — вздохнула Лиллен. — Придётся мне самой приготовить завтрак.

Она отправилась на кухню и вдруг почувствовала, что тоже, оказывается, может быть кому-то полезной. Ведь она собиралась готовить завтрак для двух усталых пожарных!

В тот день многие, выходя на улицу, посматривали на небо. Обыкновенно они радовались солнцу, любили загорать, а сегодня все мечтали о дожде. Как видно, потому, что все вдруг поняли, сколько радости им даёт лес. Когда наконец пошёл дождь, весь Тириллтопен вздохнул с облегчением.

Сперва Бьёрн, затем Аллан

Хорошо, что скрипка Сократа больше не была под секретом, теперь он мог держать её дома и с утра спокойно на ней упражняться. И ничего, что папа шёл в школу учить детей, мама уезжала в город на работу помогать советом людям, которые сделали что-то не так и потому не знали, как им быть дальше, а Аврора отправлялась в школу. Сократу было даже лучше, что все уходили из дома, без них он мог спокойно позаниматься на скрипке.

Гюро у себя на первом этаже тоже упражнялась на скрипке, а, выполнив задания, они оба бежали играть во двор. Ведь наступила весна, и там появилось много всяких занятий. Как хорошо было побегать в лёгкой обуви вместо тяжёлых сапог, да и на то, чтобы одеться уже не требовалось много времени.

Однажды они помогали во дворе Эрле. Хотя по осени она чисто прибрала двор, к весне там снова накопилось много всякого мусора, на лужайке было полно прошлогодней листвы. Эрле сгребала её граблями из-под кустов и деревьев. Гюро и Сократ помогали ей складывать собранную листву на тачку. Катить тачку было недалеко, на ближайшей аллее уже ждал трактор с прицепом (это была тележка на колёсах), оставалось только погрузить в неё всё и увезти. Когда тележка заполнилась доверху, Эрле села на трактор и поехала. Гюро и Сократ побежали следом за ней в лес. Там у Эрле уже была вырыта яма, куда можно сбросить листву. В яме листья будут лежать, пока не превратятся в землю, так что лесу это пойдёт только на пользу.

Обратный путь Гюро и Сократ проделали, сидя в тележке. Ехать было очень тряско, потому что лесная дорога была ухабистая – вся в ямах да кочках, поперек неё торчали корни, и колёса на них подпрыгивали. Эрле вела трактор осторожно, чтобы Гюро и Сократ, несмотря на ухабы, не вывалились из тележки. Но через некоторое время Эрле закончила работу на тракторе, потому что надо было кое-что сделать в прачечной. Там сломалась машина для глажки постельного белья. Эрле надо было проверить, может ли она починить её самостоятельно или нужно вызывать электрика.

– Может быть, нам пойти к Бьёрну? – спросила Гюро.

Она увидела, что Бьёрн работает во дворе перед корпусом «Ю».

Хотя Бьёрн работал дворником в корпусе «Ю», а не «Ц» и все права на него принадлежали детям из корпуса «Ю», сейчас никого из них не было во дворе... Впрочем, нет, один всё же был, а именно маленький Ларс. Но с Ларсом они давно были знакомы, так что Ларс – это ничего.

Бьёрн перекопал заложенную в прошлом году морковную грядку и немного удлинил её. Он сказал, что разведёт там для детей ещё какие-нибудь овощи.

– Ты не будешь сегодня работать на тракторе? – спросила Гюро.

– Буду, – ответил Бьёрн. Но не здесь. Меня позвали с бензопилой на стройку, где потом будет школа. Ребята со стройки просили меня убрать у них одно дерево. Они очень старались сохранить даже те деревья, которые растут совсем рядом со школой, но у одного дерева нечаянно повредили корни, так что теперь его всё равно придётся спилить. Можете поехать со мной. Но сперва обещайте, что будете держаться в стороне и не подойдёте близко, пока я буду пилить.

– Хорошо, – сказала Гюро.

До школы было довольно большое расстояние, и дети обрадовались: ведь прокатиться туда – это как настоящее путешествие.

– А ты, Ларс, тоже поедешь? – спросила Гюро.

– Нет, – сказал Ларс. – Мы с мамой пойдём в Центр покупать майку.

Гюро и Сократ забрались на грузовую платформу. Бьёрн выехал на мостовую, где ездили грузовики и другие машины. Некоторым скорость Бьёрна казалась слишком медленной, и они его обгоняли.

С дороги они свернули на будущий школьный двор. Его ещё не доделали. Там были только песок да камни, и колеса запрыгали по ухабам. А вот школа – уже готова. Здание было не очень большое, и Бьёрн сказал:

– Школа, по-моему, получилась в самый раз – то, что нужно. Наверное, вы в неё и поступите, когда придёт время. Вот вы с ней и познакомились заранее. Теперь вы оставайтесь здесь, а я пошёл пилить дерево.

Дерево было крепкое на вид, но уже начало засыхать. С поврежденными корнями оно не могло получать из земли ни воды, ни питательных веществ. Загудела бензопила. Она быстро управилась со своим делом,

дерево сперва наклонилось, а потом повалилось на землю и легло поперёк двора.

Затем Бьёрн спилил все ветки, и от дерева осталось длинное, толстое бревно. С пилой в руке Бьёрн вернулся к трактору.

– Можете зайти со мной в домик, который строится рядом со школой, – сказал Бьёрн.

– Это тоже школа? – спросила Гюро. – Тогда я хочу ходить в эту – она такая маленькая и хорошенькая!

– Нет, – сказал Бьёрн. – Это будет домик школьного дворника. Можете всё посмотреть, только не ступайте на пол, а ходите по доскам, которые положены сверху. Тут будет три спальни, кухня и гостиная. А главное, какой подвал! Кроме прачечной в нём будет ещё большая комната. В ней хоть столярничай, хоть играй, а если ты занимаешься музыкой, то можно в ней упражняться.

– Ой, как здорово! – воскликнула Гюро. – Ну и повезёт же дворнику, который тут будет жить!

– И я так считаю, – сказал Бьёрн.

Гюро выглянула из окна и увидела перед домом женщину. Это была Тюлинька. Она почти бежала, а увидев трактор Бьёрна, кинулась прямо к нему, как будто трактор ей скажет, где Бьёрн и дети.

– Какой сегодня день недели? – спросила Гюро.

– Сегодня пятница, – ответил Бьёрн.

– Значит, не вторник, – сказала Гюро.

Никто не понял, что она хотела этим сказать, а дело было в том, что по вторникам Гюро ездила на уроки к Аллану.

Они вышли к Тюлиньке, и она встретила их взволнованным восклицанием:

– Я повсюду вас ищу! К счастью, я встретила Ларса и он сказал, куда вы поехали.

– А что случилось? – спросил Бьёрн.

– Я разговаривала по телефону с Алланом, – сказала Тюлинька. – Он разрешил привезти к нему сегодня Гюро и Сократа и назначил время в первой половине дня. Эдвард отвезёт их на машине, Сократ ведь там ещё никогда не бывал. Так что представляете себе, если бы я вас не нашла...

– Но ты же нашла, – успокоил её Бьёрн.

– Идёмте скорей, – заторопила Тюлинька. – Эдвард уже ждёт в машине. Твоя скрипка, Сократ, у него, и только тебе, Гюро, надо заскочить домой за своей.

– А разве ты с нами не поедешь? – спросила Гюро.

– Нет, на этот раз вас отвезёт Эдвард.

Гюро и Сократ припустили бегом, так что ноги их почти не касались земли, а у Гюро волосы развевались на ветру, как конский хвост. У Сократа волосы поднимались торчком, потому что он нёсся вприпрыжку. Они добежали до корпуса «Ц» и увидели перед ним синий автомобильчик с красными крыльями. Гюро быстренько сбегала домой, схватила скрипку и ноты, все сели в машину к Эдварду и поехали. По сравнению с поездом, когда ещё требовалась пересадка, – эта поездка оказалась куда короче и проще. Сегодня они ехали напрямик, так что получилось гораздо быстрее. Гюро даже не успела хорошенько подумать о том, что она будет играть.

В комнате ожидания всё было как всегда. Многие ученики распевались, расхаживая взад и вперёд, отовсюду неслись разные звуки. У Сократа не сходила с лица улыбка, потому что Гюро ему обо всём этом уже рассказывала. Потом к ним вышел Аллан, поздоровался с Сократом, и с Эдвардом, и с Гюро, и они ушли в класс, где, кроме них, никого не было.

– Ну, как ты скажешь, Гюро? – спросил Аллан. – Пускай сначала играет Сократ, раз он твой ученик и я его никогда не слышал?

– Угу, – согласилась Гюро.

Она немножко волновалась, правильно ли она его научила, и немножко гордилась тем, что Аллан будет слушать Сократа.

Сократ встал точно так, как они вставали, когда давали концерт у Тюлиньки, на этот раз он не поклонился, но зато улыбался, потому что ему было интересно выступить. Сократ совершенно не боялся Аллана. Ведь Гюро много раз рисовала себе на лице сажей чёрные бакенбарды, чтобы быть похожей на Аллана, и Сократу казалось, что он давно его знает. Сократ начал играть. Сначала он поиграл только на свободных струнах, затем сыграл гамму, а под конец мелодию, которую сам сочинил.

– Молодец, – сказал Аллан. – И скрипку держишь правильно, и штрихи делаешь хорошо.

– Как вы считаете, может Сократ ходить к вам на уроки? – спросил Эдвард.

– Я не думал брать новых учеников, – признался Аллан. – Потому что сам учусь и это занимает всё моё время. Но тут особый случай, раз они всё время играют вместе. Только у каждого должен быть свой отдельный урок. Двоих учить одновременно – толку мало. Придётся им пережидать, пока другой отзанимается. Ведь им, наверное, удобнее всего будет ездить вместе.

– Да, конечно, – сказал Эдвард. – Когда-то я буду их привозить, когда-то приедут с Тюлинькой.

Аллан немножко позанимался с Сократом и показал ему, как он должен выполнять первое задание.

– Ну вот. А теперь очередь Гюро.

– Спасибо, – сказал Эдвард. – Мы с Сократом посидим пока в комнате ожидания.

Урок начался, но у Гюро на этот раз почему-то ничего не клеилось. Мизинец не слушался и не попадал на струну, и Аллан сказал:

– Гюро, следи за смычком! Сегодня ты что-то слабо его держишь. И большой палец левой руки должен ведь только немного высываться за край, он не должен так вцепляться в скрипку. А то для других пальцев не остается места!

Гюро перестала играть и сказала:

– Ты считаешь, что Сократ играет лучше, чем я?

– Вон оно что, Гюро! – сказал Аллан. – Значит, в этом была загвоздка! Понимаешь, не мог же я с первой попытки сразу начать поправлять Сократа. Он ведь так гордится тем, чему у тебя научился. А ты уже давно ходишь ко мне на уроки, и с тобой я должен быть построже, чтобы ты не привыкала к неправильным приёмам. Я разговариваю с тобой совершенно так же, как со своими взрослыми учениками. Только не вздумай, пожалуйста, устраивать с Сократом соревнование, кто лучше играет, потому что нужно, чтобы занятия были вам обоим в удовольствие. Знаешь, что сказал мне когда-то давно мой старый учитель? «В точности так же, как

ты, не может сыграть ни один человек на свете». Понимаешь, это относится к любому из нас. Поэтому продолжай старательно упражняться, и ты подружишься с музыкой на свой особенный лад. Ну как, Гюро, успокоилась?

– Да, – сказала Гюро.

– Тогда на следующий раз я задам тебе трудную пьесу.

– Страшно трудную?

– Да.

Тут Гюро окончательно утешилась, и, когда она вышла из класса, Сократ подумал, что у неё такое лицо, как будто она про себя улыбается.

После урока они поехали домой. Сократ говорил не умолкая. На дороге, перед самым поворотом во двор корпуса «Ц», они увидели грузовичок, направляющийся к лесу. Он был красного цвета, а в кузове вёз что-то такое громоздкое, что, казалось, ещё немного, и он не выдержит, придавленный таким грузом. Но грузовичок, крепясь изо всех сил, мужественно свернул на дорогу, ведущую к лесному дому.

– Никак это едет пианино! – сказал Эдвард.

Лучшая подруга Сократа

В голове Гюро было много интереснейших мыслей. Мысли – замечательная штука, потому что их нельзя видеть. Так, Гюро могла что-нибудь рисовать, или смотреть книжку с картинками, или прыгать через скакалку и бегать, или просто стоять на месте, но, что бы она ни делала, её мысли в это время могли быть заняты совершенно другими вещами. Зато когда она играла на скрипке, тут уж все остальные мысли на время отступали, потому что тогда Гюро была слишком занята и не могла отвлекаться на что придётся, тем более когда она разучивала трудную пьесу. Тут уж только успевай следить: во-первых, надо было найти нужные ноты на струнах, во-вторых, не забывать о счёте. Затем надо было помнить, как правильно держать смычок и что нельзя зажимать большой палец, он должен лежать свободно. Потом, что нельзя растопыривать пальцы, когда берёшь какую-нибудь ноту, и большую часть

времени пальцы должны лежать спокойно. Ох, тут было столько всего, что голове даже становилось жарко. Гюро занималась на скрипке не целыми днями напролёт, а только по утрам, и она так к этому привыкла, что бралась за скрипку, почти не задумываясь.

Ещё до занятий, то есть совсем рано, они с мамой вставали, одевались и делали пробежку в лесу. К этому Гюро тоже настолько привыкла, что это стало для неё частью каждодневной жизни. С пробежки они возвращались проголодавшиеся, и, даже если просто молча завтракали, им было вместе очень хорошо. После завтрака они немножко прибирались в квартире, застилали постели, мыли посуду и делали всё дружно и весело. Но на этом совместные дела заканчивались, так как маме пора было выходить на работу, и, если бы не скрипка, Гюро чувствовала бы себя одиноко.

Сегодня Гюро занималась особенно долго. Закончив, она протёрла скрипку от канифоли, которая насыпалась на неё со смычка, сухой тряпочкой. Затем она уложила скрипку в футляр, и тут в дверь позвонили. Это пришёл Сократ. Наверно, он зашёл, чтобы позвать Гюро на прогулку и поиграть во дворе, как вчера: вчера они играли, как будто Сократ – Индивид, а Гюро – Тюлинька. Но сегодня Сократ даже не вспомнил про вчерашнюю игру, все его мысли были так заняты другим, что он прямо с порога выпалил:

– Гюро! Приехала Гиннекен. Мы уезжаем в Фабельвик на целых три месяца, потому что мама там будет работать, а мы с папой и Гиннекен приедем к ней позже, потому что папа ещё занят в школе, но Аврора поедет с мамой, потому что её отпустили и она доходит в школу в Фабельвике, и мы будем жить в домике тётеньки помощницы судьи Томаса, а сегодня мы едем её встречать.

– Ты едешь встречать тётеньку помощницу судьи? – спросила Гюро.

– Нет! Гиннекен! – сказал Сократ. – И мы уезжаем ещё не сейчас, а только на днях, поэтому ты тоже её увидишь.

– Кто это – Гиннекен? – спросила Гюро.

– Наша лучшая подруга из Голландии, – сказал Сократ. – Ну, я побегал, потому что мы с папой едем в аэропорт встречать, потом папе надо на уроки в школу, и мы с Гиннекен будем сидеть дома одни, так что ты приходи к нам!

Выпалив все новости, Сократ убежал.

Гюро застыла на месте. Лучшая подруга! Значит, лучшая подруга Сократа жила в Голландии! Это не Гюро, которая научила его играть на скрипке, и смотрела за ним, и сделала так, чтобы он не боялся других ребят! Значит, Гюро для него просто знакомая, а лучшая подруга у него, оказывается, была в Голландии!

Интересно, какая она. Наверное, она страшно богатая, раз может когда угодно просто сесть в самолёт и прилететь к Сократу! Гюро посмотрела на себя в зеркало. У неё обычные светлые волосы, а вот у лучшей подруги, наверное, золотые и, может быть, даже кудрявые, и одета она в красное платье и белые гольфы, и у неё с собой сумка и чемодан. Коричневый чемодан. Нет! Голубой или, может быть, зелёный. Нет! Белый. Гюро высунула язык и состроила рожу. Не себе, хотя и стояла перед зеркалом. Нет, она состроила рожу этой Гиннекен. Ну что бы такое поделать? Музыкой она уже позанималась, а выходить во двор не хочется. Не будет же она стоять во дворе и смотреть, как подъедет синий автомобильчик с этой Гиннекен! Аллан говорил, что скрипка поможет, когда ей будет грустно. Но ей даже ни капельки не грустно. Она злится. Её прямо разбирает злость. Что сделала мама, когда злилась? Мама стала мыть пол, быстро-быстро. А потом отругала Гюро за то, что Гюро раскидала вещи. Гюро пошла на кухню, взяла ведро и налила воды так, чтобы не доверху, и добавила в воду побольше мыла. Швабра была на месте. Где же половая тряпка? Эта – чтобы вытирать пыль. Вот она, половая, лежит рядом со шваброй.

– Тряпка, тряпка, – буркнула Гюро, окуная её в мыльную воду.

Она попробовала отжать тряпку, но получилось не до конца. Она с размаху шлёпнула тряпку на кухонный пол. Мытьё у Гюро пошло не очень-то быстро, несмотря на всю её злость, потому что швабра была длиннющая и всё время натыкалась на вещи. Гюро стала, наоборот, возить её за собой: сначала в прихожую, оттуда в гостиную вокруг ковра, а затем в свою комнату. Там мирно сидели Вальдемар и Кристина, но Гюро сказала:

– Разве не сказано вам, что надо убрать вещи! Пораскидали тут всё!

Взяв Вальдемара и Крестину, она резко посадила их на диван. И тут она услышала, что кто-то отпирает ключом дверь. Это пришла Тюлинька.

– Привет, Гюро! – сказала она. – Что это тут на полу за белые дорожки? Ой, я чуть не поскользнулась! Гюро, что это ты затеяла?

– Мою полы, – ответила Гюро. – По-быстрому.

– Вижу. Похоже, ты переложила мыла. Неси-ка сюда ведро. Налей свежей воды и отполощем тряпку. Надо ещё раз протереть пол. Давай сюда, я тебе помогу.

Гюро стояла и смотрела. Тюлинька мыла не по-быстрому. Она мыла медленно, но мыльные разводы исчезали.

– Ты знаешь голландские имена? – спросила Гюро.

– Голландские? – удивилась Тюлинька. – Странно, что ты спрашиваешь. Дай-ка подумать! Юлиана – так зовут голландскую королеву.

– Мне надо имя мальчика, – сказала Гюро.

– А-а, – протянула Тюлинька и задумалась. – Я знаю несколько художников и несколько спортсменов. Винсент Ван Гог. Значит, так: Винсент, Рембрандт, ещё Кеес Феркерк и Ард Шенк, но они, кажется, теперь уже не бегают.

– Ты назвала сразу столько имён, – сказала Гюро. – Мне не запомнить.

– Винсент Ван Гог – это один человек. Винсент – имя, а Ван Гог – фамилия. По-голландски ван то же, что по-немецки фон. Ну, если хочешь, пускай будет просто: Винсент, Рембрандт, Кеес и Ард.

– Рембрандт, – повторила Гюро. – Это хорошее имя. Я выбрала Рембрандт.

– И зачем же оно тебе? – поинтересовалась Тюлинька.

– Да так. Нужно.

Она ушла к себе в комнату, но вообще это была уже не комната, а аэропорт, и Гюро встречала там своего лучшего друга Рембрандта. Рембрандт приехал к ней в гости. Она долго играла у себя, разговаривала с Рембрандтом, а Тюлинька сидела у телефона на случай, если позвонят Эрле, а может быть, просто сидела и думала. Тюлинька сегодня так погрузилась в свои мысли, что даже не обратила внимания на то, что Гюро почему-то не выходит играть во двор.

Так продолжалось довольно долго. Наконец в дверь позвонили. Это пришёл Сократ:

– Тюлинька и Гюро, пойдёте к нам посмотреть на Гиннекен, – позвал Сократ. – Мы только что приехали и шли домой. Вы первые посмотрите на неё.

– На кого ты предлагаешь нам посмотреть? – спросила Тюлинька. – Гюро, иди сюда! Нам предлагают посмотреть на кого-то, кого я не знаю.

Тогда Гюро вышла, холодно взглянула на Сократа и сказала:

– Я не могу. У меня гость – мой лучший друг из Голландии, и зовут его Рембрандт.

– А-а! – только и выговорил Сократ. Ничего не понимая, он удивлённо смотрел на Гюро.

Но тут появился его папа, а рядом с ним высокая, худощавая женщина с короткой стрижкой и какими-то очень уж большими зубами.

– Извините, что мы врываемся без спросу, – сказал Эдвард. – Но Сократ непременно хотел, чтобы Гюро и наша гостья познакомились. Итак, это Мария Ван Гиннекен, но для нас она просто Гиннекен, потому что так звал её Сократ, когда мы жили в Голландии.

– А где же Рембрандт? – спросил Сократ.

– Он уже уехал, – сказала Гюро. – У него много дел.

– Рембрандт? – переспросил Эдвард. Вид у него при этом был очень удивлённый.

– Да, Рембрандт, – сказала Тюлинька, и выражение лица у неё стало очень задумчивое.

– Да, – подтвердила Гюро. – Это мой знакомый из Голландии, но сейчас его тут уже нет.

Все и так это поняли. Сократ отправился вместе со своими на девятый этаж, а Гюро пошла на двор и поиграла там с Ларсом, а не с Рембрандтом, потому что надобность в нём прошла.

Жаркий денёк

Гюро и Эрле сидели с Тюлинькой за вторым завтраком. Сократ не пришёл, он был очень занят с гостьей.

– Мне нужно кое-что с вами обсудить, – сказала Тюлинька.

– Давай рассказывай, – сказала Эрле, – мы слушаем.

– Видите ли, – начала Тюлинька, – Андерсен соскучился по родным местам. То есть его ужасно потянуло посмотреть на дом, где он провёл детство, и он хочет, чтобы я тоже поехала с ним. Это не так и далеко – всего пара часов езды, но он хочет провести в своём родном городке у фьорда всё лето. И как тогда Гюро будет ездить на уроки к Аллану?

– Пожалуйста, не тревожься об этом, – сказала Эрле. – Мы с Гюро что-нибудь придумаем. Сейчас лето, она целый день гуляет на воздухе, а у Аллана наверняка тоже будут каникулы. Скорее всего, до осени ей осталось совсем немного занятий. А осенью ты вернёшься, так ведь?

– Конечно, как же иначе! – сказала Тюлинька. – А если что, вы всегда можете написать мне письмо, и я сразу приеду, если понадобится. У Андерсена там живёт сестра, так что, если я на денёк-другой съезжу в город, он не будет скучать в одиночестве.

– Я знаю, что на тебя всегда можно положиться как на каменную стену, Тюлинька! Но сейчас, по-моему, тебе нужно взять от нас отпуск на всё лето и хорошенько отдохнуть.

– Ты уезжаешь сегодня? – спросила Гюро.

– Нет, что ты! До этого ещё несколько дней, – сказала Тюлинька. – Ну, вот я вам рассказала, и на душе стало полегче. Гюро, хочешь сегодня прогуляться с Индивидом, раз Сократ занят, пока у них гостит Гиннекен?

– Угу, – согласилась Гюро. – А Индивид тоже уедет на лето?

– Да, и он тоже, – сказала Тюлинька. – Индивид уезжает с мамочкой и папочкой в горы, так что от моего отъезда никто не пострадает.

Индивид страшно обрадовался, когда они за ним пришли, но сегодня он был немного не в форме, должно быть, из-за жары. Густая шерсть хороша зимой, но сейчас, летом, он приуныл и быстро дышал, высунув язык.

Всё время, пока они гуляли в лесу, в мыслях у него было только одно – вода. Вода, чтобы попить, и вода, чтобы в ней искупаться. А Тюлинька

об этом не догадывалась. Ведя на поводке Индивида, она думала о том, какие вещи надо взять с собой в поездку, когда они с Андерсеном отправятся в его родные места. Поэтому для неё стало полной неожиданностью, когда Индивид внезапно рванулся вперёд изо всех сил и запрыгнул в попавшийся по дороге ручей.

– Караул! – воскликнула Тюлинька.

Но Индивид притворился, что ничего не слышит, и разлёгся в воде на брюхо. Тюлинька очутилась в воде чуть не по колено, но, к счастью, устояла на ногах. Она тянула и тянула за поводок, но Индивид всё никак не мог накупаться, и ей пришлось ещё постоять в ручье. Наконец он удовлетворённо поднялся и отряхнулся так, что окатил Тюлиньку, как из душа. Но мало того! В довершение всего он, выйдя на берег, плюхнулся в грязь и хорошенько в ней извалялся, так что измазался весь с головы до кончика хвоста, превратившись из светло-золотистой собаки в грязно-коричневую.

– Надо идти в домик к бабушке, – решила Тюлинька, – чтобы ты там побегал по двору и обсох. Не могу же я вести тебя в городскую квартиру такого грязного.

Самоварная Труба обыкновенно всё время бегала во дворе, и они с Индивидом всегда играли, но сегодня, как нарочно, Самоварная Труба не показывалась и не встречала гостей. Посреди двора лежало десять набитых вещами рюкзаков, а сверху на них ремнями были прикреплены спальные мешки. При виде такого зрелища Индивид совсем ошалел. Сперва он начал носиться вокруг своих спутников, а потом принялся на скакивать, словно спрашивая, скоро ли в путь-дорогу.

Тюлинька ухватила рукой за столбик крыльца, а Гюро и вовсе залезла на перила. Индивид потерял к обеим всякий интерес и направился напрямиком в дом. Дверь была закрыта, но для Индивида это была не помеха, он мастерски умел открывать двери.

– Стой, Индивид! – попыталась остановить его Тюлинька. – В таком виде нельзя заходить в жилое помещение!

Но Индивид даже ухом не повёл. Положив передние лапы на дверную ручку, он надавил на неё всей тяжестью и с грохотом ворвался в дом.

Сначала наступила тишина, затем раздался голос бабушки:

– Не тронь пианино! Пошёл вон, грязнуля! Негодник ты этакий!

Залаяла Самоварная Труба. Видно, не узнала Индивида. На пороге показалась бабушка со шваброй в руках:

– А ну-ка ступай на двор! Выйдешь – будет тебе печенье!

Все трое наконец вышли из дома.

Тюлинька принялась извиняться перед бабушкой:

– Ты уж прости нас! Индивид всегда беснуется, стоит ему увидеть рюкзак!

Индивид всё ещё не мог успокоиться, но теперь он кругами носился по двору наперегонки с Самоварной Трубой, а люди только смотрели на это с крыльца. Наконец Индивид выбился из сил. Бабушка дала ему печенье, и он лёг отдохнуть.

– Вы собираетесь в дорогу? – спросила Тюлинька.

– Да, все, кроме меня, – сказала бабушка. – Мать, отец и дети едут на выступление Тириллтопенского духового оркестра, так что вернутся, наверное, денька через четыре-пять.

– Так ты останешься дома совсем одна? – спросила Тюлинька.

– Как же – одна! Со мной же тут будут корова Роза и Бычок, и курочки, и Самоварная Труба!

– Мы будем приходить навещать тебя, – сказала Тюлинька. – А сейчас разуюсь-ка я, пожалуй.

– Любишь ходить босиком? – спросила бабушка. – Это полезно – дать ногам подышать.

– Да, а ещё меня угораздило промочить ноги в ручье, так что я, если можно, разложу тут чулки, чтобы просохли.

– Пускай сохнут. Поди это Индивид тебя затащил в ручей. То-то я гляжу, он тоже мокрый.

Непросохший и грязный Индивид заснул на солнышке – авось высушит мокрую шёрстку.

– Хорошо, что вы заглянули ко мне, – сказала бабушка. – Давайте-ка я вам кое-что покажу.

– И что же это будет? – спросила Тюлинька.

– Пианино, – торжественно произнесла бабушка. – Помнишь, ты рассказывала, как купила старую скрипку Сократу? Мне давно уже хотелось

в дом пианино, да всё не было денег. Я и решила, дай попробую купить старое, и вот его привезли.

– Ой, как замечательно! – обрадовалась Тюлинька. – Ты умеешь на нём играть?

– Я – нет. А вот Мортен от него не отходит. А я только одним пальцем играю, ну и пыль вытираю с него, вот и всё.

– Где оно у вас, в горнице? – спросила Тюлинька.

– Нет. Там для него места мало. Поставили на кухне, рядом со стиральной машиной «Эсмеральдой».

Как было не зайти посмотреть!

Пианино было большое, чёрное, украшенное подсвечниками.

– Неплохо выглядит, – сказала Тюлинька.

– Хорошо бы, Эдвард как-нибудь к нам зашёл, – сказала бабушка. – Вот кто умеет играть!

– Надо бы собраться у вас и устроить музыкальный вечер, – предложила Тюлинька.

– Да, у нас тут теперь каждый день музыка, – сказала бабушка. – А вот, как уедут мои, без них станет тихо.

– Они уезжают уже сегодня? – спросила Тюлинька.

– Нет, сегодня уедут только рюкзаки. А сами ещё только завтра.

Пока они сидели и разговаривали, Тюлинькины чулки и башмаки высохли. Индивид отоспался и очухался. Шерсть на нём высохла, он отряхнулся и сделался чистеньким, как после купания. Да, впрочем, он и в самом деле недавно искупался.

Музыкальный вечер

Гюро и Тюлинька ехали в музыкальную школу. Аллан сказал, что это их последний урок перед началом каникул. На лето школа закрывается и откроется только осенью.

Гюро волновалась при мысли о том, как у неё получилась трудная пьеса. Войдя в маленькую комнату, где проходили уроки, она сначала даже испугалась, там всё было заставлено рюкзаками и чемоданами, был

даже вещевой мешок, какие носят моряки, рядом стоял проигрыватель и даже лежала какая-то одежда.

– Ты тоже уезжаешь? – спросила она Аллана.

– Нет, – сказал Аллан. – Но хозяева квартиры, которую я снимаю, предупредили меня, что я должен съехать, и я даже не знаю, как мне быть. Я подумал, не поехать ли мне к родителям в деревню, но это не самый хороший выход, потому что на лето меня берут поработать в одном ресторане. Я должен играть у них каждый вечер, и для меня это было бы очень кстати, потому что мне надо бы подзаработать. И вот теперь я не знаю, на что решиться. Скажи, Гюро, ничего, если я перед тем, как начать урок, быстренько позвоню в одно место по телефону? Мне нужно созвониться по поводу газетного объявления, где сказано, что сдаётся комната.

Гюро осталась в классе одна, но, пока Аллан не пришёл, она выскочила на минутку в комнату ожидания и рассказала Тюлиньке то, что только что от него услышала. Аллан вернулся после звонка огорчённый. Он сказал:

– Опять я опоздал! Комнату уже сдали.

– Знаешь что, Аллан! – сказала Тюлинька. – Окажи нам с Андерсеном услугу! Ты можешь пожить у нас в маленькой комнате. Скоро в твоём распоряжении останется вся квартира, потому что мы с Андерсеном уезжаем на всё лето, и у тебя будет время подыскать себе новую квартиру.

– Вы и правда это предлагаете? – не поверил Аллан. – Вот это неожиданность! Может быть, вам лучше сначала посоветоваться с дедушкой Андерсеном?

– Он будет только рад, – заверила Тюлинька. – Он всё время жалел, что квартира останется на лето без присмотра. А ты сможешь поливать у нас цветы в комнате и на балконе.

– А я уж было решил, что придётся ночевать сегодня здесь, – сказал Аллан. – Как же вы меня выручили!

– После урока ты сразу поедешь с нами, – сказала Тюлинька. – Мы возьмём машину, а то у тебя столько вещей.

Гюро видела, что Аллан обрадовался:

– Ну, Гюро, давай играть, – сказал Аллан. – Начнём прямо с трудной пьесы.

Гюро сыграла, и Аллан её похвалил:

-- Ты молодец, Гюро, и хорошо подготовилась к уроку. Очень многое у тебя получилось, но только слушай себя хорошенько, когда играешь, чтобы нигде не мазать.

– Мазать – это значит фальшивить, – сказала Гюро. – Это я уже знаю. Дома у меня иногда получалось лучше.

– Охотно верю тебе, – сказал Аллан. – Когда человек волнуется, смычок перестает слушаться, а пальцы левой руки начинают путать место и попадают не туда, куда надо. А теперь сыграем вдвоём.

Они сыграли, и Аллан спросил:

– Тебе нравится играть, Гюро?

– Очень!

Гюро даже не могла выразить словами, как ей это нравится и до чего вообще интересно играть на скрипке, а уж сыграть чисто – так лучше этого вообще трудно что то придумать! Но ничего такого она не произнесла вслух, а просто сказала:

– Очень! Я пробовала сыграть ещё одну пьесу, её я ещё не совсем разучила, но она очень красивая.

Она показала Аллану в нотном альбоме пьесу, которую пробовала играть.

– Надо послушать! – сказал Аллан. – Значит, эта. Очень уж ты забегаешь вперёд, но всё равно это здорово, что ты её разучиваешь. Я тоже очень люблю эту пьесу. Она из «Нового Света» и написал её Дворжак.

Они ещё немного поиграли, и урок закончился. Сегодня Гюро не пришлось пожелать Аллану хорошо провести лето, ведь они не прощались, а вместе отправились в Тириллтопен.

– Когда ты начинаешь играть в ресторане? – спросила Тюлинька.

– Ещё только в субботу.

– Это хорошо. Надеюсь, ты согласишься потратить на нас один вечер.

– А что? – удивился Аллан. – У вас что-то на него намечено?

– Да, – сказала Тюлинька. – В лесу живёт одна бабушка, все домашние у неё сейчас уехали, и в доме с ней никого. Вот мы и решили устроить у неё музыкальный вечер.

О том, что бабушка осталась одна, было известно многим людям, потому что папа детей обзвонил всех знакомых и всем об этом сообщил. Наверное,

ему очень не хотелось оставлять её в одиночестве. Эдвард и Тюлинька встретились в магазине, и Эдвард сказал:

– Почему бы не попросить Гюро и Сократа взять с собой скрипки, а мы возьмём что-нибудь вкусненькое и соберёмся как-нибудь вечером у бабушки.

– Конечно, – сказала Тюлинька. – Андерсен уже напёк крендельков, и Аллан, как ты знаешь, согласился пойти с нами, вдвоём вы нам что-нибудь сыграете. Гиннекен тоже пойдёт?

– Да.

– Как хорошо, что вы собираетесь развлечь бабушку, чтобы она не скучала в одиночестве! – сказала Эрле, провожая Гюро. – Я тоже приду попозже, как только закончу работу, которую меня попросила сделать одна женщина с восьмого этажа.

– А Бьёрн тоже придёт? – спросила Гюро.

– Очень может быть, – сказала Эрле. – А ты бы хотела, чтобы он пришёл?

– Да.

Ей хотелось, чтобы Бьёрн пришёл, ведь ему нравилось слушать, как она играет.

Гюро должна была идти к бабушке с Тюлинькой и Андерсеном. Поэтому она сначала пошла к ним. Аллана у них не было, он ушёл к Эдварду репетировать то, что они собирались играть.

Когда Гюро с Тюлинькой и Андерсеном, нагруженные крендельками, пакетом с кофе и ещё всякой всячиной, вышли из двери, они нос к носу столкнулись с Лиллен.

– А я шла к вам в гости, – сказала она, – но раз вы куда-то собрались, то идите, пожалуйста. Я-то думала навестить вас вечером, но могу, конечно, отложить это до другого раза.

– Ну что ты, Лиллен! – остановила её Тюлинька. – Давай лучше пойдём с нами! Мы собираемся к знакомой, которая живёт в лесу. Она там весь день одна, вот мы и решили её навестить.

– Я тоже живу одна, – сказала Лиллен, – но что-то не припомню, чтобы вы меня навещали с угощением.

– Ты же сама всегда строго требуешь, чтобы тебя заранее предупреждали, кто когда будет в гости! А эта старушка не такая требовательная. Она

даже не знает, что мы к ней нагрянем. Так что ты тоже можешь с нами пойти, только, смотри, придержи свой язычок, прежде чем высказываться о том, кто как играет, потому что там все будут музицировать.

– Непременно, – съязвила Лиллен. – У меня на этот случай как раз припасена в сумочке вата. В прошлый раз я не догадалась её взять, и потом мучилась из-за того, что нечем заткнуть уши.

– Хорошо, что я тебя давно знаю, – сказала Тюлинька, – а то я бы сейчас страшно на тебя рассердилась. Ну что же, пошли, пожалуй.

И они зашагали к лесному домику. Там стояла тишина, изнутри не слышно было ни звука. Тюлинька постучала в дверь, но никто не откликнулся. Подождав немного, она попробовала нажать на ручку, потому что бабушка могла ведь просто вздремнуть и не расслышала стука. Но, войдя, они увидели, что в доме никого нет: на кухне, в горнице, в бабушкиной спальне – везде было пусто.

– Может быть, она уединилась в маленьком домике на задворках?

Да, но отчего же нигде не видно Самоварной Трубы? – забеспокоилась Тюлинька. – Давайте-ка на всякий случай заглянем в хлев, хотя время для дойки уже и прошло.

– Тсс! – шикнула вдруг Лиллен, когда они вышли во двор. – Кажется, я что-то слышу.

Все четверо замерли, затаив дыхание, и тут они услышали пение, оно доносилось из хлева.

– Это колыбельная, которую я умею играть, – сказала Гюро.

– Что будем делать? – спросила Тюлинька. – Мне что-то боязно стучаться в хлев. Так можно напугать бабушку, а в её возрасте это вредно для здоровья. Давай, Гюро, встань-ка под дверью хлева и тихонько поиграй на скрипке.

Гюро заиграла. Она играла ту же колыбельную, которую пела бабушка. Когда она кончила, наступила полная тишина. Из хлева не доносилось ни звука. Гости во дворе тоже замерли.

– По-моему, надо, чтобы ты, Гюро, заговорила с бабушкой, – сказал Андерсен. – От детского голоса она не испугается.

Гюро открыла дверь и громко сказала:

– Бабушка, это я, Гюро!

– Ну, слава богу! А то я уж боялась, что это подземные жители там шалят. А это вы, оказывается, пришли! Надо же, как вас много! Добро пожаловать, гости дорогие, заходите в дом!

– Что ж ты, бабушка, сидела в хлеву? – спросил Андерсен.

– Да вот, смотрю, Розка у меня что-то заскучала, потому что все наши уехали. Теперь-то она слышит, что в доме есть люди, так мне уже и не надо с ней сидеть.

По бабушке видно было, как она обрадовалась гостям. Наверное, она и сама заскучала, когда все уехали, вот и пошла посидеть в хлеву, забрав с собой Самоварную Трубу.

Когда они поднялись на крыльцо, подошли Эдвард, и Сократ, и Гиннекен, и Аллан.

– Познакомься, бабушка, с Гиннекен, – сказал Эдвард. – Ты уже виделась с ней, когда швейный клуб ездил в Голландию.

– Верно. Хотя я и не умею говорить по-голландски, но добро пожаловать ко мне в гости!

– Перед поездкой я целый год занималась на курсах и немного научилась говорить по-норвежски.

– Вот это хорошо! – обрадовалась бабушка. – Не знаю только, поместимся ли мы все в горнице?

– И не надо! – сказал Эдвард. – Пойдёмте все на кухню. Это самое уютное место на свете. К тому же и пианино там стоит.

Тут вдруг в дверь постучали. Оказалось, это пришли две пожилые женщины.

– Глазам своим не верю! Неужели это тётушка Олеа, да ещё и бабушку с собой привела! А Хенрик и Хюльда тоже с вами пришли?

– Нет, они уехали на каникулы, – сказала тётушка Олеа. – Но я знала, что ты осталась одна. Я к тебе не с пустыми руками, а принесла бутербродов.

Вторая женщина была бабушка Уле-Александра. Она сказала:

– Дети все трое уехали на выступление духового оркестра. А дедушка остался дома на случай, если они позвонят по телефону.

В кухне сразу стало тесно, столько там собралось народа, и Эдвард сказал:

– Можно, наверное, начинать? Вряд ли ещё кто-то придёт?
– Придут, – подала голос Гюро. – Будет ещё мама и Бьёрн.
– Значит, надо ещё немножко подождать, – сказал Эдвард. – А вы можете пока настраивать скрипки.

Вскоре пришла Эрле. А Бьёрна не было.

– А разве Бьёрн не придёт? – спросила Гюро.
– Не знаю, чем он занят, – ответила Эрле. – Я не спрашивала.
– Ничего! У бабушки и так уже вон сколько гостей! – сказал Эдвард. – Для начала мы с Алланом сыграем то, что приготовили на сегодня.

Все сидели и слушали, а Эдвард и Аллан играли. Когда они закончили, Аллан сказал:

– Сегодня у меня получилось не очень. Что поделаешь – бывает!

Гюро посмотрела на него. Аллан был недоволен собой, хотя так хорошо умел играть. Гюро тоже иногда бывала собой недовольна, когда какие-то звуки у неё не получались как надо.

– А теперь могут сыграть Гюро и Сократ, – сказал Аллан. – Слушать их интересно.

Как только они начали, Лиллен принялась ватой затыкать уши. Но Гюро была этому только рада – по крайней мере, она не станет говорить, что они фальшивят и вообще всё не так.

– Вот это было хорошо! – похвалила бабушка, но тут же умолкла, словно смутившись. Ведь вышло так, как будто она сказала, что Аллан и Эдвард сыграли не очень хорошо.

Взглянув на Аллана, она сказала:

– А ты мазурку и рейнлендер тоже можешь сыграть?
– Могу. Рейнлендер я знаю. Вам хочется послушать рейнлендер?
– Да. – Кивнула бабушка. – Тут я чувствую себя на своём поле. Так, кажется, говорят у футболистов?

Аллан заиграл рейнлендер, а все слушатели притоптывали в такт. Но тут Эдвард сказал:

– Послушайте, раз мы собрались музицировать, то надо, чтобы все участвовали. Скажите, бабушка, ваши, наверное, увезли с собой все музыкальные инструменты, какие есть в доме?

– У меня остался большой барабан.

– И, наверное, найдутся пустые банки, в них мы насыплем гороху, – сказал Эдвард. – Ещё у нас есть бубенчики, деревянные палочки, и крышки от кастрюль, и метёлки. Давайте, бабушка, всё, что найдётся!

Бабушка всё это нашла. Нашла она ещё и пергаментную бумагу и спросила:

– Есть тут у кого-нибудь деревянный гребешок?

– Есть, – отозвалась Тюлинька. – Но твоя причёска в порядке, к тому же у тебя на голове платок.

– Я вовсе не причёсываться, – сказала бабушка. – Я подумала, что кто-нибудь тут сумеет играть на гребёнке, если на неё надеть пергаментную бумагу.

– Итак, начинаем! – сказал Эдвард. – Вы, бабушка, садитесь за большой барабан! Сыграем-ка рейнлендер ещё раз!

То-то было смеху! Все приняли участие, Гюро и Сократ подыгрывали как попало, дедушка Андерсен играл на гребёнке. Гиннекен играла

метёлкой на крышке от кастрюли. Лиллен осторожно прихлопывала в ладоши, а бабушка била в большой барабан. Когда пьеса кончилась, бабушка сказала:

– Я вроде бы видела, что есть кофе, а кто не захочет кофе, может пить какао.

И только она это сказала, в хлеву громко замычала Роза.

– Она недовольна, что музыка перестала, – засмеялась бабушка. – Если можно, Гюро, поди и поиграй на скрипке во дворе, как тогда, когда я сидела в хлеву, чтобы она успокоилась.

Гюро вышла во двор. В руках у неё была скрипка, но она сыграла не колыбельную, как тогда, а свою любимую пьесу – ту мелодию, которую начала разучивать по собственному выбору. Она играла для Розы и для леса, а звуки скрипки взлетали и уносились вдаль. И когда она закончила играть, то услышала вдруг чей-то голос:

– Это я, Гюро, – Бьёрн! Знаешь, что было замечательно? Вот иду я по лесной дороге, и что-то мне вдруг взгрустнулось в одиночестве. Я просто вышел погулять, чтобы на воле хорошенько поразмыслить, и тут вдруг услышал твою скрипку. Это было так хорошо! А ну-ка посмотрим, сколько весит девочка со скрипкой!

Он поднял Гюро вместе со скрипкой и с ней на руках вошёл в дом.

– Как жаль, что ты не пришёл пораньше! – сказала Тюлинька. – У нас тут был замечательный концерт. Все в нём участвовали.

– По-моему, я услышал самый лучший концерт, – сказал Бьёрн.

Никто не понял, о чём он говорит, кроме Гюро. Она почувствовала себя необыкновенно счастливой. И у мамы лицо уже было не обиженное, и всё стало так, как надо.

Уехать и поразмыслить

Вечером, после того как Гюро и все остальные побывали в гостях у бабушки в лесном домике, Бьёрн зашёл домой к Эрле и Гюро, чтобы Гюро показала ему ноты той пьесы, которую он услышал, когда шёл через лес, размышляя над разными вещами.

– Давай посмотрим, что тут написано! – сказал Бьёрн. – Ларго из симфонии «В Новом Свете» Дворжака. Это самая замечательная музыка, какую я когда-либо слышал. Хочется, чтобы ты сыграла её мне когда-нибудь, когда я буду очень счастлив.

– А сейчас ты не счастлив? – спросила Гюро.

– Да вот одна мысль всё не отпускает, – сказал Бьёрн. – Ты сейчас иди ложись, а мы тут немножко поговорим с твоей мамой.

Гюро легла в кровать. За дверью слышались голоса Эрле и Бьёрна. Один раз она как будто расслышала, как Эрле сказала: «Я нашла наконец работу, которая мне по душе и с которой я вроде бы неплохо справляюсь. Мне не хочется её бросать. Однажды ведь я уже осталась одна, и мне было очень страшно, что я не смогу заработать достаточно, чтобы обеспечить для нас с Гюро безбедное существование».

«Всё так, – сказал Бьёрн. – но, как я сказал, там полторы ставки».

«И полставки, наверное, полагается за мытье лестниц и тому подобное», – сказала Эрле.

«Нет», – сказал Бьёрн и добавил что-то ещё, чего Гюро уже не расслышала.

Гюро заснула, а утром, выйдя в гостиную, увидела на столе большой лист с рисунком. На рисунке было изображено три острова посреди моря – два маленьких островочка и один большой. На одном островочке сидели мужчина и мальчик, и уже больше там ни для кого места не оставалось. На другом островочке сидели женщина и маленькая девочка. Этот островок тоже был малюсенький. Но от него тянулась стрелка к большому острову, и на нём сидели мужчина с мальчиком и женщина с девочкой, а вокруг было ещё много места.

– Кто это нарисовал? – спросила Гюро.

– Ах, это? – сказала Эрле. – Наверное, Бьёрн. Вчера, пока мы с ним разговаривали, после того как ты ушла спать, он всё время что-то рисовал.

– Это же не просто так нарисовано. А ты даже не знаешь, что это значит!

– Если хочешь, спроси у Бьёрна, – предложила Эрле. – Разве мы не хорошо тут живём? По-моему, у нас тут всё хорошо. А ты как думаешь?

– У нас хорошо, – сказала Гюро. – Особенно когда все тут – и Бьёрн, и Лилле-Бьёрн, и Тюлинька с Андерсеном. И вчера было весело, когда все собрались и нас было так много.

– Да, иногда это бывает приятно, – сказала Эрле. – Но разве нам с тобой не хорошо бывает вдвоём на утренней пробежке?

– Утром хорошо. Но потом ты уходишь на работу, и тогда у меня никого нет, кроме скрипки, потом приходят Тюлинька и Сократ, но сейчас они уехали на всё лето. А мы куда-нибудь поедem, мама?

– Может быть.

– А можно поехать в Кюлпен? – спросила Гюро. – Мы же были там прошлым летом.

– Отчего же нет. Бьёрн сказал, что мы можем там пожить, если хотим. Он пока ещё поработает, так что ему сейчас хижина не нужна.

– Может быть, он тогда приедет нас навестить.

– Ну это уж как получится.

Эрле немножко задумалась, затем решительно встала и сказала:

– Ну, я пошла на работу. Передай от меня привет всем, кто сегодня уезжает. Я занята – сколачиваю скамейку. Я хотела сделать её к лету, чтобы Тюлиньке и Андерсену было на чём посидеть, а теперь они уезжают, но если не им, так другим будет радость.

Гюро осталась одна и стала думать, чем бы ей заняться. Обыкновенно она в это время упражнялась на скрипке, но сегодня у неё как-то не было настроения. Что-то её беспокоило, а что, она и сама не знала. Пойти, что ли, на улицу? Наверное, там она встретит других детей, и тогда не надо будет всё время думать неизвестно о чём. У подъезда ждал синий автомобильчик с красными крыльями. На крыше у него были привязаны чемоданы, и всё было готово для путешествия. Из подъезда выскочил Сократ, следом за ним вышли Эдвард и Гиннекен. Они вынесли корзинки, мешки и одежду и уложили всё в машину. У Сократа в руках был футляр со скрипкой и Чучело, кроме того, на большом пальце, как на крючке, болтался какой-то плоский пакет.

– Мы уезжаем, Гюро! – крикнул он так, словно это и без того не было видно. – Вдруг раз и собрались! Мама нам позвонила, и мы едем далеко-далеко, будем ехать несколько дней с остановками. Когда будем останавливаться, я смогу упражняться на скрипке.

Засунув скрипку и Чучело на заднее сиденье, он вернулся к Гюро с плоским пакетом в руках.

– Это тебе от нас, – сказал он. – Придумал вообще-то папа, но и я немножко, а Гиннекен пошла и купила.

Гюро ойкнула и развернула пакет. Там оказалась книжка, в ней было много-много картинок, но не таких, как рисуют в детских. На картинках были люди, одетые по-старинному, на некоторых было много неба, кое-где на нём были тучки.

– Это книга о Рембрандте, – сказал Эдвард. – Мы услышали, как ты о нём тогда говорила, и подумали, что тебе будет интересно посмотреть на его картины. Гиннекен такая мысль тоже понравилась, потому что Рембрандт жил в той же стране, где живёт она, она даже гордится тем, что мы купили тебе этот подарок. Встретимся снова после летних каникул и опять будем играть. Может быть, мы даже составим целый оркестр. Так что тебе будет о чём помечтать. Дело в том, что Аврора начала играть на виолончели. В Фабельвике у одного человека нашёлся лишний инструмент, и он даст Авроре первые уроки. Ну а пока желаем тебе хорошо провести лето. Давай, Сократ, забирайся на заднее сиденье! Гиннекен сядет рядом с тобой, она уже ждёт!

Гиннекен была такая рослая, что, залезая, чуть не стукнулась головой, но она как-то ужалась и поместилась в машине, даже не покривившись, хотя ей было очень тесно. Последним сел Эдвард, и они поехали. Гюро унесла книжку домой и поставила на полку, а затем взялась за скрипку. После того как Сократ уехал, у неё ведь, кроме скрипки, никого не осталось. Но играть ей пришлось недолго, потому что вскоре раздался звонок, это пришли Тюлинька и Андерсен.

– Гюрочка! сказала Тюлинька. – Вот мы и уезжаем, но будем тебе писать. А тут тебе кое-что от нас на память. Наверное, это не бог весть какой подарок для маленькой девочки, но мы подумали, что раз вы с мамой едете в хижину Бьёрна, то, когда случится такой повод, ты сможешь сделать маме сюрприз – поставить на стол угощение. Например, если у вас соберётся несколько человек гостей, а мама не успеет сходить в магазин – там ведь до магазина совсем не близко! Ну как тебе этот подарок – очень дурацкий?

– Нет. Я спрячу его на самое дно рюкзака, чтобы мама не знала.

– Такси уже тут, – сказала Тюлинька. – Проводишь нас, чтобы помахать на прощание?

– Да, – кивнула Гюро.

– Ну, всего тебе хорошего и кланяйся от нас Эрле! – сказала Тюлинька, и они с Андерсеном тоже уехали.

Гюро посмотрела в сторону корпуса «Ю». Перед подъездом, где была квартира Бьёрна, стоял грузовик, а Бьёрн грузил в кузов столы и стулья.

Гюро побежала к Бьёрну.

– Ты переезжаешь? – спросила она.

– Да, Гюро. Переезжаю, но совсем недалеко. Понимаешь, я теперь буду работать дворником при школе.

– Ох! – вздохнула Гюро. – Так ты больше не будешь тут работать? А кто же тут останется?

– Может быть, мой товарищ, который помогает мне сейчас с переездом, – сказал Бьёрн. – Но это ещё не наверняка. Потому что, может быть, он будет работать со мной в школе. Там нужны два человека, такое вот дело. А знаешь, чего бы я хотел больше всего?

– Нет.

– Чтобы вторым дворником была Эрле. Потому что вообще-то им нужно полтора дворника.

– Тогда она будет половина дворника? – спросила Гюро.

– Нет, – сказал Бьёрн. – Мы делили бы работу ровно пополам, чтобы вместе у нас получилось полторы ставки, а то время, что останется, тоже делили бы поровну на домашние дела. С осени Лилле-Бьёрн будет жить у меня, потому что его мама опять уходит в море. Стоит человеку раз попробовать, его потом всё время тянет путешествовать.

– И она путешествует совсем одна?

– Нет, она отправляется с тем, кто теперь стал её мужем, – сказал Бьёрн. – В море они и познакомились. Я бы и сам ушёл в море, если бы не Лилле-Бьёрн и вы с Эрле.

– Правда же, картинка, которую ты нарисовал, что-то значит? – спросила Гюро. – Ну, та, где нарисовано два острова, море и большой остров?

– Да, – сказал Бьёрн. – По-твоему, Эрле не против, чтобы я тебе объяснил, о чём она?

– Она сама сказала, чтобы я спросила у тебя!

– Так вот, – сказал Бьёрн. – Люди на рисунке вроде как были в плавании и попали в шторм, корабль потерпел крушение, а они вы-

брались на острова, а это значит... Сказать тебе, какая у меня была мысль?

— Да.

— Мысль была такая: вы с мамой потеряли твоего папу, и вам с ней пришлось тогда нелегко, но потом вы как будто выбрались на маленький островок, и всё стало неплохо, но на этом островке ни для кого другого уже не хватит места. Мы с Лилле-Бьёрном тоже попали в передрыгу, когда у нас с его мамой разладились отношения, но потом мы тоже выбрались на свой островок, и на нём тоже было место только для одного работника. Но тут появляется новая школа, это — как большой остров, и там хватит места для всех, и я на нём нарисовал зелёные лужайки, а это значит, что тут будет и где отдохнуть и повеселиться.

— Ага, — сказала Гюро.

— Теперь ты знаешь, над чем должна поразмыслить твоя мама. Завтра вы отправляетесь в Кюлпен, потому что я сказал ей, чтобы она дала себе время подумать, а на выходные туда приедем мы с Лилле-Бьёрном, и если ты поймёшь, что всё пошло так, как мне хотелось, то сыграй на скрипке ту прекрасную мелодию, мы услышим её ещё издалека. Это будет в субботу часов в шесть. Но смотри, не проговорись про то, когда мы хотим приехать!

— Хорошо, — сказала Гюро.

Потом Гюро побежала к маме и застала её за разговором с незнакомым человеком. Это был председатель правления жилищного кооператива.

– Чем это вы тут занимаетесь? – спросил он маму.

– Делаю скамейку, – ответила Эрле с гордостью. – Летом всем хочется побыть на воздухе, а в нашем корпусе есть и пожилые люди, которым не очень-то приятно сидеть на голой земле.

– Вам не следует затевать ничего такого, не посоветовавшись с правлением, – строго сказал председатель. – Это связано с затратами. Материалы там, и прочее.

– Что вы! Я купила все на свои деньги. Я решила сделать скамейку в подарок нашему корпусу.

– Но вы же делаете это в рабочее время, – сказал председатель правления. – Хотя у вас есть другие обязанности.

– Я очень часто работаю дольше положенного времени. Так что, наверное, то на то и получится.

– Но дело не только в этом, – горячился начальник. – Если тут поставить скамейку, то по вечерам на ней будет собираться шумная молодежь. Так что давайте-ка ставьте её где-нибудь в другом месте!

Он ушёл, а Эрле осталась красная, как свёкла, так она рассердилась и обиделась.

– Бьёрн переезжает, – осторожно начала Гюро.

– Я уже знаю, – сказала Эрле. – Скажи ему, пускай забьёт эту скамейку себе, тут нам не разрешают её ставить. Завтра, Гюро, мы с тобой уходим в отпуск и едем в хижину Бьёрна. Ключ уже у меня, так что с утра отправляемся в путь. Бьёрн обещал, что будет в моё отсутствие обслуживать наш корпус.

– Бьёрн отвезёт нас на машине?

– Нет. Сами доедем. Сядем на поезд, а из вещей у нас будут только рюкзаки.

– И скрипка, – добавила Гюро.

– Да. Очень хорошо, что у тебя есть чем заняться, когда мы будем жить там одни, – сказала Эрле. – Подожди, я только напишу записку Бьёрну.

– А что там написано? – спросила Гюро.

– Там написано: «Будь так добр, забери себе скамейку, я оставлю её возле котельной. В нашем корпусе не захотели, чтобы я её ставила. Спасибо, что пустил нас пожить в своей хижине. С приветом. Эрле».

Гюро помчалась с запиской. Она неслась, как жеребёнок. Потому что всё могло кончиться хорошо. Не наверняка, но всё же! Во всяком случае, хорошо было нестись, как на крыльях, почти не касаясь земли. Да и впереди ждала поездка за город – в Кюлпен, как и в прошлом году.

Гюро и Эрле

Мама позволила Гюро самой уложить рюкзачок. Гюро была этому рада, потому что на дно она спрятала консервные банки, подаренные Тюлинькой и Андерсеном, чтобы сделать Эрле сюрприз. Она завернула их в толстый свитер, чтобы они не гремели и не выдали этим своё присутствие. Затем она уложила свою одежду, которую Эрле заранее достала из шкафа и оставила на кровати. На полу возле кровати стояли резиновые сапоги, но Гюро не стала их укладывать, а просто надела на ноги, чтобы не слишком набивать рюкзак, но он всё равно получился очень тяжёлый, скорее всего из-за консервных банок.

Гюро и Эрле пешком отправились на остановку. Эрле сказала, что не зачем выбрасывать деньги на такси. Когда они наконец добрались до остановки, Гюро обрадовалась, что можно присесть на скамейку, рюкзак у неё был очень тяжёлый. В городе идти до станции оказалось совсем недалеко. Самое трудное было забираться в вагон, но Эрле подтолкнула её сзади, и она забралась.

Взяв у Гюро рюкзак, чтобы закинуть его на полку для багажа, Эрле спросила:

– Гюро, почему он такой тяжёлый? Неужели ты взяла с собой книгу, которую подарил Сократ?

– Да, и книгу тоже.

– Какой ещё ерунды ты туда напихала, что там такая тяжесть?

– Я не пихала ерунды, – слегка обиделась Гюро.

На поезде предстояло ехать несколько часов, так что Гюро была рада отдохнуть от рюкзака. Можно было спокойно сидеть и думать о разном, Эрле тоже думала. По их лицам никто не мог бы угадать, какие у них мысли.

Эрле сказала:

– Когда проголодаешься, скажи!

– Угу, – кивнула Гюро.

Она сняла резиновые сапоги, потому что в вагоне ногам стало в них жарко и тесно. Она попробовала посидеть, поджав под себя ноги, но тогда в них забегали мурашки, и пришлось их снова спустить и немного пошевелить, чтобы мурашки перестали. В два часа они прибыли в Кюлпен, и было очень интересно вновь увидеть знакомую станцию. Гюро и Эрле уже бывали тут прошлым летом, когда ходили встречать Тюлиньку. Гюро и Эрле приезжали в тот раз на машине с Бьёрном. Тюлинька же приехала на поезде, а со станции они шли уже все вместе. Дорога к хижине вела в гору, и Тюлинькин чемодан нёс Бьёрн. На этот раз Бьёрна не было рядом и не было Тюлиньки, только Гюро и мама. Мама сказала:

– Я захватила с собой что поесть, так что на сегодня мы обеспечены и не нужно заходить в магазин в Кюлпене. В магазин сходим завтра налегке.

– Угу, – пропыхтела Гюро.

Поскорей бы уж дойти до хижины, только бы дойти, чтобы можно было сбросить с плеч эту тяжесть!

– Я могу взять у тебя скрипку, – предложила Эрле. – Будем подниматься не спеша.

Они часто останавливались передохнуть, поэтому шли долго. Наконец подъём кончился, они дошли до хижины. Сбросив с себя рюкзак, Гюро вдруг почувствовала, что сама стала лёгонькой. Рюкзак словно придавливал её к земле, а сейчас она почувствовала, что вот-вот взлетит вверх, как мячик.

– Как же тут хорошо! – сказала мама. – Давай открывать дом.

Внутри было душновато и темно, но Эрле раздвинула занавески и открыла окна. Гюро посмотрела на озеро внизу. Оно было всё то же, что и прежде, и русалочьи розы цвели на нём, как тогда.

– Сейчас зажарим яичницу, – сказала Гюро. – Как тогда, в первый вечер в хижине. Помнишь, мама? Было так вкусно! Мы сидели перед окном, ужинали и смотрели на озеро.

– Помню, помню, – сказала Эрле. – Только давай делать всё по порядку. Сперва ты повесишь одежду в шкаф, который в одной спальне,

а я свою – в шкаф, который стоит во второй. Для двоих это же пустячное дело.

Гюро начала разбирать рюкзак. Сюрпризные банки она засунула на дно шкафа и прикрыла их сверху непромокаемыми вещами, взятыми на случай дождя.

У Эрле плита сначала никак не хотела разжигаться, но потом огонь разгорелся. Сперва плита подымила, но потом всё стало как надо. На сковородке зашипел бекон, а Гюро накрыла на стол перед окном.

Они сели и принялись есть, глядя на озеро, и еда показалась Гюро почти такой же вкусной, как в прошлый раз, но всё же не совсем.

– Вон лодка, – сказала Гюро. – Потом пойдём покататься, хорошо? По-настоящему, ты должна стоять на берегу и удить рыбу, а мы с Бьёрном кататься на лодке, как в прошлый раз. Но можно и так. Ты ведь умеешь грести?

– Умею. Но, может быть, хватит уже вспоминать, кто что делал, когда Бьёрн был здесь? Разве мы сами не можем придумать, чем нам таким заняться?

– Можем, конечно, – сказала Гюро.

Она решила больше ничего такого не говорить и не вспоминать всё время о Бьёрне. Но это всё портило.

Они спустились к лодке. И Эрле села на весла, но она не умела грести так тихо, как Бьёрн, чтобы почти не всколыхнуть воду.

Гюро не сказала, что она думала про себя, а только опустила руку в воду. Вода так нежно щекотала ей кожу, протекая между пальцев.

– А теперь пошли в дом, – сказала Эрле. – Сегодня у нас был утомительный день.

Они легли, но Гюро не спалось, она прислушивалась к незнакомым звукам, которые неслись со всех сторон. Надо было внимательно за ними следить, ведь они с мамой остались тут совсем одни.

Эрле тоже не сразу заснула, потому что ей много о чём надо было подумать. Она думала-думала, потом встала и села писать письмо, но, написав, изорвала лист. Она снова легла и на этот раз заснула.

Когда они утром проснулись, за окном моросил дождь.

Эрле сказала:

– Не беда, что погода сегодня не такая солнечная, нам всё равно надо в Кюлпен за продуктами.

Она остановилась на дворе и окинула взглядом хижину. Бьёрн говорил, что хочет покрасить её, когда выберет время.

– Знаешь что, Гюро! – сказала Эрле. – Давай сделаем Бьёрну сюрприз – возьмём и покрасим его хижину! У нас есть немного денег, и если бережливее тратить их на еду и всякие мелочи, то нам хватит, чтобы купить краску. Я уже знаю, какую надо брать, потому что тут в кладовке стоит банка с остатками краски от прошлого раза, но с тех пор, как ею пользовались, прошёл, наверное, уже не один год.

До магазина они дошли за какие-нибудь полчаса, зато подниматься обратно пришлось гораздо дольше, потому что рюкзак Эрле был доверху набит банками с краской, а рюкзачок Гюро так же набит пакетами молока, овсянки, в нём лежали хлеб и масло, и морковка, и картошка, и маленькая коробочка с котлетами, и баночка тресковой икры.

– Один раз и в обед поедим овсяной каши, – сказала Эрле. – Тогда, может, сэкономим на походах в магазин. Краска-то оказалась дороже, чем я думала. Хорошо, что у Бьёрна уже были малярные кисти: хоть их не пришлось покупать.

Дождь перестал, и в лесу запахло чудесно. Хоть и с тяжёлой ношей, Гюро шагалось легко. Мама как будто повеселела против вчерашнего. Наверное, оттого, что придумала красить домик.

Придя домой, Эрле тотчас же принялась отскребать старую краску.

– Это самая тягомотная часть работы, – сказала она.

Гюро тоже немножко помогла, а, когда устала, пошла и спряталась за домом. Тут из земли торчали пеньки от срубленных деревьев, а мама не могла услышать, о чём она говорит. Гюро стала играть, как будто здесь Бьёрн и Лилле-Бьёрн, а также мама и папа, хотя он уже умер, но Гюро хотелось, чтобы он познакомился с обоими Бьёрнами. Гюро хорошо помнила папу, – помнила, как он выглядел, потому что дома ведь была его фотография, помнила его голос, но папа словно бы отодвинулся куда-то вдаль, а потом появился Бьёрн, он всегда говорит: «А ну-ка посмотрим, сколько в тебе прибавилось весу!» И Гюро каждый раз мысленно махала папе рукой перед тем, как Бьёрн её подкинет. А тут ей не надо понарошку

махать, потому что тут они все вместе. Гюро рассказывала всё это очень тихо, но один раз, когда Эрле подошла совсем близко, чтобы отскрести краску на углу дома, она вдруг ясно услышала, как Гюро, разговаривая с пеньками, называет один «папа-Бьёрн».

– Ты играешь в медведей?¹ – спросила Эрле.

Гюро только невнятно хмыкнула.

К вечеру Эрле чуть не падала от усталости, но не стала ложиться вместе с Гюро. Она немножко почитала ей вслух, а затем сказала:

– Гюро, у меня к тебе серьёзный разговор.

– Да, – тотчас же откликнулась Гюро и даже вскочила с подушки.

– Видишь ли, Бьёрн хочет, чтобы они с Лилле-Бьёрном и мы с тобой стали жить вместе.

Гюро глядела на неё во все глаза, но только и сказала:

– Да?

– Но это значит, что я выйду за него замуж, – уточнила Эрле. – Вот я тебе и сказала всю правду.

– Да, – сказала Гюро.

– Понимаешь, я сама не думала, что когда-нибудь снова выйду замуж после твоего папы, – стала объяснять Эрле. – Но Бьёрн мне очень нравится. Мы так хорошо с ним вдвоём сработались. Твой папа был немного постарше меня, и он так хорошо играл на скрипке и рисовал. Мне казалось, что он вообще умеет всё на свете, и мне оставалось работать только для развлечения. А потом мы с тобой остались одни, и тут стало уже не до шуток. Тогда я поняла, что хочу работать дворником. Ну, ты сама всё это знаешь. Тут я лучше разобралась в себе самой. Ты меня понимаешь, или я говорю слишком сложно?

– Да, – сказала Гюро. Ей было понятно всё, что сказала мама.

– Бьёрн хочет, чтобы мы переехали в домик при новой школе, – сказала Эрле.

– Ну да, чтобы нам жить не на маленьком острове, а на большом.

– Да, – кивнула Эрле. – Это он сам тебе объяснил?

– Да.

¹ Слово «бьёрн» по-норвежски означает медведь.

– И ты согласна?

– Да. Тогда нас будет много.

– Да, – сказала Эрле. – И у тебя неожиданно появится старший брат. Бьёрн сказал, что у вас обоих будет у каждого своя комната. Ведь Лилле-Бьёрну нужно учить уроки, а тебе упражняться на скрипке. И знаешь, что ещё сказал Бьёрн? Что мы с тобой будем делать утреннюю пробежку точно так же, как раньше, потому что они с Лилле-Бьёрном любят проводить утро дома, а иногда они будут без нас, только вдвоём, уезжать в хижину, потому что так привык Лилле-Бьёрн, а иногда будем ездить сюда все вместе. Наверное, с непривычки нам покажется странно жить вчетвером, раз мы привыкли всегда быть вдвоём, но, если что-нибудь кому-то покажется не так, мы это вместе обсудим и найдём выход.

– Угу. Ты напишешь Бьёрну письмо?

– Я подумывала, – сказала Эрле. – Но теперь решила, что подожду с этим до воскресенья. В воскресенье вечером мы будем уже дома. Бьёрн же знает, что мы собирались побыть тут недельку и что нам нужно хорошенько всё обдумать.

– Ну мы же вон уже сколько обдумали! – сказала Гюро.

– Да. А теперь давай спи, завтра будет день, и мы успеем обо всём наговориться.

Утро началось, и день продолжался в самом хорошем настроении. Эрле отскребла всю старую краску и начала покрывать стены новой. Она поработала весь день напролёт, едва улучив между делом немного времени для того, чтобы вместе с Гюро приготовить обед. Сегодня они открыли баночку с тресковой икрой. Котлеты были съедены ещё вчера, но в запасе оставалось ещё много овсянки, морковки и картошки.

– В субботу будем есть овсянку, а в воскресенье наварим картошки и морковки, сделаем себе выходной и сходим на прогулку, – сказала Эрле.

Когда настала суббота, Гюро с утра пораньше то и дело начала приставать с вопросом, который сейчас час.

– Сейчас десять часов, – сказала Эрле. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

К двенадцати Эрле закончила красить дом. Они рано пообедали овсяной кашей, и Эрле растянулась на полу, чтобы отдохнуть. Гюро сидела

на кухне и не сводила глаз с большого будильника. Она знала, где написана шестёрка, и знала, что маленькая стрелка должна дойти ровно до этой черты, а длинная стрелка должна смотреть прямо вверх и тогда случится то, чего она так ждала. Временами она выходила из дома поиграть, но быстро возвращалась в дом, чтобы следить за стрелками.

Отдохнув, Эрле выпила кофе и сказала:

– Ну что, Гюро? Пойдём погуляем до вечера? Может быть, увидим что-нибудь интересное?

– Нет, – сказала Гюро. – Мне надо поупражняться на скрипке.

– Какая же ты у меня добросовестная! Ну ладно. А я пока пойду поужу рыбу.

Эрле достала удочку и встала с ней на холмике у воды. Всё складывалось удачно.

Гюро взяла с собой скрипку, до шести часов оставалось уже совсем немного. Выйдя на дорожку, она начала там играть. Сыграв несколько гамм, а затем маленьких пьес, которые выучила, когда только начинала заниматься у Аллана, она наконец начала ту пьесу, которую играла во дворе лесного дома. Она так волновалась, что от напряжения смычок немного подпрыгивал у неё в руке, но хотя звук и не получился таким хорошим, как ей бы хотелось, правильную дорогу он всё же должен был указать.

Когда она закончила играть, то увидела обоих Бьёрнов, и Бьёрн-старший сказал:

– Как же я рад, Гюро!

Он поднял Гюро вместе со скрипкой на руки и понёс к хижине.

– Что такое? – удивился Бьёрн. – Никак дом покрасили? Это сделала Эрле?

– Угу, – ответила Гюро и закричала:– Мама, мама! Посмотри, кто пришёл!

Эрле посмотрела наверх и вдруг застыла на месте, выронив удочку. Это было на неё совершенно непохоже. Затем она бегом бросилась им навстречу.

– Ой! – воскликнула она. – Да вы, оказывается, приехали! Как здорово!

Она поздоровалась с Бьёрном и Лилле-Бьёрном за руку, как с чужими. Но Бьёрн взял её руку и долго не отпускал. Потом он сказал:

– Мы приехали за вами. Завтра поедем вместе домой.

С этими словами он обнял Эрле.

– Пошли, Гюро, – сказал Лилле-Бьёрн. – Надо выловить удочку, пока не уплыла.

Бьёрн буркнул что-то насчёт того, как бы Гюро не упала в воду, но Лилле-Бьёрн сказал:

– Я за ней присмотрю.

Когда все собрались в хижине, Эрле сказала:

– Вот беда, нам же почти нечем вас угостить!

– Ой, а мы опоздали в магазин – забыли, что в субботу он раньше закрывается, и оба голодные как волки.

– У нас тут есть хлеб, морковка и овсяная каша, – сказала Эрле.

– Вот и хорошо, – сказал Бьёрн.

– У нас есть и ещё кое-что, – радостно объявила Гюро. – Это Тюлинька и Андерсен подарили нам для лета.

И она вынесла припрятанные консервные банки.

– Так вот почему твой рюкзак был такой тяжеленный, плутишка! – догадалась Эрле. – И вот почему ты весь день спрашивала, который час! Так ты поэтому и играть вышла на улицу? Ведь обыкновенно ты играешь в доме.

– И у Гюро есть право иметь иногда свои секреты, – сказал Бьёрн. – А теперь давайте готовить ужин!

Эрле обернулась к Лилле-Бьёрну.

– А как ты? – спросила она. – Не против, если мы с папой поженимся и будем жить все вместе вчетвером?

– Я – нет, – сказал Лилле-Бьён. – Мы с папой уже поговорили об этом. Что до меня, так я очень даже за. Когда вы поженитесь, вы иногда будете ругаться, и мы с Гюро, наверное, тоже не останемся в стороне. Но потом все помирятся.

– Ничего, мы это как-нибудь переживём, – сказал Бьёрн. – Вот посмотрите на озеро. Сейчас оно тихое, но такое оно не всегда. Как подует ветер, оно станет свинцово-серое и по нему заходят волны. Иногда случается гроза с громом и молнией, но гроза пройдёт, и всё уляжется. По-моему, так же и в человеческой жизни. Конечно же иногда между нами будут возникать разногласия, мы выскажем своё мнение – все четверо, а потом снова наступит тишь да гладь.

Они сели за стол ужинать, глядя в окно на озеро. Они вкусно поели, а затем пошли к озеру – на этот раз не Гюро с Лилле-Бьёрном, а все вместе. Гюро и Лилле-Бьёрн сели на носу лодки, Эрле на корме, а Бьёрн на веслах. Никто особенно не разговаривал, но Бьёрн так смотрел на Эрле, что казалось, говорил с ней без слов.

Поверхность озера даже не всколыхнулась. Он грёб так аккуратно, что вёсла тихо скользили в воде, и только русалочки розы покачивались, словно кивая пловцам.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЮРО ОДНА ДОМА

Одна дома!	7
Нечаянный переполох	14
Страх понарошку	21
Скатить палубу	29
Лес	38
В преддверии Рождества	46
Вечерняя работа	53
Зелёное, как лето	61
Возвращение в прошлое	70
Приятель Андерсена	77

ГЮРО И СКРИПКА

Галоп и скрипач-спиллеман	89
Первый урок на скрипке	98
Сократ и ля	106
Эрле делает лыжную пробежку	114
Музыка тут и там	122
Тюлиньке звонят по телефону	131
Маленький секрет	136
Сперва Бьёрн, затем Аллан	153

Лучшая подруга Сократа	158
Жаркий денёк	163
Музыкальный вечер	166
Уехать и поразмыслить	174
Гюро и Эрле	181

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине

ГЮРО И СКРИПКА

Повести

Ответственный редактор *С.В. Рахманова*

Художественный редактор *Е.Р. Соколов*

Технический редактор *С.А. Грачёва*

Корректоры *Л.Н. Козлова, Е.В. Туманова, Н.М. Соколова*

Компьютерная вёрстка *А.М. Тарасова*

Подписано в печать 25.08.2016. Формат 84×100^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 5000 экз. D-VES-17115-01-R. Заказ № 900.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» -

обладатель товарного знака Machaon

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филiaal ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»

Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81

e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46

Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

Есть книги, которые каждому необходимо прочитать в детстве. Среди них – книги известной норвежской писательницы АННЕ-КАТРИНЕ ВЕСТЛИ (1920–2008). На родине её имя известно каждому, а её популярность в Европе можно сравнить только с популярностью Астрид Линдгрен. Более чем за полвека литературного творчества Вестли написала 56 книг и получила почётное звание Бабушки Всей Норвегии. Её книги переведены на многие языки и пользуются огромной популярностью во всём мире.

Вы наверняка уже успели познакомиться с Гюро и её мамой Эрле.

Из этой книги вы узнаете, что случилось с Гюро, когда она осталась вечером дома одна, как Гюро и Сократ скатили палубу, что Водяной подарил Гюро на Рождество, как Гюро и Сократ давали скрипичный концерт и многое другое. В сборник вошли повести «Гюро одна дома» и «Гюро и скрипка».

ЕАС